

Н. Ф. ФЕДОРОВ
и ЕГО
ВОРОНЕЖСКОЕ
ОКРУЖЕНИЕ

(1894-1901)

Н. Ф. Федоров
Набросок худ. Л. Пастернака

Воронежский
государственный университет
Исторический факультет

Н. Ф. ФЕДОРОВ
и ЕГО
ВОРОНЕЖСКОЕ
ОКРУЖЕНИЕ
(1894–1901)

*Статьи,
письма, воспоминания,
хроника пребывания
в Воронеже*

Составители: А.Н. Акиньшин,
О.Г. Ласунский

Издательство
Воронежского государственного
университета
1998

ББК 26.891

Н 11

Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение
Н 11 (1894—1901): Статьи, письма, воспоминания, хро-
ника пребывания в Воронеже / Предисл. С. Г. Семеновой; Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч.
А. Н. Акиньшина и О. Г. Ласунского. — Воронеж:
Издательство Воронежского государственного уни-
верситета, 1998. — 240 с., 16 отд. л. ил.

ISBN 5-7455-1002-1

Сборник включает произведения классика русской философ-
ской мысли Николая Федоровича Федорова (1829—1903), напеча-
танные в Воронеже анонимно или под псевдонимами в 1896—
1899 гг. Публикуются также различные материалы, связанные с
пребыванием Н. Ф. Федорова в Воронеже (1894—1901).

Для широкого круга читателей, интересующихся философией
Н. Ф. Федорова, а также историей воронежского края.

ББК 26.891

Научное издание

Н. Ф. ФЕДОРОВ И ЕГО ВОРОНЕЖСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ
(1894—1901):

Статьи, письма, воспоминания,
хроника пребывания в Воронеже

Редактор *О. Е. Макарова*. Художественный редактор *Л. А. Клочков*.
Технический редактор *О. В. Нагаева*. Электронная верстка
С. Н. Володиной. Корректор *Н. Н. Масленникова*.

ИБ № 2453

ЛР 040088 от 24.03.97. Подп. в печ. 20.03.98. Форм. бум. 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Офсетная печать. Усл. п. л. 12,6 + 1,7 вкладка.
Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 500. Заказ 3077.

Издательство Воронежского государственного университета. 394000
Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8. Издательско-полиграфическая фирма
"Воронеж". 394000 Воронеж, пр. Революции, 39

Н 0301020000-006 без объявл.
М174(03)-98

© Акиньшин А. Н., Ласунский О. Г.
Составление, подготовка текста.
Вступительная статья. Примечания,
1998

ISBN 5-7455-1002-1

© Семенова С. Г. Предисловие, 1998
© Оформление. Издательство ВГУ,
1998

К читателю

Лежащая перед вами книга открывает забытую страницу духовной и культурной истории Воронежа последних лет прошлого века. Связана она с именем выдающегося отечественно-со мыслителя Николая Федоровича Федорова (1829—1903).

Его личность и идеи и в современную ему эпоху, и в последующие десятилетия не переставали волновать умы и сердца людей, и сфера творческого влияния была далекодействующей, охватывая и философию, и литературу, и живопись, формируя ноосферную космическую мысль XX века. Под воздействием федоровской "Философии общего дела" в разное время оказывались В. Соловьев и Н. Бердяев, С. Булгаков и П. Флоренский, К. Циолковский и В. Вернадский, М. Горький и В. Маяковский, М. Пришвин и А. Платонов, А. Чижевский и Б. Пастернак, Н. Клюев и Н. Заболоцкий, В. Чекрыгин и П. Филонов...

Учитель уездных училищ, библиотекарь Чертковки, а затем Румянцевского музея в Москве (нынешняя Российская государственная библиотека), в жизни — аскет и подвижник, энциклопедист, поражающий глубиной и основательностью своих познаний практически в любой области, Федоров был создателем учения, обосновавшего новое эволюционное представление о человеке и его задаче во Вселенной. Человек, по его мысли, призван возглавить развитие универсума, направить его в соответствии с понятиями о высшем идеале, должном бытии. Его дело — сознательная регуляция природы: овладение стихийными, слепыми силами материи, перестройка собственного несовершенного организма, выход в космос и, наконец, вершина регуляции, в которой сосредоточиваются все ее усилия — победа над смертью, возвращение к жизни всех ушедших в небытие.

Вот уже три десятилетия — после почти полувекового перерыва — наследие Федорова находится в центре внимания специалистов в области русской философии и культуры. Заполняются белые пятна в биографии мыслителя, ведется поиск неучтенных сочинений, публикуется рукописное наследие, изучаются круг и характер его контактов.

Федоров был известен как "московский Сократ". Тщательно описан период службы Николая Федоровича в Румянцевском

музее, нравственным и интеллектуальным средоточием которого "идеальный библиотечкарь" являлся на протяжении почти четверти века. Раскрыта роль мыслителя в общественной и духовной жизни Москвы 1890-х годов, когда он выступил с рядом инициатив и проектов, сочувственно встреченных интеллигенцией: международный книгообмен, собирание сведений об обыденных храмах, реформа библиотечного и музейного дела, возрождение Кремля.

Однако Федоров был связан отнюдь не только с древней российской столицей. Он учительствовал в Липецке, Богородске, Подольске, Боровске, жил в Сергиевом Посаде и Воскресенске, в Керенске, Воронеже, Ашхабаде — и это далеко не полный перечень. В одних городах от его пребывания остался след внутренний, сокровенный: в детских душах, в сердцах его учеников, которым учитель истории и географии преподавал по собственной, оригинальной системе — и, кто знает, быть может, брошенные тогда семена дали плодоносные всходы в потомках тех ребятишек. Но бывало и иначе: идеи мыслителя духовно окормляли город, питали его культурную атмосферу, находили выход печатный и публичный — и здесь уже благое поприще для историка.

Федорова называют философом памяти, отечествоведения. Его волновали судьбы памятников старины, учреждений культуры, народных школ — по этим поводам он неоднократно выступал в прессе. Особенно важным считал он изучение "местной истории", судеб "малой родины", стремился возвысить значение провинции, внести в нее свет самосознания и самоисследования. Любое поселение есть как бы историческая личность, призванная осознать свою долю участия в жизни отечества и — шире — общемировой. Собирать, изучать, сохранять все следы родного, близлежащего прошлого, историю своего края, своих отцов и дедов — в этом он видел неотменимый долг живущих.

И где бы Федоров ни жил, куда бы ни приезжал — пусть даже ненадолго — он тут же начинал работу по сбору краеведческих материалов, организации музеев, археологических съездов и т.п. Так было в Керенске, Ашхабаде — и в Воронеже.

Воронеж занимал особое место в жизни Николая Федоровича. Здесь он часто и подолгу бывал, тут развернулась его печатная деятельность: газета "Дон" на протяжении 1896—1898 годов регулярно помещала его статьи. И пусть посвящены они были, казалось бы, вещам вполне конкретным: устройству библиотек и музеев, долгу авторов перед просветительскими учреждениями и авторскому праву, культурным собы-

тиям Воронежа и т.п. — размышления Федорова на эти темы одушевлялись главной его идеей, конечным идеалом. Потому его статьи и производили особое, будоражащее впечатление, порой резко контрастируя со стилем и формой привычных газетных материалов.

Значителен вклад Николая Федоровича в становление Воронежского губернского музея. Он сумел осуществить здесь некоторые свои проекты в области реформы музейного дела. Был инициатором организации ежегодных тематических выставок, посвященных знаменательным событиям года, что позднее вошло в традицию не только воронежского, но и других музеев России. А в статьях, посвященных музею, стремился привлечь к нему внимание городской общественности, представителей и интеллигенции, и рядовым жителям Воронежа новую, совершеннолетнюю, систему ценностей, где на первом плане — не сиюминутное, а прошедшее и будущее, не юридикотвлеченное, а родственное, где важны не столько промышленные, торговые учреждения, сколько библиотеки, музеи, школы: ведь именно на них, по убеждению мыслителя, лежит долг сохраняющей памяти, именно они духовно и нравственно воспитуют личность, именно они должны в перспективе стать центрами всеобщего познания и исследования причин неродственности, вражды, смертности, а затем и всецелого их устранения.

До начала 1990-х годов о пребывании Федорова в Воронеже фактически не вспоминали. И только в последние несколько лет усилиями местных исследователей А. Н. Акинъшина и О. Г. Ласунского туман забвения был рассеян. Поиск в московских и воронежских архивах, работа с многочисленными источниками, просмотр воронежской периодики за целое десятилетие... Попутно были выяснены судьбы целого ряда лиц из воронежского окружения Федорова и Петерсона: В. Г. Веселовского и Г. С. Вашкевича, С. Е. Зверева и Л. Г. Соловьева и др. В результате поистине подвижнического, умного труда появилась на свет эта книга. Она восстанавливает полную картину деятельности Федорова за весь воронежский период. В ней собрано все, что было напечатано Н. Ф. Федоровым и П. П. Петерсоном в Воронеже, представлены и другие материалы, непосредственно связанные с воронежскими "трудами и днями" Николая Федоровича. Помещена подробная хроника пребывания мыслителя в Воронеже, закладывающая первый прочный камень в основание будущей летописи его жизни и творчества. Хочется надеяться, что эта книга послужит плодотворным образцом для других подобных изданий — уже о Москве, Керенске, Ашхабаде.

С радостным и светлым чувством рекомендую я эту книгу читателю. В ней найдут много нового и ценного и знатоки отечественной философии, и историки культуры, и специалисты в области музейного дела, и краеведы. Думаю, она будет близка всякому человеку, кому небезразлична судьба его родного края и страны, кто в привычном течении повседневности не забывает о вечных вопросах человеческого существования.

Светлана Семенова,
доктор филологических наук,
президент Общества имени
Николая Федорова (Москва)

Воронеж в судьбе Н. Ф. Федорова

Николай Федорович Федоров продолжил череду гениальных самородков, искони украшавших собою отечественную науку и искусство. Наделенный необыкновенной интеллектуальной мощью и неумной жаждой познания, он сформировался в само-бытного мыслителя, значительно обогатившего умственный потенциал нации. Выстраданная Н. Ф. Федоровым философия "общего дела" взывала к каждому: "Жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех".

В советскую эпоху наследие Н. Ф. Федорова было фактически предано забвению, что и неудивительно: его взгляды противоречили основным материалистическим догмам. Первая серьезная попытка обратиться к опыту "идеалиста" и "мистика" была предпринята С. Г. Семеновой, подготовившей еще в застойную пору сборник избранных трудов Н. Ф. Федорова (М., 1982). Крупным событием стало появление монографии С. Г. Семеновой "Николай Федоров: творчество жизни" (М., 1990): с этой книги, в сущности, началось возвращение Н. Ф. Федорова к соотечественникам. Сейчас выпускается многотомное собрание сочинений Н. Ф. Федорова, регулярно проводятся посвященные ему академические конференции. В Москве одна из библиотек носит имя Н. Ф. Федорова, при ней организован музей-читальня. Планомерное освоение федоровских религиозно-философских теорий поможет полнее и объективнее представить картину напряженных духовных исканий в русском обществе последней трети XIX в.

О связях выдающегося мыслителя с нашим краем воронежцы долгие годы даже не подозревали, и лишь сравнительно недавно эта тема стала освещаться в местной прессе¹. А между тем именно в Воронеже несколько лет провел ближайший ученик и последователь Н. Ф. Федорова, горячий пропагандист его идей Николай Павлович Петерсон (1844—1919). Вместе с другим убежденным "федоровианцем", москвичом Владимиром Александровичем Кожевниковым (1852—1917), он подготовил после кончины учителя двухтомное издание его работ (Верный, 1906; М., 1913). Ценнейший архивный фонд Н. П. Петерсона хранится ныне в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. Имеющиеся там материалы, особенно переписка внутри "треугольника": Н. Ф. Федоров —

Н. П. Петерсон — *В. А. Кожевников*, позволяют документированно говорить о наличии многообразных контактов философа с нашими земляками. Выясняется, что в течение 1894—1901 гг. *Н. Ф. Федоров* ежегодно приезжал в гости к *Н. П. Петерсону*, а выйдя в отставку (1898), намеревался переселиться сюда из старой столицы. Этого, однако, не произошло: очередное повышение по службе вынудило судейского чиновника *Н. П. Петерсона* переехать в Среднюю Азию, а без него *Воронеж* потерял для *Н. Ф. Федорова* всю привлекательность.

Н. Ф. Федоров провел в *Воронеже* в общей сложности более двадцати месяцев. Его охотно приняла в свое лоно местная интеллигенция, прежде всего любители родной старины, группировавшиеся вокруг только что учрежденного губернского музея. Лишь теперь стала очевидна весомая роль *Н. Ф. Федорова* в духовно-нравственной жизни тогдашнего *Воронежа*. Тесный кружок лиц, сплотившихся вокруг *Н. Ф. Федорова* и *Н. П. Петерсона*, в немалой степени влиял на общественный климат в крае.

Воронежский период в биографии *Н. П. Петерсона* обычно упоминается исследователями вскользь. Внешне он действительно зауряден: никаких особых событий, редкие публикации в губернской прессе, неучастие в публичных мероприятиях и работе благотворительных организаций. На самом же деле *воронежское* пятилетие — это пора духовной зрелости *Н. П. Петерсона*, его серьезнейших интеллектуальных и нравственных исканий. Весь досуг *Н. П. Петерсон* отдавал работе над приведением в порядок *федоровских* рукописей — почерк у учителя был неразборчив, да и многие важные мысли записывались на случайных клочках бумаги. Принципиальный противник собственности как таковой (в том числе и умственной), *Федоров* щедро делился с близким ему человеком (в письмах и беседах) своими неординарными суждениями, ничуть не заботясь об их авторстве. *Н. П. Петерсон* прекрасно понимал уникальность и ценность учения об "общем деле" и потому старался, чтобы ни одно высказывание *Николая Федоровича* не пропало для потомков. Архивный фонд *Н. П. Петерсона* хранит следы напряженного труда над систематизацией философского наследия *Н. Ф. Федорова*. О роли *Н. П. Петерсона* в обнародовании *федоровских* идей говорит и его переписка с *В. А. Кожевниковым* уже после смерти философа². По сути, *Николай Павлович* отрекся от себя, пожертвовал своей творческой индивидуальностью во имя *Федорова* — и это вполне соответствовало этическим законам наставника.

Однако *Н. П. Петерсон* вовсе не сторонился общества, он (а с ним и *Федоров*) органично вошел в содружество лиц, до-

статочно заметных на воронежском небосклоне. Среди его знакомых следует назвать уездного предводителя дворянства И. Т. Алисова, председателя Окружного суда И. В. Денисенко, ректора семинарии и редактора "Епархиальных ведомостей" протоиерея Алексея Спасского, директора банка и писателя Е. Л. Маркова, педагога и краеведа С. Н. Прядкина, создателя губернского музея протоиерея Стефана Зверева, управляющего Казенной палатой Г. С. Вашкевича, художника и иконописца Л. Г. Соловьева, железнодорожного служащего К. П. Афонина и др. Примечательно, что в круг петерсоновского общения не входили люди народнической ориентации, например, педагог Н. Ф. Бунаков или писательница В. И. Дмитриева. Н. П. Петерсон давно уже расстался с утопическими идеалами "русского социализма" и перешел на позиции умеренного реформаторства: насильственным потрясениям государственных основ он предпочитал моральное самосовершенствование личности.

Добрые отношения сложились у Н. П. Петерсона с Григорием Михайловичем и Всеволодом Григорьевичем Веселовскими — редакторами-издателями газеты "Дон". На юбилейном вечере, посвященном тридцатилетию "Дона", где присутствовали постоянные авторы газеты, Н. П. Петерсон выступил с речью. Он говорил о том, что газета должна быть трибуной свободомыслия, выразителем интересов всего общества, а не отдельных лиц или партий.

По инициативе и при прямом участии Н. П. Петерсона в газете "Дон" появился цикл из восемнадцати статей Н. Ф. Федорова — факт, еще не оцененный по достоинству историками провинциальной прессы. Статьи печатались на страницах газеты в течение 1896—1898 гг. Выявить их было нелегко, поскольку они помещались анонимно или под псевдонимами. Затерявшиеся в газетных подшивках, они надолго выпали из поля зрения исследователей. В дореволюционный двухтомник "Философии общего дела" попали только три воронежские статьи. Основная масса их войдет в готовящийся третий том собрания сочинений философа. Не следует также забывать, что в Воронеже вышла федоровская брошюра "К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года" (1899), а еще одна статья, предназначавшаяся для "Дона" и не пропущенная цензурой, осталась в гранках. Определить авторство Н. Ф. Федорова стало возможным только с учетом материалов, уцелевших в архивном фонде Н. П. Петерсона.

В данную книгу включены все произведения Н. Ф. Федорова, так или иначе связанные с его пребыванием в нашем городе.

Большинство из них было создано непосредственно в Воронеже (наиболее продуктивным оказался 1898-й год), одну статью "Дон" перепечатал со страниц московских "Русских ведомостей". Место написания ряда статей пока не поддается точному определению: не исключено, что они были присланы в Воронеж уже в готовом виде; следовательно, их первые публикации надо разыскивать в московской периодике. Впрочем, гораздо существеннее другое: сам автор, ссылаясь на данные статьи, местом их публикации неизменно указывал газету "Дон".

По своему содержанию федоровские сочинения довольно разнообразны. Книжно-библиографическая тематика, которой они открываются, вполне закономерна: Н. Ф. Федоров почти тридцать лет отдал библиотечной деятельности, и это была не просто работа, а служение высокой идее, "священное дело". Не случайно В. А. Кожевников, хорошо знавший философа и разделявший его убеждения, свой труд о нем открывает главой "Библиограф и библиотекарь"³. А. А. Гинкен называл Н. Ф. Федорова "героем и подвижником в области книговедения"⁴.

Другой крупный блок вопросов, который затрагивает Н. Ф. Федоров, посвящен осмыслению музейной практики; "музей" понимался автором широко — как некий "храм предков". Отраднo сознавать, что конкретные поводы для появления этой серии публикаций чаще всего давала деятельность воронежского губернского музея. Еще один важный круг проблем — война, разоружение, "умиротворение"; обращение к нему было подогрето специальным правительственным циркуляром от 12 августа 1898 г. Примечателен и комментарий к письму Ф. М. Достоевского, отправленному 24 марта 1878 г. Н. П. Петерсону в г. Керенск Пензенской губернии и впервые опубликованному в Воронеже; в комментарии освещены многие узловые вопросы, которые глубоко волновали как художника слова, так и философа.

* * *

Предлагаемая книга состоит из трех разделов. Прежде всего это работы самого Н. Ф. Федорова. В сборник вошли все статьи философа, напечатанные (или предназначавшиеся к печати) в воронежской газете "Дон", а также вышедшая в Воронеже брошюра об "умиротворении" (1899). Сюда же включены два письма Л. Г. Соловьеву и одно — Г. С. Вашкевичу: это — единственные воронежцы (не считая, разумеется, Н. П. Петерсона) среди адресатов Н. Ф. Федорова. Тематиче-

ски связана с Воронежем и федоровская проповедь, произнесенная протоиереем Стефаном Зверевым в канун 1899 г. Знаменитая статья Н. Ф. Федорова "Разоружение" помещена в сокращенном виде, именно такой, какой увидели ее читатели "Дона".

Статьи "Екатерининская выставка...", "XXXI-я годовщина воронежского окружного суда", "VI-я выставка воронежского губернского музея" и "Новая картина: "Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне" (две последние составили брошюру под названием "К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года") созданы Н. Ф. Федоровым в содружестве с Н. П. Петерсоном. Конечно, Николай Павлович практически участвовал в работе над всеми воронежскими публикациями своего учителя: облакал федоровские идеи в конкретную словесную ткань, связывался с редакцией. Однако в выше-названных статьях роль Н. П. Петерсона весомее, чем обычно: ему обязаны своим происхождением все конкретные сюжеты (содержание выставок, результаты работы Окружного суда в 1898 г. и пр.).

Отдельно необходимо сказать о работе "Плата за цитаты": ее авторство вызывает определенные сомнения. В ней содержатся многие характерные для Н. Ф. Федорова рассуждения, однако ироничность стиля не свойственна философу. Есть и еще один факт, наводящий на размышления. Приглашая В. А. Кожевникова приехать в Воронеж и прочитать лекции в пользу губернского музея, Н. П. Петерсон в письме от 23 ноября 1898 г. добавляет: "Можно даже прочитать не одну лекцию: — Иванов, известный автор "Платы за цитаты", будет, говорят, читать целых три дня — о Белинском, Чернышевском, Добролюбове и проч."⁵ Вероятно, речь шла об Иване Ивановиче Иванове (1862—1929), литературном и театральном критике. "Плата за цитаты" могла быть написана им в результате личного общения с Н. Ф. Федоровым или заочного знакомства с его воззрениями. Философ же решил включить ее в цикл своих трудов, поскольку она была близка ему по мыслям. В таком случае Н. Ф. Федорова и И. И. Иванова следует считать соавторами.

Второй раздел книги составили самостоятельные работы Н. П. Петерсона. Они важны для понимания той атмосферы, в которой жил Николай Павлович, и круга его общения. Мы не сочли необходимым помещать лишь статью "Встречный иск", которая носит сугубо юридический характер. Приветствие по случаю тридцатилетия газеты "Дон" воспроизводится по его изложению в газете⁶.

Газетные статьи Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона публи-

куются с учетом тех исправлений, которые внесены авторами в текст вырезок, хранящихся в архивном фонде Н. П. Петерсона (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 657, карт. 2, № 2). Исключение составляют статьи из брошюры: они воспроизводятся по экземпляру издания из библиотеки Воронежского областного краеведческого музея. Что же касается авторского экземпляра (ОР РГБ, ф. 657, карт. 8, № 69), то правка там настолько значительна и, главное, трудно читаема, что требует дополнительного изучения специалистами.

Третий раздел представлен опубликованными и рукописными работами разных авторов. Из многочисленных статей корреспондента "Дона", скрывшегося за псевдонимом "-вз", отобраны только заметки о тех выставках, которые живо интересовали Н. Ф. Федорова. Но если для Николая Федоровича действительное содержание выставки, устроенной губернским музеем, всегда было лишь поводом для высказывания собственных идей, то "-вз" в своих заметках весьма конкретен.

По нашему предположению, под псевдонимом "-вз" скрывается художник Лев Григорьевич Соловьев. В пользу этого говорит не только то, что псевдоним представлен лишь в газете "Дон", где Л. Г. Соловьев по сути состоял сотрудником, но и профессиональные знания автора заметок из общей и местной истории живописи (не следует забывать, что Л. Г. Соловьев в 1898 г. выступил в прессе с воспоминаниями о развитии живописи в воронежском крае во второй половине XIX в.). Еще одно любопытное обстоятельство: представленные на выставках произведения Л. Г. Соловьева упоминаются в статьях "-вз" без указания художника. Наконец, "-вз" демонстрирует серьезную краеведческую осведомленность и близость к жизни музея; однако в последующей библиографической росписи, где учтены работы практически всех местных краеведов, псевдоним "-вз" ни к кому из них не отнесен. Л. Г. Соловьев остается единственным из тех, кто принимал участие в музейных делах, но не упомянут в библиографическом перечне.

Статья Е. Л. Маркова "Проводы Н. П. Петерсона" важна для понимания той роли, которую играл Н. Ф. Федоров среди окружения своего воронежского друга. Письмо К. П. Афонина, написанное через несколько лет после смерти философа, позволяет увидеть в его авторе еще одного воронежца, для которого знакомство с Н. Ф. Федоровым не прошло бесследно. Воспоминания Зои Николаевны Новак (урожденной Петерсон), где Н. Ф. Федоров практически не представлен, интересны тем, что рисуют атмосферу семейного быта Петерсонов в Вороне

же. В комментариях к мемуарам использованы сведения, сообщенные детьми Зои Николаевны — Дмитрием Драгудиновичем Новаком (г. Новосибирск) и Ириной Драгудиновной Новак (г. Гатчина Ленинградской обл.), дочерью Елизаветы Николаевны Петерсон — Анастасией Дмитриевной Кривошеиной (г. Черкесск Ставропольского края) и дочерью Любви Николаевны Петерсон — Юлией Андреевной Родзевич (г. Жуковский Московской обл.). Учены также данные, приведенные В. А. Кочергиной в монографии "Профессор М. Н. Петерсон" (М., 1996).

Все материалы внутри разделов размещены в хронологическом порядке. Постраничные сноски принадлежат авторам. Статьи публикуются с сохранением основных особенностей авторской стилистики и пунктуации. Использованы комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой к собранию сочинений Н. Ф. Федорова (Т. 1—3. М., 1995—1997).

Завершает книгу хроника пребывания Н. Ф. Федорова в Воронеже, имеющая целью максимально полно зарегистрировать все документально подтвержденные факты многообразных контактов мыслителя с нашими земляками. Даты в хронике приведены по старому стилю.

Составители выражают искреннюю благодарность президенту Общества имени Николая Федорова С. Г. Семеновой и А. Г. Гачевой (Москва) за помощь в подготовке этой книги.

Примечания

¹ О Н. Ф. Федорове и его воронежском окружении см.: Добромиров В. Художественная сокровищница // Коммуна (Воронеж). 1983. 11 февр.; Он же [Вступ. ст.] // Традиции и современность: Каталог выставки. Воронеж, 1989. С. 5—15; Акинъшин А., Ласунский О. Философ и его ученик // Утро (Воронеж). 1992. 2 июня; Они же. В кругу священнослужителей: (Н. Ф. Федоров в Воронеже) // Воронежский епархиальный вестник. 1993. № 10—12. С. 15—21; Они же. Прошлое глазами философа будущего // Воронежский курьер. 1993. 25 нояб.; Акинъшин А. Здравствуй, старый дом: Плехановская, 3 // Воронежский курьер. 1993. 20 июля (История здания, где в 1894 г. был открыт губернский музей); Ласунский О. Литературная прогулка по Воронежу. 2-е изд. Воронеж, 1993; Акинъшин А., Алленова В. Отец музея // Воронежский курьер. 1994. 1 марта (С. Е. Зверев и Н. Ф. Федоров); Акинъшин А., Ласунский О. Потрясающий управляющий // Воронежский курьер. 1994. 30 апр. (Г. С. Вашкенич и Н. Ф. Федоров); Они же. Рядом с Федоровым // Утро. 1994. 28 июля (Н. П. Петерсон и Н. Ф. Федоров); Они же. "В стране, где мало учителей, сами учатся" // Воронежский курьер. 1994. 28 июня (перепечатана статья Н. Ф. Федорова "Музей Л. Г. Соловьева в Воронеже"); Акинъшин А. Храмы Воронежа. Воронеж. 1994; Он же. Нам бы сейчас таких управляющих банками // Воронежский курьер. 1995. 17 авг. (Е. Л. Марков и Н. Ф. Федоров); Он же. Один с митрой // Воронежский курьер. 1995. 15 июня; Он же. Митрофорный протоиерей Спасский // Во-

ронежский епархиальный вестн. 1995. № 7—8. С. 13—17 (А. М. Спасский и Н. Ф. Федоров); *Акинъшин А., Попов П.* Отец и сын во весь рост // Воронежский курьер. 1995. 2 и 4 февр. (Г. М. и В. Г. Веселовские и Н. Ф. Федоров); *Акинъшин А., Ласунский О.* Записки старого пешехода. Воронеж, 1995; *Федоров Н. Ф.* Служение высокой идее // Библиография. 1995. № 1. С. 94—104. (Предисл., публ. и примеч. А. Акинъшина и О. Ласунского); *Акинъшин А., Ласунский О.* Пахарь духовной нивы. Воронеж, 1996; *Они же.* Н. Ф. Федоров в Воронеже: (Краткая хроника пребывания) // Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений 8—10 декабря 1995 г. М., 1996. Вып. 1. С. 244—250; *Акинъшин А.* Очень неудобный предводитель [И. Т. Алисов] // Воронежский курьер. 1997. 5 июня.

² См.: Подготовка издания "Философии общего дела" Н. Ф. Федорова: По материалам переписки В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона (1904—1911) / Публ., предисл. и коммент. А. Д. Кожевниковой // Философия бессмертия и воскрешения. М., 1996. Вып. 2. С. 243—284.

³ *Кожевников В. А.* Николай Федорович Федоров: Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М., 1908. Ч. 1. С. 3—11.

⁴ *Гинкен Ант.* Идеальный библиотекарь — Николай Федорович Федоров. (Краткая характеристика покойного, как человека и библиотекаря, по литературным данным) // Библиотекарь. 1911. № 1. С. 15.

⁵ ОР РГБ, ф. 657, карт. 10, № 24, л. 29.

⁶ Более подробно о Н. П. Петерсоне см.: *Гачева А.* Жить и быть христианином // Библиография. 1995. № 2. С. 114—125.

Александр Акинъшин,

Олег Ласунский

РАБОТЫ Н. Ф. ФЕДОРОВА

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ КОРОНАЦИИ

Во всех почти столичных газетах, начиная с "Русских ведомостей" и "Московских"¹, было напечатано известие, что музей московский, он же и Румянцевский, т.е. музей первопрестольной столицы, задумал устроить коронационную выставку. Это известие было перепечатано и во многих провинциальных изданиях, но ни в одном из них, сколько нам известно (приятно было бы ошибиться в этом случае), не было выражено желания или намерения последовать этому благому примеру; а между тем, такие города, как Киев, Одесса, Харьков, Казань, города университетские, могли бы и сами устроить такие же выставки, нисколько не уступающие выставке московской. И не только эти города, но и все губернские и даже все уездные города могли бы устроить свои коронационные выставки, каждый город соответственно, конечно, своей к тому возможности, хотя бы и очень небольшой... Во всяком случае, только такие выставки дали бы возможность каждому городу принять живое, а вместе и образовательное участие в самом коронационном акте, ибо ничто не может так раскрыть глубокий смысл, великое значение коронации, венчания на царство, смысл самого, следовательно, самодержавия, как коронационные выставки... Раскрытие этого смысла начинается собранием изображений коронационных храмов, о которых говорится в указанном газетном известии, — и гораздо полнее он был бы выражен, если бы выставка не ограничилась изображениями только храмов, но собрала бы и виды самих городов, где происходили коронации, т.е. столиц мировых монархий, которые заняли место Ниневии, Вавилона, этих первых начальных

пунктов собирания. Москва же есть последняя из этих мировых столиц; только признав себя 3-м Римом, Москва стала коронационным городом, — коронации совершаются в Москве лишь со времени падения Константинополя — 2-го Рима, — помазание великого князя Московского в царя 3-го Рима указывает на место России, на ее назначение во всемирной истории. Можно сказать, что смысл коронации, раскрываемый коронационной выставкою, совпадает со смыслом, заключающимся в царском титуле, как это выражено в заметке — *"Еще об историческом значении царского титула"* ("Русск[ий] Архив" 1895 г. № 7-й стр. 396—398). В этой заметке сказано: "Смысл или философия истории, заключающиеся в царском титуле, могут быть выражены одним словом: *"умиротворение, или собирание земель и народов, собирание, продолжающееся и еще не оконченное ни по внешнему пространству, ни по внутреннему содержанию или глубине, т.е. нет еще ни полного собирания, ни совершенного умиротворения. Самодержец, царь, обладатель, повелитель, все эти наименования, заключающиеся в титуле, сливаются и завершаются в одном слове — "мироотворец"... Увеличение титула и расширение области мира, а с ним и царства знания, ведения, не прекращается, не отстывает"*². Здесь особенно замечательно указание, что расширение царства мира есть вместе распространение и царства знания, области ведения... Распространение образования есть задача и коронационных выставок, которые, выставив изображения коронационных храмов, мировых столиц, выставляют также изображения регалий византийских и русских, изображения византийских и русских царей в их царственных облачениях; изображения самих коронаций и, особенно, тех обрядов, которые вышли из употребления, каково, например, участие царя в великом выходе с дарами или обряд *"Акакии"*, который есть напоминание не о смерти, как думают, а именно о воскресении: обряд этот состоит в том, что царь одною рукою берет плат с прахом земным, который, как это сказано, *"имеет восстать"*, держа в другой руке скипетр, увенчанный крестом, т.е. знаменем победы над смертью. Что обряд этот указывает на воскресение, а не на смерть, можно видеть и из того, что он совершался в Византии не только во время коронации, но и на Пасху и в день Пятидесятницы, или Сошествия Св. Духа. Для сравнения необходимо собрать изображения коронаций и западных го-

сударей. Нужно собрать также коронационные медали, жетоны, кружки, платки и т.п., или же изображения всего этого, а также народные изображения коронационных торжеств и изображения самих народных празднеств по случаю коронаций.

Каждое место должно собрать всевозможные сведения об участии, которое оно принимало в предшествовавших коронационных актах, собрать портреты или же хотя бы имена и жизнеописания всех местных представителей на прежних коронациях.

Пособием для таких выставок, если нельзя будет достать таких изданий, как "Книга избрания на царство Михаила Федоровича"³, каковы иллюстриров[анные] описания коронации, изданные при коронациях Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны, Екатерины II и других, могут служить иллюстрированные издания коронационных годов, каковы 1856 и 1883 годы, а также и вновь выходящие к предстоящей коронации иллюстрации... Ограничиться последними возможно, конечно, лишь для небольших уездных городов и тем более для сел, которые пожелали бы устроить у себя выставки; в губернских же городах, в особенности там, где есть музеи и архивные комиссии, найдутся, вероятно, не одни иллюстрации.

Самое важное и необходимое, чтобы такие выставки не разбирались, а оставались бы навсегда и послужили бы основой к устройству музеев повсюду, так как музеи есть необходимое наглядное пособие при преподавании в народных школах, и особенно истории, которая в форме коронационных выставок имеет для народа здравый смысл...

Таким образом, местные коронационные выставки будут иметь особое значение для народных школ, и значение это сделается неизмеримо большим, если будет признано, что Царь, как приемник Владимира святого, в помазании на царство принимает тот долг, который не мог не принять на себя св. Владимир, призвав русский народ к крещению. "Народ русский", читаем мы в предисловии к "Сказанию о построении обыденной церкви в Вологде" (Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. т. 166-й), — "крещен был без предварительного оглашения, или просвещения"⁴, т.е. крещение народа совершилось на том же основании, на ка-

ком крестят детей и по вере, следовательно, восприимника, принявшего на себя долг христианского просвещения.

Должно, однако, заметить, вопреки клеветникам на русский народ, которые видят в нем бессмысленную толпу, крестившуюся лишь по приказу князя, что тот князь, по приказу которого русский народ пошел к купели, на самом себе, на деле, показал, что такое христианство: приняв крещение, Владимир распустил свой гарем, перестал казнить даже разбойников и разыскивал нищету... Какой катехизис, какой аргумент может быть сильнее этого примера? спросим мы клеветников на русский народ. И может ли быть бессмысленною толпою тот народ, для убеждения которого нужен был такой великий нравственный аргумент; тот народ, который в двух князьях-братьях, жертвах усобицы, канонизировал христианскую любовь и осудил раздор, предшествовавший самодержавию?

В заключение не можем не обратить внимания на то, что предлагаемый здесь способ празднования коронации, при глубоком смысле, который в нем заключается, в материальном отношении есть самый дешевый. Так, Харьков, например, жертвует на коронационные торжества 20 тысяч, другие города жертвуют по 40 и более тысяч; — если бы из этих сумм была бы употреблена — хотя бы десятая лишь доля на устройство таких выставок, как говорится здесь, то каждый город, поступивший так, не только принял бы, как сказано, самое действительное участие в коронационном акте, но приобрел бы собрание книг, картин и других предметов, которые послужили бы основой к учреждению библиотек и музеев, где их нет, или же к увеличению и расширению этих учреждений, где они есть и теперь. Конечно, для устройства таких коронационных выставок требуется время, и не малое, но так как эти выставки по мысли, здесь выраженной, должны иметь непреходящее значение, то к предстоящей коронации желательно было бы положить лишь им начало, или же хотя бы выразить мысль о таких выставках.

N.

Дон, 1896. 18 апреля. № 42.

От редакции. По просьбе автора статьи "К предстоящей коронации" (№ 42) заявляем, что она напечатана со

значительным пропуском, изменяющим ее смысл. Хотя пропуск этот явился помимо воли редакции, но автор статьи не уполномочивал помещать ее в таком виде.

Дон. 1896. 21 апреля. № 43.

¹ См.: Московские ведомости. 1896. 17 февр., № 47 (раздел "Московская жизнь").

² Статья, помещенная в "Русском архиве" анонимно, принадлежит перу Н. Ф. Федорова. Дословно цитата звучит так: "Смысл или философия этой всемирной истории может быть выражен одним словом: умиротворение или соби́рание земель и народов, соби́рание продолжающееся и еще не оконченное ни по внешнему пространству, ни по внутреннему содержанию или глубине, т.е. нет еще ни полного собрания, ни совершенного умиротворения. Самодержец, Царь, обладатель, повелитель, все эти наименования, заключающиеся в титуле, сливаются и завершаются в одном слове: миротворец. <...> Потому-то и увеличение титула, и расширение области мира, а с ним и царства *знания* [последнее слово в экземпляре журнала, хранящегося в Российской государственной библиотеке, вписано карандашом на полях. — А. А., О. Л.], не прекращает знания, ведения на останавливает".

³ Речь идет об издании: "Книга об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича". М., 1856. Публикация была осуществлена по рукописи под названием: "Книга об избрании на преннысочайший престол великого российского царствия Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея великия России самодержца". Ныне она хранится в фонде 135 в коллекции документов, переданных из архива Оружейной палаты, Российского государственного архива древних актов. См.: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Ч. 1. М., 1991. С. 42.

⁴ См.: Сказание о построении обыденного храма в Вологде "Во избавление от смертоносной язвы". Печатано под наблюд[ением] С. А. Белокурова // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Кн. III. М., 1893. Отд. II. С. 1—21. В конце публикации, помещенной без подписи, стоит "сентябрь 1893 г.". Предисловие (С. I—X) к публикации документа подготовлено Н. Ф. Федоровым.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь, г. Редактор!

Не найдете ли Вы возможным перепечатать из № 244 "Русских Ведомостей" статью под заглавием: "Долг автор по отношению к публичным библиотекам". В № 243-м "Русского Слова" некто А. С. в письме в редакцию между прочим говорит об этой статье:

"Несомненно, что долг авторов, даже их собственные выгоды требуют, чтобы экземпляры, доставляемые в библиотеки, открытые *для всех*, были не только полными и

напечатанными на прочной бумаге, но и *переплетенные*, с карточками и указателем (при втором и т.д. изданиях) на рецензии, бывшие на первое издание, и всякого рода заметками на этих карточках.

Статья г. N желает основать библиотеку неуклонительно на нравственных основаниях. Опыт покажет, достаточно ли одних нравственных побуждений, или потребуются еще внешнее принуждение, издание закона, обязывающего авторов прилагать карточки и исполнять другие постановления, общей пользы касающиеся. Будет очень прискорбно, если даже для людей, получающих высшее образование (к каковым и принадлежит большая часть писателей) потребуются понуждение. Что же можно ожидать тогда от имеющих лишь низшее образование?! Этот опыт ставит вопрос: есть ли образование сила или бессилие? Желательно, чтобы статья "О долге авторском" получила наибольшее распространение именно для того, чтобы неведением нравственного закона нельзя было отказываться; желать этого распространения мыслей о долге нужно еще и потому, что существует немало сочинений, трактующих об *авторском праве*, как о литературной собственности, но есть ли хоть одно сочинение об *авторской обязанности*? Искренно желал бы, чтобы краткая заметка г. N была переведена на языки тех народов, которые знают только право и не хотят больше знать ничего, как изведено на опыте с Францией даже в лучшие минуты дружественных отношений, не пожелавшей вступить с нами в литературный обмен. Наконец, мы не думаем, чтобы газета или журнал, к какому бы направлению они не принадлежали, отказались бы перепечатать указанную статью и высказаться по этому предмету"¹.

Я со своей стороны думаю, что напечатание статьи, трактующей об авторском долге, в газете "Дон", издающейся в г. Воронеже, не может остаться без значения: город Воронеж — город литературный, здесь есть люди, серьезно занимающиеся наукою, издаются приобретшие всеобщую известность "Филологические Записки", наконец, здесь есть музей, устроивший недавно такую интересную коронационную выставку², и этот музей, при таком внимании местных научных сил, о котором говорится в статье об авторском долге, несомненно станет центром умственной жизни края.

Примите уверение в совершенном почтении всегда готового к Вашим, милостивый государь, услугам

Н. П[етерсон].
1896 г. 17 сентября.
г. Воронеж

ДОЛГ АВТОРОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПУБЛИЧНЫМ БИБЛИОТЕКАМ (Письмо в редакцию "Рус[ских] вед[омостей])

Жалобы на неудовлетворительное состояние публичных библиотек чаще всего можно слышать от самих писателей, т.е. от тех, произведениями которых наполняются библиотеки, а также от лиц, которые готовятся к ученым и литературным профессиям, т.е. опять-таки от будущих авторов. Между тем удовлетворительное состояние публичных библиотек находится в очень большой зависимости от сознания писателями своего долга, — не к тем, которые имеют средства приобретать книги (к ним авторы относятся очень внимательно), а к тем, которые не имеют этой возможности и пользуются исключительно публичной библиотекой. Нельзя сказать, чтобы сознание это было особенно развито.

В самом деле, даже тот налог, которым правительство обложило писателей в пользу публичных библиотек, в виде представления известного количества экземпляров, исполняется не вполне добросовестно: в публичные библиотеки поступает очень большое число дефектов, т.е. таких экземпляров, которые были бы брошены, если бы закон не вынуждал авторов доставлять в цензурные комитеты известное число издаваемых ими книг. Ссылка на небрежность типографий или издателей не может служить здесь достаточным оправданием. Мы думаем, что автору, выпускающему в свет книгу, не трудно позаботиться о том, чтобы экземпляры, назначаемые в публичные библиотеки, были удовлетворительны.

Впрочем, этим еще не исчерпываются обязанности авторов по отношению к публичным библиотекам. В интересах посетителей библиотеки важно, чтобы все книги тотчас по поступлении в библиотеку делались достоянием читателей. Как известно, это затрудняется необходимо-

стью каталогизации (карточной), которая требует много рук и времени. Между тем затруднение это было бы устранено, если бы при издании книги к ней прилагалась печатная библиотечная карточка (по крайней мере к нескольким экземплярам*), благодаря которой книга могла бы немедленно попасть в каталог. Это принесло бы огромную пользу публичным библиотекам и, следовательно, занимающимся в них, тогда как со стороны авторов здесь только требуется небольшое внимание к интересам читающей публики. В настоящее время, к сожалению, очень немногие из писателей снабжают свои сочинения такими карточками. Исполнение этих двух условий не потребовало бы никакой жертвы со стороны писателей на общую пользу. Но мы думаем, что публичная библиотека, как просветительное учреждение, могла бы рассчитывать на нечто большее, именно, на некоторую, хотя бы незначительную, долю личного труда со стороны писателей, разумя в данном случае ученых. Потребность в руководстве и указаниях со стороны специалистов для лиц, занимающихся в библиотеке, легко могла бы быть удовлетворена при добровольном желании ученых специалистов пожертвовать незначительным временем на пользу общую. На практике это нетрудно было бы осуществить: достаточно было бы, чтобы каждый из таких ученых специалистов являлся два раза или даже один раз в месяц на определенный час, о котором посетители библиотеки знали бы, конечно, заранее.

При таком условии библиотека могла бы, действительно, стать в высокой степени просветительным учреждением. Мы и теперь можем указать на людей сведущих и ученых, которые оказывают содействие своими познаниями лицам, занимающимся в нашей публичной библиотеке Румянцевского музея. Но помощь эта, конечно, носит случайный характер, а между тем сделать ее более широкой и организованной не составило бы большого труда. Говоря о желательном отношении представителей литературы и науки к интересам библиотеки, мы не можем не вспом-

* Что такое библиотечная карточка — см. брошюру Кваскова: "Реформа библиотечного дела" — Москва, 1893 г.²

нить об одном писателе, ныне умершем, и его отношении к Румянцевскому музею, куда поступила потом его библиотека. Мы говорим о Н. Д. Лодыгине³. Занимаясь постоянно в этом учреждении, он не отказывал никому из прибегавших к нему за советом по предметам, ему известным; для своей библиотеки он выписывал только такие сочинения, каких не оказывалось в библиотеке Румянцевского музея, т.е. так называемые *desiderata*⁴. Мало того, он сам написал карточки к книгам своей библиотеки. Благодаря этому, когда библиотека его поступила в музей, она через несколько дней уже была открыта для публики.

В заключение позволим себе высказать еще одно пожелание, чтобы все национальные библиотеки (публичные) заключали в себе все иностранные произведения других стран. Дело крупных национальных библиотек есть не только национальное, но и международное дело. И мы думаем, что всякий народ, имеющий свою литературу и свою национальную библиотеку, имеет право на обязательный обмен литературными произведениями с другими такими же народами. Дело это едва ли представляет большие трудности, и, по крайней мере, крупнейшие европейские нации могли бы устроить такой литературный обмен. Конечно, это опять-таки потребовало бы от авторов жертвы, в виде нескольких даровых экземпляров.

Когда в разгар франко-русских симпатий об этом попробовали поднять вопрос, наши европейские друзья отнеслись очень холодно к такому проекту. Но мы не теряем надежды, что обмен этот осуществится, когда яснее станет для общества великое просветительное значение центральных библиотек. В заключение, опять-таки повторим, что успех этого дела зависит, главным образом, от сознания авторами их долга перед обществом.

N.

Дон. 1896. 22 сентября. № 106

¹ См.: А. С. Письмо в редакцию // Русское слово (Москва). 1896. 9 сент. № 243. Отклики на статью Н. Ф. Федорова см. также: Авторы и публичная библиотека // Московские ведомости. 1896. 5 сент., № 244; Филиппов А. Письмо к издателю // Там же. 14 сент., № 253. Полемику

подытожил сам Н. Ф. Федоров: Письмо редактору // Русское слово. 1896. 21 сент., № 254 (за подписью N).

² Имеется в виду следующее издание: *Квасков Я. Г.* Реформа библиотечного дела. Библиотечные карточки при вновь выходящих книгах. М., 1893. 16 с. Воспроизведен текст доклада, с которым Я. Г. Квасков выступил 1 декабря 1892 г. на заседании Московского библиографического кружка. Он дает обширные выдержки из статей "К реформе библиотечного дела: (По поводу вопроса о франко-русском книжном обмене)" // Русские ведомости (Москва). 1892. 13 окт., № 283 и "К вопросу об установлении постоянного правильного научно-литературного обмена между Францией и Россией" // Там же. 1892. 6 марта, № 67. Автором этих статей, как можно предполагать, был Н. Ф. Федоров. В тексте своей брошюры Я. Г. Квасков упоминает его как Н. Ф. Ф.

³ Имеется в виду Николай Дмитриевич Лодыгин (1842—1885), историк коннозаводского дела в России, разработавший генеалогию рысистой породы. Им написаны книги "Рысистые заводы в России. Т. 1—4. (М., 1874—1881)", "Заводская книга рысистых лошадей Хреновского государственного конного завода" (М., 1882). Н. Д. Лодыгин — редактор "Книги рысистых лошадей в России с определением чистопородности" (Ч. 1—7. М., 1870—1873), издатель "Газеты коннозаводчиков и любителей лошадей" (1873—1883).

⁴ желаемое (лат.). В данном случае — книги, отсутствующие в данной библиотеке и необходимые для пополнения ее коллекции.

АВТОРСКОЕ ПРАВО И АВТОРСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ, ИЛИ ДОЛГ (К вопросу о литературной конвенции)

Наша самодержавная власть, в видах народного просвещения, сочла своим долгом обложить писателей налогом в двенадцать экземпляров. И этот налог не считается у нас тяжелым, несмотря на то, что значительно превышает такие же налоги других государств, государств конституционных, и особенно республиканской Франции, где избранные народа, в видах народного просвещения, сочли возможным обложить своих писателей только двумя экземплярами, да и это считается уже тяжелым налогом, так что — по свидетельству людей компетентных — увеличение налога еще на один экземпляр ни в каком случае не прошло бы в палатах, в среде которых — значительное число писателей. А наш, можно сказать, беспримерный налог ни в ком из писателей не возбуждает ни жалоб, ни неудовольствия, и можно надеяться получить достаточное количество экземпляров для составления публичных библиотек не в столицах только, но и во многих губернских городах, если к обязательному будет присоединен и до-

бровольный налог. Присоединение к обязательному добровольного налога было бы наилучшим показателем — насколько писатели искренни в своем стремлении к просвещению. Присоединение добровольного налога — необходимое при всяком обязательном налоге — особенно важно в данном случае, в отношении писателей, т.е. людей, которые больше, чем кто-либо, понимают значение просвещения — и позволительно думать, что при установлении такого налога количество экземпляров, которые будут добровольно доставлены писателями, устранил необходимость обязательного, принудительного, налога, ибо в принуждении нуждаются умственно несовершеннолетние, не сознающие своего долга.

Нет никакого сомнения, что только из глубокого уважения, можно сказать — благоговения, которым пользуются у нас иностранцы вообще и иностранные писатели в особенности, — родилась мысль о книжном обмене с Францией; и при этом было принято во внимание и количественное, и качественное превосходство французской литературы, — почему, предлагая Франции получать от нас все выходящее, от французов желали получать произведения только ученой литературы, которые и во Франции расходятся в небольшом количестве экземпляров. Если русские писатели способны без ропота жертвовать по 12-ти экземпляров, то что же нужно было ожидать от писателей иностранных вообще, — которые к тому же и доход от своих произведений получают гораздо больший, чем писатели русские? Что можно было ожидать особенно от писателей Франции, стоящей во главе просвещенных наций?.. Но, к глубочайшему нашему удивлению, французы встретили наше предложение об обмене сухо и холодно и даже не обратили почти на него внимания, не смотря на то, что предложение было сделано как раз в то время (в 1891 году), когда Франция изыскивала, по-видимому, все способы, какими могла бы выразить свое расположение к России. И в это же именно время со стороны Франции последовало другое предложение, которое, забывая интересы просвещения, имело в виду выгоды только писателей: со стороны Франции предлагалось — воспрещение переводов без согласия авторов, т.е. требовалась плата за переводы. И удивительное дело, — наши писа-

тели, которых мы ставили, конечно, гораздо ниже иностранных, оказались глухи к этому голосу из Франции, глухи, следовательно, к своим личным интересам. И таким образом обнаружилось, что нашим писателям недостает сознания их авторского права, а французским писателям необходимо было показать авторские обязанности, долг автора. При этом по вопросу об авторских правах оказалась целая обширная и богатая литература, по вопросу же об авторской обязанности никакой специальной литературы, как известно, нет.

Научить нас авторскому праву, так мало понимаемому в России, взялся первый писатель Франции Эмиль Золя. Знаменитый романист, — которого достоинство и оригинальность заключаются именно в верном воспроизведении действительности, — в открытом письме к русской печати уверяет, что *"французский книжный рынок наводнен русскими романами, не только великих, но даже очень скромных авторов"*¹. Этим он хочет, конечно, указать на усиливающуюся потребность во Франции в русских романах. И мы верим, конечно, и не можем не верить, что Золя и в этом своем произведении, — открытом письме к русской печати, как и во всех своих романах, — остается верен действительности. Но именно потому-то, как мы думаем, Россия, еще так недавно выражавшая свою дружбу французскому народу, не может воспользоваться своим выгодным положением на книжном рынке и требовать платы за переводы: нужно обладать чудовищным корыстолюбием, чтобы воспользоваться таким великодушием писателя, предлагающего, при таких невыгодных условиях для себя и для Франции и при таких чрезмерных выгодах для нас, заключить конвенцию, чтобы оградить нашу литературу от грабежа, которому она подвергается в его отечестве.

Письмо Золя мы считаем началом нового романа под названием — *"Литературная конвенция, или что такое литература в действительности с позитивной, реальной точки зрения (единственно, конечно, истинной), и что такое сам литератор или книжник XIX века"*. Такое произведение могло бы служить завершением всей литературной деятельности Золя, потому что предметом этого произведения был бы он сам. Выводы из этого романа пе-

рейдут затем в курсы литературы, войдут в учебники для высших, средних и низших учебных заведений и в учебнике уже XX века, быть может, будут читать следующее определение, или ответ на вопрос, что такое литература? — *Литература есть средство наживать деньги.* Что может быть вернее, действительнее, реалистичнее определения литературы — средством для наживы одного сословия на счет других, которые для этого должны быть сделаны грамотными, а потому и самое просвещение, и распространение школ, будет средством усиления сбыта книжного товара? За таким определением литературы должен следовать разбор условий распродажи литературных произведений, в видах выяснения причин, усиливающих сбыт их, т.е. будет следовать определение тех свойств, которыми должно обладать литературное произведение, чтобы доставить своему автору наибольший доход. При признании авторского права школы будут открывать возможность новой эксплуатации народа книжками, вообще — обязательное образование будет лишь новым налогом на весь народ в пользу книжников; народ будет принимать участие в литературе только деньгами, а не умом, не душою; он останется при физическом лишь труде и умственном развлечении, которое дается популяризациею наук, ученые же останутся при одном умственном труде. При признании авторского права народ не будет привлечен — к участию в самом знании, как это было бы при осуществлении мысли Каразина, предполагавшего обучение в школах соединить с наблюдением метеорических и других явлений, дабы научные выводы делались из наблюдений, не кое-где, кое-когда, кое-кем произведенных, а из наблюдений всеобщих и повсеместных, производимых всеми, везде и всегда (см. статью "О памятнике Каразину" — в Науке и Жизни 1894 г. № 15—16)², ученые же — при признании авторского права, не будут привлечены к труду народа в деле обеспечения средств существования путем регуляции метеорических явлений, как об этом говорилось в той же статье "О памятнике Каразину".

При существовании права литературной собственности, допускающего торговлю произведениями мысли, эти произведения не заслуживают уже названия творений, а

должны называться просто товаром и должны быть уравнены во всем с произведениями ремесел, а самые производители этих товаров должны быть подчинены общему со всеми ремесленниками управлению, т.е. ремесленной управе. Впрочем, такое уравнение людей невинных, как ремесленники, с литераторами, т.е. с людьми, которые не могут быть названы невинными, — было бы несправедливо; это было бы такую же величайшею неправдою, как собственность назвать кражею, так как кража есть преступление; а между тем разве могут быть названы преступниками увлекающиеся такими игрушками, как красивые наряды, мебель, экипажи и т.п.? Не указывает ли увлечение всем этим на детский возраст увлекающихся? Если разбогатевший ремесленник или банкир приобретет себе, например, стол в 10 тысяч или в 100 тысяч франков, окружит себя фантастической роскошью, то у кого же повернется язык осудить этих взрослых детей, предающихся таким невинным занятиям? При отсутствии цели и смысла жизни, мудрено, конечно, обвинить и Золя за то, что свой словесный товар он меняет на такие же игрушки, как и разбогатевший ремесленник, — но, во всяком случае, между ремесленниками и литераторами есть разница, и разница эта не в пользу писателей. Ремесленники, купцы — как мытари — открыто признают, что нажива составляет цель их занятий; а литераторы — как фарисеи, не обладают такой откровенностью... Право авторское основывается на приравнивании произведений ума и души к произведениям рук, к произведениям ремесленным, которые подлежат свободной торговле, имеют меновую, рыночную ценность, — основывается, следовательно, на отрицании в слове священного значения и на признании нравственности только *знанием, ни к чему не обязывающим.*

Такой реалистический взгляд на литературное произведение как на средство наживы может не ограничиться тем, что есть в настоящее время, — действительностью, нажива может быть возведена в идеал; такой идеал и представлен в нижеследующей статье — *"Плата за цитаты, или великая будущность литературной собственности, литературного товара и авторского права"*. Идеал наживы состоит в том, чтобы ни одного слова

нельзя было заимствовать бесплатно; в этом же заключается и идеал литературной собственности, и авторского права, а вместе с тем — это будет полным отрицанием авторского долга, или обязанности, с чем связана утрата смысла и цели жизни, так что вся деятельность человеческая становится *бесцельным трудом*, который Золя и рекомендует молодежи в известной своей речи, и потому самое даже "*Не делание*", когда оно противопоставляется *бесцельному труду*, получает некоторое значение — до тех, конечно, пор, пока нет общего у всех дела... Мы потому и осуждаем литературную алчность, что и России, как мы твердо в том уверены, предстоит сказать свое слово; и когда оно, это слово, будет сказано, Россия и тогда не отречется от осуждения этой алчности. В чем бы ни заключалось это *слово*, если бы оно было даже одним лишь указанием на дело, было бы призывом лишь к труду, *проектом дела*, — то и в таком случае оно составит обширную литературу в истинном смысле — литературу как выражение истины и блага, — а такая литература и не может быть предметом корысти. Плата за мысли и слова могла родиться только после полной утраты понимания смысла и значения языка и словесности, которые в начале могли быть лишь выражением родственной взаимности, чем они должны и вновь сделаться, и тогда литература достигнет своей высшей ступени, верха совершенства. Плата за слова есть следствие взаимного отчуждения и враждебности... В сущности, нет человека несчастнее литератора, осужденного необходимостью продавать произведения своей мысли, своего воображения — души. — Словесность начинается первым словом детей, сынов — *типа, мама* и проч., — которые, как известно, во всех языках остались сходными. Продолжением словесности служит последний завет умирающих отцов, восполнение которого, — т.е. *поминовение, воспроизведение жизни отца*, — и есть высшее выражение словесности. Таковую литературу и была бы при правильном ходе. Но забвение сынами отцов, забвение завещания — вызвало литературу блудных сынов (бродяг, не помнящих родства), как выражение вражды сословной, международной, только такая литература и могла стать предметом собственности, торга. Возвращение блудных сынов к отцам, уничтожая вражду между братьями, создаст литературу, или

слово сынов об отцах, — слово, переходящее в дело, которое не может подлежать торгу. Время блудных сынов есть эпоха утраты смысла и цели, выделение ученых и литераторов в особую касту, сословие, класс. Пока существует разделение на ученых и неученых, до тех пор неизбежна будет эта безнравственная торговля — и литература все более и более будет превращаться в промышленность, доставляющую развлечение, не составляющую, следовательно, необходимости, и народ будет видеть в ней лишь скоморошество.

Н.

Дон. 1896. 6 октября. № 112

¹ Очевидно, Н. Ф. Федоров имел в виду "Открытое письмо к русским литераторам", опубликованное Э. Золя 24 декабря 1893 г. в газете "Тан". См.: *Лилева И.* Краткая летопись жизни и творчества Эмиля Золя // Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. М., 1967. Т. 26. С. 749.

² См.: *И. Б.* [Борисов И. А.] К вопросу о памятнике В. Н. Каразину // Наука и жизнь. 1894. № 15—16 (16—23 апр.). С. 249—251. Каразин Василий Назарович (1773—1842), русский и украинский просветитель, общественный деятель и ученый, основатель Харьковского университета. Его перу принадлежат работы о рациональном ведении сельского и лесного хозяйства, а также по метеорологии.

ПЛАТА ЗА ЦИТАТЫ, ИЛИ ВЕЛИКАЯ БУДУЩНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ЛИТЕРАТУРНОГО ТОВАРА И АВТОРСКОГО ПРАВА

**"Декларация прав автора", как начало новой эпохи
в литературе и жизни, последняя,
высшая ступень индивидуализма**

**К вопросу о литературной конвенции.
(Дружественное предложение одного из ревностных
поклонников французских литераторов)**

Сочувствуя даже алчности французских писателей, мы из благоговения к великой французской нации, — не только готовы уплачивать за переводы произведений великодушно-бескорыстного французского гения, но, принимая за великую честь такое предложение, с своей стороны предлагаем — денежную плату за каждую цитату, за каждую выдержку из произведений дружественного нам

народа. Мы твердо убеждены, что только такая передовая нация, как Франция, способна оценить наше дружественное предложение. Ни Англия, ни Германия не доросли до этой оценки. Для исполнения нашего предложения необходимо, чтобы писатели, при издании своих сочинений, на полях страниц против каждого периода, каждого предложения, даже всякого нового слова, назначали продажную их цену во франках и сантимах — так, чтоб каждый цитирующий мог знать, что должен он уплатить и не мог бы отговариваться неведением. За изложение же собственными словами мысли французского писателя должна быть назначена высшая плата, чем за цитаты, чтобы никому не было повадно наносить этим путем ущерб священному праву французских писателей торговать своими мыслями. Последователи, подражатели какого-либо писателя должны быть его данниками; — понятно, какая глубокая взаимная любовь должна водвориться при этом в литературном сословии: только в среде этого сословия может быть осуществлен идеал — "Homo homini lupus"¹.

На возражение ретроградов, что плата за цитаты — (как естественное логическое следствие допущения барышнических взглядов в литературное дело) — оградя целостность сочинения от расхищения его по частям, послужит препятствием распространению мыслей, плодотворному пользованию ими — вообще просвещению, — на такое возражение друзей литературы и врагов литераторов, нужно сказать, что не для распространения мыслей, не для развития знания пишутся в настоящее время многотомные сочинения; и было бы очень не позитивно*, не научно предполагать такое легкомыслие у столь зрелого, даже вымирающего народа, как французы. Пишутся эти **эфемерные** произведения для того, чтобы творцы их могли **воздвигнуть** для своей особы 12—13-тиэтажные дворцы, окружить себя всеми игрушками современной и особенно французской промышленности и всеми забавами цивилизации. Нужно быть человеком бескорыстного XIX века, чтобы понять, какие радости ожидают писателя, когда, наконец, несмотря на противодействие ретроградов и от-

* Позитивизм в теории есть то самое, что на практике исключительная преданность своим личным выгодам; в этом и заключается легко открываемая точка происхождения позитивизма, а с ним и *научности*, — этого гада позитивизма.

сталых, плата за цитаты будет принята законодательными палатами всех стран, и прежде всего французской, разумеется, представители которой до сих пор не могут простить себе, что позволили обложить своих писателей налогом в два экземпляра для общей пользы всего народа, всего человечества, тогда как не следовало бы давать и одного для таких фикций (народ, человечество!!), как думает Л. Н. Толстой, что признают и французские литераторы, когда дело касается их личных выгод.

Итак, когда "*декларация прав автора*" будет обнародована во всем мире, т.е. когда нигде, никогда, ни одно слово автора не будет заимствовано без соответствующей платы, под страхом наказания, какое только в состоянии изобрести писательское корыстолюбие, желающее целый мир сделать своим данником, — вот тогда-то наступит золотой век, если не для литературы, то для литераторов... И вместе с тем тогда возникнут новые трибуналы, гражданские — для разрешения тяжб по литературной собственности и уголовные — по преступлениям против литературной собственности; право гражданское и уголовное по этим вопросам достигнет величайшего совершенства, виртуозности... Тогда великий писатель, сидя в своем роскошном дворце, после каждой написанной им фразы будет назначать продажную ей цену и предвкушать получение рублей, франков, пиастров, долларов и т.д., а под конец страницы подводить итоги; окончив же все сочинение, он может помечтать о том, что и его праправнуки и даже самые дальние потомки, свято храня завет отеческий, не уступят ни одного сантима с назначенной им цены, а может быть и прибавят; — отчего же не быть прогрессу в этом отношении?!

Для окончательного опровержения всех противников литературной собственности, говорящих, что постыдно выносить на рынок произведения мысли, чувства, души, нужно сказать, что торговли такими произведениями, в которых говорит действительно душа, и быть не может. Литература будущего, купленная такой дорогой ценой, будет несомненно бездушная, бессмысленная, бесчувственная...

Мысль о плате за цитаты — мысль чрезвычайно плодотворная; для обсуждения всех последствий этой благодетельной меры недостаточно целой большой книги. Не-

смотря на такую плодотворность заключающейся здесь мысли, мы охотно дозволяем *бесплатно* перевести это дружественное предложение на все языки, даже на ирокезский, тасманийский — если только от этих племен сохранилось, конечно, — благодаря европейско-американской гуманности, хотя по одному человеку.

Ив-новъ

Дон. 1896. 10 окт. № 114

См. с. 13 настоящего издания.

¹ Человек человеку — волк.

ЧТО ЗНАЧИТ КАРТОЧКА, ПРИЛОЖЕННАЯ К КНИГЕ?

В последние два, три года в Москве вышло несколько десятков, а может быть и сотен книг, при которых приложены карточки, напечатанные на картоне. Прежде всего на картоне напечатана крупным шрифтом фамилия автора или же, если автор не обозначен, первое в заглавии существительное в именительном падеже; затем полное заглавие сочинения, место напечатания, время выхода, формат, число страниц. Словом, это такая карточка, которая пишется для каждой книги при поступлении ее в публичную библиотеку, с присоединением полного содержания книги, которое печатается на оборотной стороне карточки. На такой карточке обозначается место книги в библиотеке, и она помещается затем в каталог библиотеки, расположенный в алфавитном порядке. Алфавитные каталоги публичных библиотек, как и систематические, не пишутся в настоящее время в книгах — они состояются из отдельных для каждой книги карточек, так как только при этом каталог м[ожет] б[ыть] расположен действительно в алфавитном порядке, и порядок этот не будет нарушен и вновь поступающими книгами. При этом необходимо, чтобы карточки ко всем книгам прилагались одной, определенной формы и величины, иначе, при произвольной форме и величине, карточки не могут быть собраны в один каталог.

Итак, что же значит такая карточка, приложенная к

книге, какой смысл будет заключаться в ней и какую цель она будет иметь, если будет прилагаться ко всякой выходящей в свет книге? Ответ на этот вопрос дать необходимо, потому что всякий получивший книгу с карточкой непременно задаст его. — Появление карточек — явление вовсе не случайное, оно вызвано чрезвычайным ростом печати, таким размножением книг, при котором опасность затеряться в массе их для каждого отдельного сочинения и в особенности для всякой новой мысли, так велика, как велика смертность среди новорожденных детей, и потому появление карточки, будучи симптомом чрезвычайного размножения произведений печати, вместе с тем является средством спасения для всякого отдельно появлявшегося издания. Карточка, заключая в себе сжатое изложение целого сочинения, находится в таком же отношении к книге, в каком зерно к растению, а потому интерес самого писателя требует, чтобы прилагаемая к книге карточка была напечатана на прочном материале, на картоне, подобном кожистой оболочке зерна, и кроме того, чтобы такая же карточка была издана на простой бумаге, в гораздо большем количестве, чем сама книга; эта последняя карточка, на простой бумаге, будет соответствовать семенам, снабженным летучками. Первая карточка, карточка на картоне, будет служить для сохранения, а последние для большего распространения сочинения, заменяя объявления, и этим будет устранена опасность для каждого отдельного издания потеряться в массе изданий, не попасть туда, где оно могло бы принести наибольший плод, или же не дожить до времени, когда оно могло бы быть должным образом оценено.

Правительство, сделав обязательным для каждой выходящей книги присоединение названных карточек, хотя бы только картонных, оставляя приложение карточек на простой бумаге на волю самих авторов, — не только удовлетворит назревшему требованию времени, но и делает этим для просвещения не менее открытия школ, потому что только при существовании таких карточек могут быть основаны повсюду библиотеки без обременительного труда, необходимого для составления каталогов. Без каталога же библиотека немислима; библиотека не собрание лишь книг, а собрание книг, имеющее каталог, кото-

рый служит прежде всего, как всякий инвентарь или опись, для сохранения от расхищения, главным же образом для нахождения книг. Что же касается потребности в библиотеках, *которые суть школы взрослых*, следовательно, — *высшие школы*, — то в этой потребности, настоятельной необходимости открытия библиотек повсюду, никакого сомнения и быть не может; без библиотек сама грамотность — о насаждении которой все больше заботятся, обязательность которой для каждого — вопрос лишь времени, — не может иметь надлежащего значения, потому что останется почти без приложения.

Карточки при книгах, составляя симптом размножения книг, вместе с тем, как созревшие зерна, предсказывают приближение такого времени (от которого да сохранит нас Господь), какое для растительной жизни наступает осенью и зимою, умерщвляющею всю растительность. Можно сказать, что печать, как произведение одного интеллигентного слоя, достигла уже возможного для нее предела роста; рост кончен, начинается восстановление; иначе сказать, рост или развитие переходит в рождение, т.е. в повторение целого в малом виде... Что для целой литературы — всеобщая энциклопедия (существуют энциклопедии и для каждого отдельного круга наук), то же самое и карточка для каждого отдельного сочинения. Карточки можно сравнить также с теми металлическими досками, которые полагаются в основание зданий; если бы только к надписям о времени основания и имени строителя присоединялись бы план и фасад здания, тогда по этим доскам, как и по карточкам, потомство могло бы восстаивать разрушенное... Предсказывая разрушение, уничтожение, гибель книг, карточки не могут быть средством спасения их от такой гибели, но сами имеют больше шансов, чем книги, пережить разрушительную эпоху; если книги и погибнут, карточки останутся и дадут возможность вызвать из забвения то сочинение, к которому относятся, возратить его к жизни. Таким образом, карточки явление необходимое и вместе с тем в высшей степени печальное. Но таков закон всей без исключения слепой природы, и пока слепая эволюция не заменится разумною регуляциею, — достигшие трудом жизни возможной степени в знании и искусстве будут умирать, а беспо-

мощный, бессильный младенец останется, чтобы вновь начать тот же, уже пройденный процесс. Впрочем, карточки имеют то преимущество перед зерном, подобие которого они представляют, что образование зерна происходит *бессознательно*, и зерно сохраняет и передает только некоторые свойства растения (растения-родителя), изложение же содержания книги должно стараться главным образом, и старается, конечно, избежать этого недостатка, старается достигнуть идеальной полноты и вместе краткости. Таким образом, карточки представляют уже переход от слепого хода жизни к ходу сознательному... В виде карточки на картоне всем книгам без различия их достоинств дается одинаковое, равное орудие для сохранения, дается, следовательно, способ, принимается мера к поддержанию слабых против сильных, чего нет в слепой природе. Летучие же карточки, заменяя объявления, доступные лишь немногим сильным, также уравнивают бессильных, слабых с сильными и могучими, давая и новой мысли возможность легчайшего распространения.

К самой книге, как выражению мысли и души ее автора, должно относиться как к одушевленному, как к живому существу, и тем более, если автор умер. В случае смерти автора, на книгу должно смотреть как на останки, от сохранения коих как бы зависит самое возвращение к жизни автора. Вместе с тем библиотеки не должны быть только хранилищами книг, не должны служить и для забавы, для легкого чтения, — они должны быть центрами исследования, которое обязательно для всякого разумного существа, — все должно быть предметом знания и все — познающими. Но не на разрушение веры должно быть направлено исследование, а на подтверждение ее, на подтверждение не словами только, но делом... Только такое исследование и может быть целью устройства библиотек, в повсеместном открытии которых чувствуется столь настоятельная необходимость, и самое естественное было бы сделать обязательным открытие библиотек при каждой церкви, при каждой церкви стал бы создаваться и музей, как необходимое условие просвещения, потому что музей есть лишь пояснение всевозможными способами книги, библиотеки. Всякая церковь и в настоящее время имеет некоторое собрание книг, которое должно стать ядром уч-

реждаемой при церкви библиотеки, точно также каждая церковь имеет и некоторое собрание предметов, которое должно стать ядром создаваемого при церкви музея. Создание при каждой церкви библиотеки и музея было бы только исполнением церковью своего назначения, долга учительства ("шедше, *научите* все языки"), ибо на церкви лежит долг истинного просвещения, церковь должна дать истинную цель знанию, церковь должна сделать, чтобы книга была произведением не одной только интеллигенции, т.е. сословия, отделившегося от народа, и вместе, чтобы книга не оставалась только книгою, т.е. знанием, но стала бы средством спасения от бедствий общих интеллигенции и народу, т.е. всем людям или смертным. Наука, оставляющая громадное большинство людей в совершенной тьме и даже не помышляющая, что может сделаться хоть когда-либо достоянием всех, не есть свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, и сделается она таковым только чрез союз с церковью.

Либеральные историки умалчивают об отношении к книгам народа; а между тем известно, что народ на всякую не церковную книгу смотрит как на барскую принадлежность, как на барскую затею... И в настоящее по крайней мере время, когда распространение ненависти и зависти низших к высшим считается святою обязанностью, исполнением долга, налагаемого законом прогресса, — народ и книгу любит столько же, сколько и бар, а потому, хотя бы для избавления лишь от книжных погромов, библиотеки следует учреждать именно при церквях, ибо только церковь в таких случаях может сохранить книги. Вместе с тем, учреждение при церквях библиотек и музеев даст возможность, даст церкви средство исполнить лежащий на ней долг — обратить слепую эволюцию в регуляцию, обратить слепую неразумную силу природы в управляемую разумом, обратить эту силу из смертоносной, как она ныне есть, в живоносную.

Н.
Дон. 1896. 22 октября. № 119

БИБЛИОГРАФИЯ*

**Знание популярное, энциклопедическое, мнимое,
и знание действительное; переход от мнимого знания
к знанию действительному**

Статья в № 4-м "Русских Ведомостей" 1893 года (от 5 января)¹ об известном библиографе Строеве² — как начало целого ряда статей подобного содержания — имеет целью познакомить с библиографией, этою столь пренебрегаемую наукою, что она не удостоивается даже названия науки, почему нигде и не преподается. А между тем только *библиография* может вести от популярного, т.е. мнимого знания, к знанию действительному, основанному на непосредственных источниках, указание которых и заключается в библиографии. Если бы ряд этих статей обратил на себя внимание, то этим начался бы переход от слушания и записывания лекций — в чем только и заключается ныне университетское преподавание — к самостоятельному труду учащихся под руководством профессоров. Вместе с этим начался бы переход от популярных, бесплодных энциклопедий к сухим, но плодотворным библиографиям — к этим ключам знания. И это было бы концом периода, начавшегося с изданием известной энциклопедии прошлого века, концом периода, создавшего популярное знание и класс так называемых образованных людей, интеллигентов, политиканов, критиканов, которые, обладая лишь энциклопедическими, т.е. мнимыми, знаниями, думают управлять всем, но при первом же столкновении с действительностью обнаруживают свою полную несостоятельность. Это было бы началом нового периода, в основу которого должна стать библиография, эта сухая, презираемая наука, и тем не менее ведущая *всех* к участию в самом труде знания, а не к бесплодному лишь знакомству с его верхушками. И этот период не простая перемена, а новый культ, который и открывается четвертым номером "Русских Ведомостей" 1893 года**.

Перед читателями и особенно почитателями этого лег-

* См. статью "Что значит карточка, приложенная к книге?" в № 119 "Дона".

** Должно заметить, впрочем, что "Русские Ведомости" ограничились помещением лишь нескольких статей, подобно статье о Строеве.

кого листка, привыкшими слышать имена лишь таких живых покойников, как Белинский, Добролюбов и т.п., неожиданно появляется умершее немного лет тому назад лицо со списком не легоньких разборов, критик, а с тяжеловесным безжизненным, сухим списком каталогов, но, к сожалению, без указания — как предполагалось сначала — мест, на которых они находятся в открытом для всех желающих трудиться книжном кладбище — в московском Румянцевском музее. За этим выходцем из могилы встают целые ряды мертвецов с такими же списками своих произведений в руках — ибо он лишь первенец из мертвых. "Русские Ведомости", признающие только живое, были бы правы, не желая помещать у себя умерших... Но разве это умершие? Это вытесненные, убитые, как и вообще нет просто умерших, а все лишь убитые, которые и сами убивали... И то, в чем "Русские Ведомости" видят живое, состоит именно в борьбе, вытеснении, в убийстве, прямом или косвенном. Чем борьба сильнее, живей, тем она убийственнее, тем большее число жертв после себя оставляет, так что *живость* в настоящее время — синоним убийственности...

Разговор оживает, когда он обращается в спор; спор становится живее, когда начинает задевать "*за живое*", и если бы дошел до высшей степени живости, то оставил бы после себя труп... В литературе самое слово стало убийственным, ядовитым, и по числу жертв оно — самое убийственное из всех смертоносных орудий. Есть война явная, и есть война скрытая, и последняя отличается наибольшею живостью, потому что она *эле* первой. Во время войны наибольшею злостью отличаются не те, которые открыто, явно бьются, непосредственно участвуют в войне открытой, а те, которые только ругаются (литераторы), которые участвуют, следовательно, не в открытой, а в войне скрытой. Самую же большей ненавистью отличаются те, которые прикидываются сострадательными к бедным и, прикрывая этим состраданием зависть к богатым, подбивают к войне уже не международной, а междусословной, междуусобной...

В чем же состоит этот культ, так неохотно открываемый "Русскими Ведомостями"? Представьте себе, что из всех книг выступили их творцы и, указывая на свои про-

изведения, требуют их изучения. Этот призыв к знанию, как общему долгу *всех*, к знанию не популярному, а действительному, и есть начало нового культа, но лишь начало его. Все сделать предметом знания и всех познающими — не отделяя притом знания от дела — это значит — не оставить праздною, бездействующею ни одной способности; это значит — поставить всеобъемлющее дело на место участия всех в комфорте, на место развития всех способностей, даваемого будто бы досугом. Но на досуге занимаются лишь тем, в чем нет необходимости, — ненужным. Ставить же целью — *развитие всех способностей* — свидетельствует о полном неведении цели и смысла жизни. Только *во всеобъемлющем деле* могут развиваться *действительно все способности*, а не на досуге, не на свободе, которые можно наполнить только искусственно, произвольно. Без всеобъемлющего дела надо выдумать, чем наполнить свой ни на что не нужный досуг, ни на что не нужную свободу.

Отношение, подобное отношению "Русских Ведомостей", к вновь открываемому ими на своих столбцах отделу, т.е. отношение живого к мертвому, существует также между университетом и музеем. Музей будет мертвым, замерзшим, пока университет будет живым, т.е. будет требовать борьбы, прогресса, словом, умерщвления, а не объединения всех для оживления жертв борьбы. Хотя университеты родились еще в эпоху так называемого фанатизма (т.е. в эпоху господства веры), а *не безжизненного индифферентизма*, возведенного в добродетель под именем *терпимости* (терпимости чего? что только терпят? что *допускают* лишь — добродетель ли?!), тем не менее они сделались проводниками преимущественно *возрождения*, т.е. *вырождения*, проявившегося в скептицизме, критицизме, позитивизме и, наконец, как последняя стадия вырождения — в пессимизме, или *буддизме*. Комфорт, как цель жизни, не мог бы даже временно затмить общего, отеческого дела, если бы не был прикрыт целью всеобщего участия в нем, т.е. социализмом.

Подобно тому, как церковь каждый день поминает и прославляет своих святых, которые участвовали в ее созидании, так и органы ученого сословия, науки, каждый день должны вспоминать тружеников знания, приглашая

тем читающих не к чтению лишь, но и к изучению их. *Изучать же значит не корить и не хвалить, а восстановить жизнь.* И такое изучение возможно только в библиотеках, открытых для всех, причем устройство этих библиотек должно быть основано на том же принципе ежедневного поминовения. Библиотека при нынешнем своем устройстве, когда только небольшое количество книг находится в обращении, большинство же книг, оставаясь постоянно на своих местах, все более и более покрываются пылью, должна быть названа *книгою закрытою*; открытою же книгою может быть названа только библиотека, расположенная календарным порядком, по дням смерти авторов, сочинителей, потому что календарный порядок включает в себе требование — (хочешь не хочешь, волею-неволею) — поминовение, т.е. восстановление самого автора по его произведениям. При таком устройстве библиотека не останется простым хранилищем книг, ни одна книга в ней не останется забытою, для каждой книги в библиотеке при таком ее устройстве — самом для нее живом и уже в настоящем смысле этого слова — наступает черед, назначено время изучения, назначено самым днем смерти сочинителя. Помещаемые ныне в "Русских Ведомостях" в дни смерти сочинителей перечни их сочинений, через год или несколько лет, послужат материалом для составления каталога, расположенного в календарном порядке... И это будет действительно гробокопательством, как некоторые в насмешку называют новый отдел, открытый в "Русских Ведомостях"; но что же лучше: оставить ли книгу погребенную в пыли, преданною тлению, или же в определенной день освободить ее от этой пыли, чтобы изучением ее вызвать живой образ автора? Те, которые согласились бы располагать книги скорее по дням рождения, чем по дням смерти авторов — не желая, конечно, напоминать себе о смерти, желая забыть о ней — забывают, что при таком порядке пришлось бы исключить целый класс людей, вышедших из неизвестности, день рождения которых поэтому забыт, а день же смерти, наоборот, всем памятен... И если смотреть на это ежедневное поминовение, как на приглашение к труду изучения, то на первом плане из тружеников знания должно поставить именно библиографов, которые

хранят ключи знания. Если же к библиографическим трудам их присоединить еще указания мест, на которых в публичных библиотеках хранятся перечисляемые в этих трудах книги, то не значит ли это предупреждать требования читателей, не значит ли это отыскать книгу прежде, чем поступило на нее требование, и тем устранить необходимость иметь при библиотеках самих отыскивателей книги, т.е. этим сократился бы расход на содержание их? А с другой стороны — отсутствие обозначения при какой-либо книге ее места в библиотеках будет указанием на desiderata и приглашением к пожертвованию в общественное книгохранилище, и к пожертвованию не случайному, которое может быть полезно, может быть и обременительно. Прославление умерших писателей, приглашение к их изучению будет самую бескорыстную рекламой. Газета, помещающая на своих столбцах эти рекламы, эти списки, может дать своим читателям чрез некоторое время, в виде премии, не только каталог книг, но и словарь писателей, синодик (миния месячная), к которым может быть составлен и предметный указатель.

N.

Дон. 1896. 29 окт., № 122.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

¹ См.: Труды русских писателей // Русские ведомости. 1893. 5 янв., № 4.

² Строев Павел Михайлович (1796—1876), русский археограф, библиограф и историк.

³ См.: Труды русских писателей // Русские ведомости. 1893. 11 янв., № 10 (А. Ф. Вельтман); 18 янв., № 17 (П. Н. Кудрявцев); 24 янв., № 23 (Д. Н. Бантыш-Каменский); 26 янв., № 25 (И. С. Аксаков) и др. Все заметки были опубликованы "по просьбе Московского библиографического кружка".

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ВЫСТАВКА В ВОРОНЕЖСКОМ ГУБЕРНСКОМ МУЗЕЕ с 6-го по 10-ое ноября 1896 года

В статье "Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве", напечатанной в журнале "Наука и жизнь" — 1893 г., в № 44-м от 6-го ноября¹, которая заключает в себе предложение устроить в память Каразина

метеорологическую станцию при московском Румянцевском музее, между прочим говорится, что "музей есть по преимуществу книжное хранилище", и проводится мысль, что все собранное в музее есть необходимое пособие при изучении заключающегося в книгах и лишь *наглядно* представляет то, что в книгах выражено словесно. Развивая эту мысль, можно сказать, что музей без книги, без библиотеки не мыслим, и библиотека без музея представляет из себя учреждение неполное, в высшей степени недостаточное; отношение библиотеки к музею подобно отношению души к телу, разделение этих учреждений для музея смерть — совсем без книг музей существовать не может, это и не полная смерть (известно, что библиотеки без музеев существуют), но что это и за жизнь!.. Во всяком случае, и несогласные с выраженной выше мыслью, не будут отрицать, что библиотеки и музеи — учреждения однородные, а потому и устройство их должно иметь много сходного. Как доказательство справедливости этой мысли, мы позволим себе сослаться на воронежский музей, устроивший у себя две весьма интересные выставки — в мае настоящего года — коронационную, а в ноябре Екатерининскую. — Относительно устройства публичных библиотек существует мысль, что они должны быть расположены в календарном порядке. Подобно тому, как церковь каждый день поминает и представляет своих святых, которые участвовали в ее созидании, так и органы науки каждый день должны вспоминать тружеников знания, приглашая тем не к чтению лишь их произведений, а к изучению самих творцов этих произведений. Изучать же — значит не корить и не хвалить, а восстанавливать жизнь... Такое изучение возможно только в библиотеках, открытых для всех. *Библиотека при нынешнем ее устройстве*, когда только небольшое количество книг находится в обращении, большинство же книг, оставаясь постоянно на своих местах, все более и более покрываются пылью, — *должна быть названа книгою закрытою*; открытою же книгою может быть названа только библиотека, расположенная в календарном порядке, по дням смерти авторов, сочинителей, потому что календарный по-

рядок заключает в себе требование поминовения, т.е. восстановления самого автора по его произведениям. При таком устройстве библиотека не останется простым хранилищем книг, ни одна книга не останется в ней забытою, для каждой книги в библиотеке при таком ее устройстве — самом для нее живом и уже в настоящем смысле этого слова — наступает черед, назначено время изучения, назначено самим днем смерти сочинителя. — Воронежский музей двумя своими выставками доказал, что и для музея расположение заключающихся в нем предметов — остатков прошедшего, — в календарном порядке — есть самое живое устройство музея, живое в настоящем значении этого слова, потому что такое именно устройство и ведет к изучению, т.е. к восстановлению жизни, согласно с вышеприведенным определением; в дни с 6-го по 10-ое ноября мы видели музей, как и в дни коронационной выставки, переполненным посетителями, рассматривавшими выставленные предметы, весьма интересное объяснение которых давалось хранителем музея М. И. Успенским²; эта выставка, как и коронационная, усилила также приток пожертвований в музей.

С особенною благодарностью надо заметить, что воронежский музей не ограничился выставкою только тех предметов, которые хранятся в самом музее, — было собрано все, относящееся к екатерининскому времени, что можно было найти в Воронеже: так, из воронежского дворянского собрания были перенесены в музей на время выставки жалованная дворянству грамота 21 апреля 1785 года, бархатная времен Екатерины книга родов дворянских (6-ть частей), из городской управы — книга "Учреждения для управления губернией" — 1775 года, — в бархатном, обложенном серебром переплете, и серебряный колокольчик, присланные при введении управления городами на основании вышеозначенного учреждения; духовная семинария доставила автограф святителя Тихона³ — современника Екатерины (собственноручное письмо); — публичная библиотека — бюсты Екатерины II, Петра III и Павла I-го и статуы орденов св. Георгия и св. Владимира.

И частные лица, занимающиеся собиранием древностей, не отказались выставить на время выставки в здании музея принадлежащие им коллекции: К. И. Бухонов выставил до 150 монет Екатерины II-й и значительное количество медалей и жетонов ее царствования; М. П. Паренаго — книги и гравюры, в том числе портрет Екатерины, гравированный Уткиным, — гравюра с картины Греза, посвященной Екатерине, "Le paralitique, servi par ses enfants"⁴ — 1767 года; гравюра, изображающая Вольтера, опирающегося на палку — Paris, 1778 года; П. Г. Беляев выставил рукописи, книги, образа в окладах времен Екатерины; в числе книг, между прочим, имеется: *Молитвы*, приносимые 67-милетним стариком (граф Алексей Бестужев-Рюмин), будучи (с 14 февраля 1758 г.) под арестом, и *Благодарная молитва* того же графа Бестужева-Рюмина, по случаю освобождения его и возвращения ко двору 3 июля 1762 (надо: 1762. — А. А., О. Л.) года; книга эта сопровождается предисловием графа Бестужева-Рюмина и в конце приложен манифест Екатерины от 31 августа 1762 г., которым возвращаются графу Б. Рюмину чины, ордена и пенсия.

М. И. Успенский выставил учебники арифметики и географии екатерининского времени, а также известную энциклопедию XVIII века.

Таким образом, воронежский музей не собрание и хранилище лишь останков отжившего, но учреждение живое, объединяющее изучающих протекшее. Музеи и не должны быть лишь хранилищами предметов, оставшихся от протекшей жизни, как библиотеки не должны быть только хранилищами книг; и как библиотеки не должны служить для забавы и для легкого чтения, так и музеи не должны служить для удовлетворения пустого лишь любопытства; — музеи и библиотеки суть школы для взрослых, т. е. внешние школы, и должны быть центрами исследования, которое обязательно для всякого разумного существа, — *все должно быть предметом знания и все — познающими.* Но не на разрушение веры должно быть направлено исследование, а на подтверждение ее, и не словами лишь, а в самом деле, делом восстановления жизни. Только такое исследование и может быть целью устройства библиотек и музеев, в повсеместном открытии которых

чувствуется столь настоятельная необходимость; и самое естественное было бы сделать обязательным открытие библиотек при каждой церкви, при каждой церкви стал бы создаваться и музей, как необходимое условие просвещения, потому что *музей есть лишь пояснение всевозможными способами книги, библиотеки*. Создание при каждой церкви библиотеки и музея было бы только исполнением церковью своего назначения, лежащего на ней долга учительства.

Будем надеяться, что воронежский музей не ограничится двумя лишь выставками. Музей почтил выставкою Екатерину II-ую, которая никакого *особого* отношения к Воронежу не имела, и он не может уже не устроить выставки в память Петра Великого, деяниям которого Воронеж был обязан тем значением, которое приобрел двести лет тому назад. Музей также должен устроить выставки святителей Митрофана воронежского и Тихона задонского⁵; и эти выставки должны иметь особое значение; они должны указать надлежащее направление исследованию, должны показать, что наука, оставляющая громадное большинство людей в совершенной тьме и даже не помышляющая хоть когда-либо сделаться достоянием всех, не соединяющая распространения просвещения с расширением самого знания, не делающая участниками в расширении области знания ни учащихся, ни даже учащихся (как об этом говорится в статье "К вопросу о памятнике В. Н. Каразину" — "Наука и Жизнь" 1894 г. № 15—16), — такая наука не есть свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, — и делается она таковым только через союз с церковью, на которой — по долгу учительства, и лежит долг истинного просвещения, поэтому только церковь может и должна связать исследования и наблюдения с первоначальным народным просвещением, с *наглядным* преподаванием во *всех* народных школах, как *церковных*, так и *земских*, странное и прискорбное разъединение между которыми есть, очевидно, лишь порождение светского фанатизма. Будем же надеяться, что это разъединение недолговечно, ибо антагонизма между светским и духовным, земским и церковным не должно быть — (см. Чтения импер[аторского] общ[ества] истор[ии] и древн[остей]. 1893 г. вып. 3-й, предисловие к

сказанию о построении обыденного храма в Вологде), — и к устранению этого антагонизма да послужат выставки святителей Митрофана и Тихона в воронежском губернском музее, учреждении хотя и светском, но не чуждом и духовного.

Н. П.

Воронеж. 17 ноября 1896 г.

Дон. 1896. 21 ноября, № 132.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

Статья написана Н. Ф. Федоровым совместно с Н. П. Петерсоном.

¹ См.: И. Б. [Борисов И. А.] Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве // Наука и жизнь. 1893. № 44. С. 695—696.

² Успенский Михаил Иванович, коллежский ассессор, преподаватель арифметики и географии в Воронежском духовном училище, хранитель губернского музея в 1896—1897 гг.

³ Тихон Задонский (1724—1783), церковный деятель и духовный писатель, епископ, управлял Воронежской епархией в 1764—1767 гг., канонизирован в 1861 г.

⁴ "Паралитик, за которым ухаживают его дети" (франц.).

⁵ Выставка, посвященная Петру I, состоялась в 1909 г. в связи с 200-летием Полтавской битвы. Митрофановская выставка проходила в ноябре—декабре 1897 г. Небольшую выставку, посвященную Тихону Задонскому, организовал в 1911 г. Церковный историко-археологический комитет.

ДОЛГ АВТОРСКИЙ И ПРАВО МУЗЕЯ-БИБЛИОТЕКИ

Право музея, как представителя всех жаждущих знания, но не имеющих средств приобретать покупкою книги и всякие другие пособия для просвещения, ибо музей есть книга (библиотека), иллюстрируемая картинными, скульптурными галереями, объясняемая астрономическими и метеорологическими наблюдениями, физическими, химическими и всякого рода естественными опытами, — таково полное определение всенаучного и всехудожественного музея.

В № 106-м за прошлый 1896 год газеты "Дон" была перепечатана из "Русских Ведомостей" заметка "Долг авторов по отношению к публичным библиотекам". Об этой заметке были сделаны отзывы в нескольких газетах раз-

ных направлений и, несмотря на направление газет, отзывы в общем были благоприятны. И тем не менее должно сказать, что заметка не только была мало замечена, но, к сожалению, не была, по нашему мнению, понята даже теми, которые прочитали ее. Такое непонимание должно отнести прежде всего к духу нашего времени; — в самом деле, трудно себе представить, чтобы в XIX веке, в великом, бескорыстном XIX веке, когда было произнесено великое слово, что и вера без денег мертва, трудно себе представить, чтобы в такое время крошечная заметка могла задаться мыслью создать библиотеку на всех языках и без копейки денег. "Московские Ведомости" справедливо заметили, что какой-то N ведет счет без хозяина¹; — но это значит, конечно, что N возлагает свое упование на небесного хозяина, на силу долга, потому что будущее не зависит от хозяина настоящего. Возлагая на авторов обязанность доставлять в библиотеку книги в таком виде или состоянии (переплетенными, с карточками), чтобы библиотека не имела нужды в деньгах, — заметка хочет избавить библиотеку от денежных расходов, а потому сделать ее ненуждающею и в приходах, чтобы она не обременяла по возможности ни государственного, ни городского, ни земского бюджетов. Заметка прямо направлена против выпрашивания денег, питает к такому выпрашиванию — к этому единственному в настоящее время способу существования библиотек — глубокое отвращение, а вместе питает такую надежду на могущество долга, что не останавливается ни перед каким увеличением требований долга, и не довольствуясь требованием от писателей доставления их произведений, заметка требует от них и бесплатных указаний, и советов для занимающихся в библиотеках.

Но все это выражено в заметке так мягко, так, можно сказать, робко, что никем, как сказано, не только не было понято, но даже и замечено, а требования во имя долга превратились в какие-то вымаливания и выпрашивания. Так, говоря о том, что жалобы на неудовлетворительность публичных библиотек чаще всего можно слышать от самих писателей, т.е. от тех, произведениями коих наполняются библиотеки, заметка указывает, что удовлетвори-

тельное состояние публичных библиотек находится "в очень большой зависимости и от сознания писателями своего долга", тогда как надо было сказать — не в очень большой, а в полной зависимости от сознания писателями своего долга и не к тем, которые имеют средства приобретать книги за деньги; к этим, сказано в заметке, авторы относятся очень внимательно — нужно же сказать, что к покупающим книги авторы относятся с такой внимательностью, что вынуждают признать и нынешнюю науку, и нынешнюю литературу служанками денег и их обладателей, т.е. нынешние писатели знают только авторское право, литературную собственность и совсем не сознают своей обязанности к публичным библиотекам, служащим всеобщему просвещению, просвещению тех, которые не имеют средств приобретать книги и всякие другие к тому пособия. В заметке относительно сознания писателями вышеозначенного долга мягко говорится: — "нельзя сказать, чтобы сознание это было особенно развито"; а надо было сказать, дабы обратить внимание кого следовало, — что и зачатка этого сознания в писателях нет, поэтому-то даже тот налог, которым правительство вынуждено было обложить писателей, ради бесплатного чтения алчущих и жаждущих знания, вынуждено было только потому, что сами писатели, стоящие во главе общества, не додумались обложить сами себя добровольным налогом для удовлетворения этой святой потребности — даже самый этот налог не исполняется, или — что еще безнравственнее — исполняется самым бессовестным образом, причем в видах своего оправдания ссылаются на типографии, на издателей и т.п. Благодаря такому отношению писателей к общественному благу, публичные библиотеки стали собранием дефектов, т.е. таких экземпляров, которые были бы прощены, если бы закон не вынуждал авторов доставлять их произведения через цензурные комитеты в публичные библиотеки для бесплатного пользования всех без исключения.

Не продолжая, однако, разбора заметки "О долге авторов по отношению к публичным библиотекам", которая не только со вниманием нами прочитана, но и изучена в

подробности, и проникаясь духом этой заметки, вместе с нею скажем, что замена дефектных экземпляров вполне исправными еще не была бы со стороны писателей исполнением всего их долга, а лишь началом исполнения; — необходимо, чтобы все произведения тотчас по поступлении в библиотеку делались достоянием публики*; а для этого нужно заменить библиотечное описание книг, требующее и много времени, и много рук, особыми карточками при книгах. Что такое библиотечная карточка, об этом говорится в брошюре Кваскова — "Библиотечная реформа", и в особенности в статье "Дона", № 119-й за 1896 год — "Что значит карточка, приложенная к книге"... При полном равнодушии писателей к публичным библиотекам, как же должны быть благодарны пользующиеся этими библиотеками тем писателям, которые добровольно, не ожидая принуждения, снабдили свои сочинения или издания сказанными карточками?! Таких, однако, немного, и чтобы приложение карточек к книгам сделать всеобщим, — придется, вероятно, заведующим публичными библиотеками прибегнуть к правительству с просьбою о принуждении этих, если позволительно так выразиться, недорослей к тому, чтобы они доставляли в публичные библиотеки экземпляры своих произведений не только полными, в совершенной исправности, на прочной бумаге, переплетенными, но и снабженными библиотечными карточками. Исполнение одного уже этого для библиотек, т.е. для читателей, принесет громадную пользу, а от самих авторов потребует небольшого лишь внимания к общему благу и самого незначительного материального расхода.

Но и доставлением вполне исправных экземпляров с напечатанными библиотечными карточками долг авторов по отношению к публичным библиотекам еще не исчерпывается; от них требуется пожертвование для библиотек личным трудом, умственными силами; к мертвому собранию книг нужно призвать самих пишущих эти книги, потому что нужно иметь специалистов по всем отраслям че-

* О медлительности цензурных комитетов мы не говорим: потому что, если такая медлительность и есть, то не надо забывать, что на цензурные комитеты возложена обязанность рассылать книги по библиотекам, по той лишь причине, что авторы сами, по нравственному, вероятно, несовершеннолетию, не додумались, как сказано, или же не хотели исполнить свой долг.

ловческого ведения для того, чтобы они могли по всем предметам руководить занимающимися в библиотеке, так что все высшие учебные заведения стали бы факультетами библиотеки, или музея; и музей сделался бы высшим для средних и низших учебных заведений и общим для всех высших, и даже превысшим, потому что в нем учатся сами учащиеся в высших учебных заведениях.

И теперь можно указать людей сведущих, ученых, которые готовы содействовать своими познаниями — хотя и не часто — занимающимся в музеях; но эта помощь кое-чем, кой-когда оказываемая — недостаточна; для музея нужна помощь совокупная, всеми и всегда делаемая. На одного из писателей, уже умершего, заметка указывает, как на образец того, что желательно для музея, и мы не можем повторить здесь, что писатель этот, Н. Д. Ладыгин, занимался в московском Румянцевском музее постоянно, и кроме того, что не отказывал никому из прибегавших к нему за советом по предметам, ему известным, — он выписывал для себя только такие сочинения, которых не было в музее, т.е. то, что называется *desiderata*. Мало того, он сам, собственноручно, сделал то, что в заметке предлагается делать посредством печати; он сам написал карточки к книгам своей библиотеки по образцу музейных, с тою, впрочем, разницею, которую налагает любовь к учреждению, которому он желал преподнести свою библиотеку и свой труд. Его карточки доказывают — вопреки мнению современных экономистов — что не оплаченный, но добровольный труд имеет изумительное преимущество пред наемным, платным трудом. К несчастью, Николай Дмитриевич Ладыгин недолго жил, а по смерти его бездублетная библиотека, из одних *desiderata* состоящая, поступила в музей и тотчас была открыта для пользования. Только такой способ составления частных библиотек, который должно назвать Ладыгинским, и имеет значение, приносит пользу не одному составителю, но и всем.

В последнее время размножение книг приняло чрезвычайные размеры, хотя, а может быть, и потому именно, что не все еще сделались пишущими, не все еще обладают полнотою органов выражения; и потому, может быть, увеличиваясь количественно, книги понижаются качественно, потому, быть может, качественное, или внутреннее,

их достоинство и не соответствует количественному размножению, так что библиотеки в наше время служат, можно сказать, выражением большею частью болтливости меньшинства и глубокого молчания, совершенной немоты громадного большинства. Многоговорение и немота прекратятся, надо полагать, только тогда, когда письменность, или литература, будет произведением всех, и потому станет деловую, а вместе и народную, подобно тому, как была народно-устная литература. Может показаться, что требование от всех умения выражаться письменно — требование чрезмерное; но зачем же тогда и всеобщее-обязательное образование, если невозможно достигнуть даже этой незначительной, простой стадии?! Библиотеки в настоящее время не достигли ни внешней, ни внутренней полноты и, вместе с тем, страдают гипертрофиею, которую отделить от здоровой части невозможно. До развития же этой болезненной тучности библиотекою какого-либо народа называлось полное собрание книг (или произведений, созданных выразителями народной мысли и души), назначенное не для чтения только или изучения, но и для обозрения, и для почитания. Потому-то книги и хранились не в закрытых шкафах, а за стеклом, и самые переплеты имели целью не сохранность лишь книг и не красоту внешности, а указание на автора, для чего на корешке четкими, золотыми литерами выбивалось название книги и особенно имя уважаемого автора, которых хотя было и немного, но каждый почти имел большую ценность. Это указание дополнялось еще бюстом сочинителя, выставлять которые в библиотеках, при сочинениях каждого автора, вошло в употребление со времен еще римлян или даже греков. Сочинения же наиболее чтимых писателей не оставлялись закрытыми в шкафах, а выставлялись для обозрения в горизонтальных витринах (на столах за стеклом), раскрытыми на особенно замечательных местах.

Таким образом, библиотека была и должна быть не просто собранием книг, а памятником, сооруженным предкам, в котором книги суть души писателей, а бюсты — их тела. Библиотека основана на глубоко нравственных началах; но при нынешнем положении библиотек, вызванном крайним размножением книг, эта нравственная основа затемняется, так как библиотека обращается в простое книгохранилище с отделением для чтения книг; и чтобы восстановить первоначальное значение библиотек,

восстановить их нравственный смысл, необходимо устройство еще третьего отдела в библиотеках — отдела выставочного. При устройстве этого отдела библиотека будет делиться на три части: хранилище, место для чтения и исследования и выставка. Хранилище — это слабо освещенное место, имеет целью на наименьшем пространстве разместить наибольшее количество книг при условии наибольшей сохранности и возможности легко их отыскивать и извлекать. Такое устройство хранилища и делает для библиотек обязательным устройство выставок, потому что только при выставках библиотеки сохраняют первоначальное, т.е. нравственное свое значение памятников писателей; и календарный порядок таких выставок есть единственно естественный порядок, потому что только при этом порядке для каждого писателя будет свой день поминовения, свой день выставки его произведений, его бюста, изображений факсимиле, и вообще всего, после него сохранившегося, для уяснения личности писателя, его значения, для полного его восстановления (См.: "Библиография. Знание популярное, энциклопедическое, мнимое и знание действительное" и "Екатерининская выставка в воронежском губернском музее". "Дон", 1896 г., № 122 и 132).

Если хранилище сравнить с могилою, то чтение, или точнее, исследование, будет выводом из могилы, а выставка как бы воскресением.

В настоящее время выставки — явления весьма редкие, чисто случайные, они не признаются необходимою и священной обязанностью библиотек. Так, петербургская библиотека, выставив раз навсегда небольшую часть своих книжных богатств, не признает за остальными, за самую большую частью, права выхода на свет, на выставку; т.е. петербургская библиотека есть книга, которая всегда остается открытою на одной и той же странице. Московский румищевский музей, устроив екатерининскую выставку, отказался от монополии инкунабулов, признав прямо их воскресение не за одними произведениями XV-го века². Воронежский же музей, устроивший выставки коронационную, екатерининскую, выставку религиозных картин и предполагающий, как мы слышали, устроить выставки петровскую и митрофаньевско-тихоновскую,

в признании за музеями обязанности выставок занял первое место... Чтобы сделаться учреждениями вполне живыми, музеям и библиотекам должно признать обязательность выставок по отношению не к некоторым только, а ко всем авторам-писателям.

Долг к таким библиотекам, как московская или петербургская, лежит не на одних русских авторах. Всякий народ, имеющий свою литературу и свою национальную библиотеку, имеет право на обмен с другими народами, обладающими литературой и центральными библиотеками, т.е. всякий писатель, кроме обязательно-книжного налога для своих центральных библиотек, должен быть готов на добровольное или/и обязательное со стороны своей государственной власти пожертвование для всех народов, обладающих сказанными условиями.

В то время, когда зарождался союз России с Францией, и Франция, по-видимому, изыскивала только способы, которыми можно было бы выразить свое расположение к России, в это время возникла мысль об обмене с Францией произведениями литературы вообще, или же хотя только произведениями научной литературы. Такой обмен, давая возможность взаимного знания, служил бы наилучшим выражением самого союза, а вместе и закреплял бы его. Мысль эта возникла из глубокого уважения, которое питают у нас вообще к иностранцам, а к иностранным писателям и ученым в особенности. Если у нас — полагали в России — писатели жертвуют одиннадцать экземпляров и не жалуются на тяжесть налога, то что же нужно ожидать от писателей благородной, республиканской, цивилизованной, культурной Франции! Думали же это, не понимая ни республики, ни цивилизации, ни культуры. Оказалось, однако, что писатели благородной Франции тяготеют даже налогом в два экземпляра, а третий экземпляр, по мнению компетентных людей, ни в каком случае в палатах не пройдет... Не слушая об обмене, Франция, со своей стороны, в то же время делала нам предложение о литературной конвенции, воспреещающей делать переводы без согласия авторов, т.е. Франция желала получить с нас плату за переводы... Конечно, наше предложение возникло из слабого развития авторского права, французское же — из совершенного отрицания авторского долга. Научить нас авторскому праву взялся

первый писатель Франции Золя; и хотя право, как проявление эгоизма, как всякий порок, легко воспринимается, однако на этот раз Золя потерпел полную неудачу. Но кто научит долгу Францию — вот в чем вопрос, — когда Франция и вся Западная Европа считают святым делом защиту права каждого на наживу, как единственную цель в жизни, т.е. признают полную бесцельность существования. С экономической точки зрения, с точки зрения права и литературной собственности, литературные произведения являются средством наживы, школы необходимы для приготовления потребителей литературного товара, обучение — реклама, учителя — агенты этой громадной спекуляции, имеющей целью создать из ученых и литераторов — сословие миллиардеров, которое эксплуатировало бы всех, не исключая самих эксплуататоров-капиталистов. Все народы должны быть данниками этих кулаков — кулаков новой, высшей формации. Сама литература, превращающаяся в повременную, поденную (журналистику), как орудие промышленности, своими рекламами только соблазняет, обольщает; вся так называемая философия как орудие промышленности имеет целью убедить взрослых, а чрез учителей — и не взрослых, что нет другого блага, кроме того, которое создается промышленностью и приобретается на деньги (см.: "Авторское право" и "Плата за цитаты" — "Дон", 1896 г., № 112 и 114)... Чтобы понять, до какой степени преступна экономическая и юридическая точка зрения на литературную деятельность, нужно припомнить происхождение языка и словесности: первыми словами языка были выражения взаимного родства, до сих пор сохранившиеся на всех языках почти тождественными. Мысли об утрате и о смерти родились и выразились в слове современно с началом языка родства, сила которого почувствовалась только при утрате. Молитвы (заклинания) живущих об оживлении умерших были началом и словесности, и религии. Вот какого великого дела было выражением слово, или словесность ~~человеческая~~, — точнее — сынов человеческих и во что превратилась словесность теперь, когда на произведения словесности смотрят, как на продажный товар.

Истинным творцом центральных библиотек всех народов может быть лишь долг авторский.

Долг имеет обширное, всеобъемлющее значение. Он

касается не одних авторов словесных произведений, но требует и от всех художников дани, приношения снимков с их произведений живописных, скульптурных, архитектурных при подробном их описании, и вообще требует от всех начатков их трудов, трудов их отцов, дедов, предков — в виде моделей или образчиков работ: долг вместе с тем требует и изображений самих труждающихся и трудившихся — виновников существования этих произведений, т.е. за вещь нужно показать человека, лицо; ибо вся задача вещественных собраний старины (музеев) заключается именно в открытии лиц, их создавших, в произведении их создателей, и если это воспроизведение было действительным, то не было бы и вопроса о смысле и цели жизни.

Таким путем были бы созданы не одни центральные музеи, но и музеи местные при архивных комиссиях и статистических комитетах.

Долг, который заметкою, перепечатанною в № 106 "Дона" за прошлый год, возлагается на одних писателей, необходимо распространить на всех отцов, желающих блага своим сынам. Только при всеобщем содействии могут быть устроены школы везде, где есть рождающиеся, и музеи — везде, где есть умирающие, — в союзе, конечно, с храмами (См.: "Предисловие к сказанию о построении обыденного храма в Вологде". Чтен[ия] в Общ[естве] Ист[ории] и Древн[остей] Росс[ийских], т. 166; "Вопрос о каразинской метеорологической станции в Москве" и "К вопросу о памятнике В. Н. Каразину" — Наука и жизнь, 1893 г., № 44 и 1894 г., № 15/16). Только этим путем и можно возвратить сердца сынов отцам; — вопрос об отцах и детях есть существеннейший вопрос нашего времени, о котором здесь, к сожалению, приходится лишь мимоходом упомянуть. Впрочем, говорить о музее и особенно о повсеместном устройстве музеев-школ, это и значит говорить об отцах и детях, т.е. об их примирении.

На правительстве, как на стоящем "в отца место", лежит обязанность по отношению к писателям, как отцам — воспитателям народа, — собирать, сохранять, делать доступными их произведения для обозрения, почитания, чтения и особенно исследования, которое не может иметь другой цели, как по произведению восстановить его авто-

ра, его внутреннее и внешнее обличье, потому что за книгами, неодушевленными, по-видимому, вещами всегда скрываются живые существа, писавшие их.

Музей есть создание верховной власти, стоящей в пратотца-место, и создание необходимое, по крайней мере, для Императора, царствующего по милости Бога — отцов. На всех же сынах человеческих лежит обязанность приносить дань, т.е. быть верноподданными, приносить дань этому учреждению верховной власти, которое воспитывает сынов в долге к отцам; руководителем же сынов человеческих, ведущим их к исполнению этого долга, является стоящий в отца — или праотца — место. Верноподданство, объединяя всех в деле отеческом, тождественно братству. Звание верноподданного несравненно выше звания гражданина, не знающего родства — выше настолько, насколько нравственное выше юридического.

По долгу музей принимает в себя все, и доброе и злое, пшеницу и плевелы: доброе вносится в музей для его водворения и распространения в жизни; злое же сдается в музей, как выводимое из жизни и употребления, и сохраняется как напоминание о том, чего не должно быть; но то и другое служат для воспроизведения их созидателей. Под пшеницею и плевелами разумею не лица добрые и злые, а те условия, те предметы-вещи, которые их делают или способствуют им делаться добрыми или злыми.

Музей не есть собрание лишь вещей, но собрание и тех, которые произвели эти вещи. Умолять ученых, чтобы они хотя раз в месяц навещали музей для руководства занимающихся в нем, это значит унижать долг; — долг может только повелевать, приказывать, требовать всего и от всех. Долг требует не только дани, но и жертвы, готовности пожертвовать собою за возвращение жизни прошлому, отцам, т.е. требует готовности пожертвовать собою ради будущности прошедшего.

Н.

*1897 года, 20 июня
г. Воронеж*

*Дон. 1897. 1 июля, № 72.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.*

¹ См.: Авторы и публичная библиотека // Московские ведомости. 1896. 6 сент., № 244.

² Выставка к столетию со дня смерти Екатерины II действовала в Московском Публичном и Румянцевском музеях в ноябре — начале декабря 1896 г. На ней были представлены портреты и автографы Екатерины II, ее современников, редкие издания эпохи. См.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1896 г. М., 1897. С. 12—13.

ПИСЬМО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

I

(Письмо в редакцию)

Милостивый Государь, Всеволод Григорьевич!¹

Нам случайно попало письмо Ф. М. Достоевского, очень важное для характеристики его религиозных убеждений. И мы решились напечатать это письмо в издаваемой Вами газете с незначительными сокращениями в том, что не относится до выражения поразившей нас мысли Федора Михайловича.

В письме идет речь о каком-то неизвестном мыслителе, каких ныне так много на Руси и до которого нам нет дела; — нам важна мысль самого Федора Михайловича — мысль изумительного величия, — эта мысль дает смысл и цель жизни человеческой, в чем именно и нуждается наше время, когда, благодаря утрате цели и смысла жизнь потеряла всякую цену. Достоевский говорит в своем письме, что — "самое существенное есть долг воскресенья прежде живших предков", т.е. наш долг, наша обязанность, наше дело заключается, следовательно, в том, чтобы воскресить все умершее, все утраченное нами, как сынами, как потомками наших отцов, предков. Конечно, этот долг есть и заповедь Божья, требующая от человеческого рода, как существ разумных, не размножения лишь и наполнения мира, но и управления им, т.е. заповедь Божья требует от рода человеческого обращения этой необъятной, слепой, бездушной силы вселенной в одушевленную духом, разумом и волею всех воскресших поколений... Так мы понимаем мысль Достоевского о долге, лежащем, по его мнению, на всех людях, и сколько мы ни думали об этой мысли, ни к какому другому заключению прийти не могли: нельзя понять эту мысль иначе и потому еще, что,

по словам Достоевского, — восполнение этого долга остановило бы деторождение; это значит, что тогда не будет уже ничего рождающегося само собою, бессознательно делающегося, и все тогда будет произведением разума, воли, сознательного труда, ничего тогда не будет дарового, а все трудовое. Мысль Достоевского тем более заслуживает внимания и скорейшего приступа к делу, к осуществлению, что рост человечества оканчивается, население переполняет землю, и еще столетие, много два, и мы вынуждены будем или молить Юпитера, Аллаха (христианского Бога просить об этом нельзя) о ниспослании истребительских войн, моров и других бедствий, способных уменьшить население; или же, действуя по-христиански, путем полного воспроизведения из разложенного праха умерших, мы должны будем сделаться способными жить и вне Земли, во всей вселенной.

Как ничтожны пред эту задачу все цели, которые до сих пор ставили человеку: комфорт (хотя бы и для всех) и роскошь, — по существу своему ничего необходимого в себе не заключающие; или же наибольшая свобода людей друг от друга, а не объединение в труде для достижения определенной цели, задачи, т.е. свобода — это нечто отрицательное, положительного содержания не имеющее; и наконец прогресс, который к свободе, разобщению присоединяет еще превозношение младших над старшими, сынов над отцами, живущих над умершими, над этими отвратительными предками, как выражается Рише², словом, прогресс, будучи сознанием превосходства наибольшего над отцами и предками, наименьшего (относительно) над животными, есть в то же время признание своего полного ничтожества пред слепую, бесчувственную силу; а такое преклонение пред эту силу исключает всякий смысл и цель существования, ни о каком долге при этом и речи быть не может. Достоевский же, считая самым важным долг воскресения прежде живших предков, отправляется, очевидно, от мысли, диаметрально противоположной свободе и прогрессу, ибо для осуществления указанного им долга требуется не преклонение пред слепой, неразумной силой и не свобода друг от друга, а объединение разумных существ в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, в тру-

де обращения этой силы из смертоносной в живоносную; т.е. требуется всех сделать познающими, все — предметом знания, и знания не пустого, а выраженного в деле... В наше время, когда так много говорят о всеобщем обязательном образовании, мысль сделать всех познающими не должна казаться чересчур смелой; и нельзя не заметить, что требовать всеобщего обязательного образования возможно только во имя всеобщего же долга, во имя обязанности, о которой и говорит Достоевский, во имя долга, который, требуя жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех, требует объединения всех живущих для воскрешения всех умерших, объединения всех сынов для возвращения жизни всем отцам. Что же может быть выше этого?! Это не эгоизм и не альтруизм, а бесконечно высшее того и другого!

Требовать же всеобщего обязательного образования в надежде лишь на то, что оно изгонит суеверия, в надежде, что при всеобщем обязательном образовании не будет скопцов, как это полагает г. Вахтеров³ (Русск. Мысль. 1897 г. № 1-й), — значит забыть, что Ориген⁴ был не безграмотный, и столоверчение и т.п. суеверия распространяются между не безграмотными, а в среде не только грамотной, но и хорошо грамотной.

Мысль о том, чтобы всех сделать познающими и все обратить в предмет знания даже не нова; мы встретили ее в эпиграфе статьи "К вопросу о памятнике В. Н. Каразину" ("Наука и жизнь", — 1894 г. № 15/16); в этом эпиграфе говорится, что "современная наука есть вывод из наблюдений, сделанных кое-кем, кое-где и кое-когда, тогда как она должна быть выводом из наблюдений, производимых всегда, везде и всеми". Но наблюдения, это еще только знание, а не дело, — наука же станет делом, когда она будет опытом, производимым всеми, во всем мире, по одному общему плану.

В статье "К вопросу о памятнике В. Н. Каразину" делается ссылка на 166 т. Чт[ений] в общ[естве] истории и древн[остей] Росс[ийских] (3 кн. 1893 г.), на предисловие к сказанию о построении обыденного храма в Вологде, в предисловии же этом предлагается целый план построения школ-храмов, посвященных пресв. Троице, как образцу единодушия и согласия; и ссылаясь на это предисло-

вие, автор статьи полагает, вероятно, что в этих священных храмах-школах возможно ввести то просвещение, с которым соединено расширение самого знания, возможно, следовательно, осуществить мысль, выраженную еще Каразиным, предлагавшим наглядное преподавание соединить с метеорологическими и другими всякого рода наблюдениями.

Вместе с письмом Достоевского нам досталась и небольшая тетрадка, — к сожалению, неполная, — под заглавием "Чем д[олжна] б[ыть] народная школа", — вероятно, копия или черновик статейки, о которой говорит Достоевский и выражает свое полное с ней согласие. А эта статейка начинается вопросом — чем должна быть народная школа, должна ли она требовать вечного подчинения закону слепой природы, по которому последующее поглощает предыдущее, чтобы быть поглощенным в свою очередь, вечного подчинения слепой силе, которая не может созидать, не разрушая, рождать, не умерщвляя; — или же народная школа должна требовать подчинения закону Божию, божественной заповеди, по которой последующее должно восстанавливать предыдущее, достигая тем самым и собственного бессмертия, т.е. исполнять тот долг воскрешения, о котором говорит Достоевский. И, конечно, вопрос этот решается в пользу закона Божия, а не закона природы, который требует постоянной борьбы и на основании которого еще очень недавно генерал Драгомиров⁵ защищал безусловную необходимость, вечность для человечества войны. Собственно "Военная заметка" в "Новом времени", в котором приводится мнение М. И. Драгомирова о неизбежной и безусловной необходимости войны, — и побудило нас ускорить печатанием письмо Ф. М. Достоевского, которое ставит долгом человеческому роду именно то, что — согласно с мнением самого Достоевского — сделан ненужной войну, должно сделать в высшей степени необходимым войско, т.е. действительно всеобщую, для всех и на всю жизнь обязательную воинскую повинность. Важнее же всего в этом то, что сам генерал Драгомиров, если согласится с вытекающими из мысли Достоевского последствиями, может содействовать установлению драгого всему роду человеческому мира, содей-

ствовать возвышению войска и подготовить великую ему будущность.

Генерал Драгомиров, вероятно, очень удивится, что защищая безусловную, вечную необходимость войны, он тем самым лишает войско истинно великой будущности; отрицая же, согласно с мыслью Достоевского, вечность войны, можно, или вернее, — неизбежно будет признать вечность войска, неизбежно будет признать необходимость его существования до тех пор, пока оно победит ту силу, которую можно назвать врагом временным и другом вечным (природу); победив же эту силу, войско, которым будет весь род человеческий, станет сознанием и волею, т.е. разумом силы природы, и таким образом заменит собою так называемый закон, а в сущности слепоту природы, пред которою ныне все преклоняются, не исключая и разумных существ.

Признание со стороны генерала Драгомирова необходимости войны, ведущее к непризнанию великой будущности войска, происходит, надо думать, от того, что генерал Драгомиров — как это ни странно — не признает полного определения войска, такого определения, которое обнимало бы все, для чего употребляется войско. Войско назначено, как говорят обыкновенно, защищать отечество от внешних врагов и от врагов внутренних. Но куда отнести следующий случай? В большом губернском городе начался пожар. Огонь приближался к пороховому погребу. Народ в ужасе бежал из города. Только та часть народа, которая обязана стоять и там, где все другие имеют право бежать, по собственному почину прикрыла своими телами кровлю порохового погреба... Поступив так самоотверженно, солдаты знали, что за такие подвиги, или дела, Георгия не дадут и не только подвигом не признают, но даже и "делом" не назовут... Этот случай не единственный, конечно; известен недавний подвиг самоотвержения русских воинов на Суй-Фуке во время наводнения, который свидетельствует, что хотя войны и нет, но войско продолжает совершать подвиги, подвиги мирные, спасает не своих только, но и корейцев; спасает чужих с потерей своих, и это потому, конечно, что для русского войска пред бедствием общим, естественным нет иноземцев, нет чужих. Известны также действия войск по ист-

реблению саранчи и множество других подобных. Очевидно, что войско и *de facto*, и по военному праву обязано бороться не с себе лишь подобным, но и со слепыми силами природы, пред которыми защитники войны не по неволе только преклоняются, но и хотят служить им вечно, вопреки 2-й заповеди, божественности которой могут и не признавать, но выражения в ней сознания человеческой, т.е. разумной, природы отвергнуть не могут, не имеют права. В статье С. Ч-т-ва, помещенной в № 91-м "Русского Инвалида" за прошлый 1896 год⁶, выражается убеждение, что расходы на содержание нашей армии окупаются не только при защите ею престола и отечества от врагов внешних и внутренних, но также и самоотверженьем ее в дни народных бедствий в мирное время, почему и делается приглашение к изучению этой стороны деятельности нашей армии... Но не в таких действиях, не в таких победах, хотя бы и многочисленных, все же, однако, случайных, заключается великая будущность войска; великая будущность его заключается в торжестве над теми именно законами, в неизменность которых верят признающие вечность войны, признающие лишь слепую природу и не признающие никакого значения за природою разумною... Разве человек не создание той же природы? — говорит генерал Драгомиров... Но если бы и признать человека созданием природы — неизбежно все-таки будет признать его таким созданием, в котором природа и стала именно сознавать свое несовершенство, несовершенство коренное, состоящее в том, что все последующее поглощает, вытесняет предыдущее, чтобы быть поглощенным, вытесненным в свою очередь; несовершенство, обусловленное разъединением миров, благодаря которому жизнь на земле могла проявляться лишь в смене поколений, т.е. поглощением и вытеснением; а в этом несовершенстве усмотрели закон, по которому природа, созидая, разрушает; под этот закон подвели и войну, как его разновидность. Но человек не только всегда чувствовал и сознавал это несовершенство природы, не признавал его законом, но явился нарушителем этих законов природы даже прежде, чем сделал первый шаг свой, ибо самое вертикальное положение человека есть уже явное противодействие падению, всеобщему тяготению, самому универсальному зако-

ну природы. А вертикальное положение человека, конечно, не природное, не естественное его состояние, а состояние выше-природное, которого он достиг трудом, искусством (пеленания и т.п. приспособления). О человеке и нельзя сказать, что он создание природы, напротив, — он есть результат именно недосоздания, результат лишений, естественного пауперизма, пауперизма общего богатым и бедным, всем людям; человек — пролетарий, он — пария в царстве живых существ. Но в этом-то и был залог будущего величия человека, потому что лишенный естественных покровов, орудий защиты и т.п., он должен был сам все это создать себе, он должен был создать все это собственным трудом. Человек и ценит только трудовое, постоянно расширяет область трудового, и не трудно догадаться, что завершением этого движения должно быть обращение всего, от чего зависит жизнь человека, в трудовое, так что в конце концов человек будет в зависимости от собственного лишь труда; и следовательно, весь мир, метеорические, теллурические, космические процессы будут его действиями, и вся природа будет его трудом. К этой именно цели человек направляется и голодом, и язвами, и всеми другими бедствиями, так что, как только человек приостанавливается, медлит в расширении области труда — расширяется область бедствий: т.е. природа казнит человека смертью за незнание, за бездействие и тем вынуждает его все к дальнейшему и дальнейшему расширению деятельности, области труда.

Бедственный 1891 год, которому, очевидно, будет подобен и нынешний 1897 г., не повел к расширению царства труда, хотя поводы к тому были. В этом году "Русские Ведомости" сообщили об опыте вызывания дождя посредством взрывчатых веществ, веществ, употребляемых преимущественно на войне для взаимного истребления. Опыт этот сделан был в Америке, хотя скорее можно было бы ожидать, что подобные опыты будут произведены именно в России, как стране, страдающей очень часто неурожаем от бездождия, а также и от многодождия, как стране, требующей, вопиющей о регуляции метеорическими процессами и вместе располагающей большими военными силами, как бы созданными для защиты от метеорических погромов. "Русский Архив" весьма кстати напомнил,

что еще 80 почти лет тому назад знаменитый Каразин предлагал произвести опыт вызывания дождя посредством громоотвода, поднятого на аэростате, который стал ныне также военным орудием. "Русский Архив" не ограничился сообщением факта, но, ревнуя о славе России и сочувствуя ее нуждам, как и нуждам всего мира, предлагает не вызывание только дождя, а регуляцию всего метеорического процесса; хотя должно сказать, что для современного поколения, напуганного бесконечностью пространства и времени, раскрываемую астрономиею и геологиею, привыкшего в течение четырехвекового преклонения пред слепую силою природы чувствовать пред нею только свое ничтожество, для современного поколения страшно подумать о таком деле, как регуляция метеорическим процессом; и тем не менее в "Русск. Архиве" предлагается в видах регуляции обратить армию в естествоиспытательную силу, — что никоим образом не может лишить ее боевой мощи, — предлагается ввести метеорические наблюдения при мирном обучении войск (особенно при стрельбе), и этим способом открыть степень пригодности американского, каразинского и, вообще, всех возможных способов воздействия на природу, которые не замедлят открыться, как только на это будет обращено исключительное внимание (Русск. Арх. 1892 г. № 5-й "Каразин и господство над природою", стр. 76-я, а также Пенз. Губ. Ведомости. 1892 г. № 130 и 132 в статье "Об управлении силами природы")⁷. Должно заметить, что Каразин со своим предложением об опыте вызывания дождя обратился чрез Аракчеева⁸, когда он был в Париже с Императором Александром I-м, но Аракчеев насмеялся над Каразинным, обозвав его колдуном, а между тем и сам Метерних⁹ не обозвал бы Священный союз словом *verbiage*¹⁰, если бы монархи, заключившие его, обязались ввести сказанные выше наблюдения и опыты, подобные каразинскому, в свои армии, чем и было бы положено начало обращению орудий истребления в средство спасения от голода и язв, болезней в их коренных причинах. Но не только в те годы после наполеоновских войн, даже и в настоящее время, когда орудия истребления достигли удивительного совершенства, наши новые мнимые христиане, забывая, что полчеловечества постоянно голодает, слышать не хо-

тят, что острие меча, копьё, пики, поднятое на аэростате по проекту Каразина (Русск. Арх. 1892 г. № 5-й и Наука и Жизнь 1894 г. № 15/16 "К вопросу о памятнике Каразину"), а также взрывчатые вещества (Примеч. Менделеева к статье о "Взрывчатых веществах" в энциклопедическом слов. Брокгауза и Эфрона, т. VI-й, ст. 177-я)¹¹, вероятно, и многое другое, употребляемое на войне, могут оказаться средством, влияющим на атмосферные явления, а следовательно, и спасающим всех без различия от голода и язвы.

Во всяком случае, обращение орудий истребления в орудие спасения от общих всем бедствий заслуживает внимания, должно бы сделаться предметом мысли и дела, а между тем наши пророки проповедают недумание и неделание.

Путем обращения орудий истребления в орудие спасения от голода и язвы, в этом общеобязательном для всех сынов человеческих деле, и может объединиться род человеческий, чтобы не только свое существование сделать независимым от слепой силы природы, но и эту бездушную, смертоносную силу сделать орудием своей воли, подчиненной воле Бога всех отцов человеческих. В этом-то и заключается великая будущность войска или народов всей земли, обращенных в войска, т.е. "в массы, действующие по одному плану", потому что только такие массы, как сказано в вышесцитированной статье Русского Архива, "действующие по одному плану, вполне удовлетворяют основным условиям великой общей работы — повсеместности и всеобщности".

Вместе с переходом гражданского на военное положение, на такое военное, в котором с обязательною службою соединено всеобщеобязательное знание и образование, вступит в мир высшее нравственное начало, основанное на сознании действительного общего всем сынам человеческим несовершенства (смертности), основанное на признании себя сынами умерших отцов, повелительно требующем воскрешения и бессмертия на место постоянной заботы об охранении каждым своего мнимого достоинства от других, чего требует нынешняя фарисейская нравственность...

С истинным почтением честь имею быть
всегда готовый к Вашим,
Милостивый Государь, услугам

Н. П[етерсон]
1897 года 11 июля,
г. Воронеж

II

Петербург. Марта 24/78.

М. Г. N. N.

[Милостивый государь Николай Павлович]¹²

О книгах для К[еренской] библиотеки мною уже давно сделано распоряжение о высылке, и в настоящее время Вы, конечно, все получили.

Теперь же о рукописи в декабрьском *неподписанном* письме. В "Дневнике" я не ответил ничего, потому что надеялся разыскать Ваш адрес по книге подписчиков (К[ерен]ск. штемпель конверта) и переписаться с Вами лично, но за множеством недосуга и нездоровья откладывал день ото дня. Наконец пришло Ваше письмо от 3 марта и все объяснило. Отвечаю не сейчас потому, что опять стал болен. А потому покорнейше прошу извинить замедление.

Первым делом вопрос: кто этот мыслитель, мысли которого Вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня. По крайней мере, сообщите хоть что-нибудь о нем подробнее, как о лице; все это — если можно.

Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои. Сегодня я прочел их (анонимно) В. С. С. [Владимиру Сергеевичу Соловьеву, молодому нашему философу, читающему теперь лекции о религии, — лекции посещаемые чуть не тысячною толпою]¹³. Я нарочно ждал его, чтоб ему прочесть Ваше изложение идей мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Это нам дало прекрасных 2 часа. Он глубоко сочувствует мыслителю [и почти то же самое хотел читать в следующую лекцию (ему осталось еще 4 лекции из 12)]. Но вот положительный и твердый вопрос, который я еще в декабре положил Вам сделать:

В изложении идей мыслителя самое существенное, без сомнения, есть — долг воскресенья преждеживших предков, долг, который, если б был выполнен, то остановил бы деторождение и наступило бы то, что обозначено в Евангелии и в Апокалипсисе воскресеньем первым. Но, однако, у Вас, в Вашем изложении, совсем не обозначено: как понимаете Вы это воскресение предков и в какой форме представляете его себе и веруете ему? То есть понимаете ли Вы его как-нибудь мысленно, аллегорически, наприм[ер], как Ренан¹⁴, понимающий его прояснившимся человеческим сознанием в конце жизни человечества до той степени, что совершенно будет ясно уму тех будущих людей, сколько такой-то, например, предок повлиял на человечество, чем повлиял, как и проч., и до такой степени, что роль всякого преждежившего человека выяснится совершенно ясно, дела его угадуются (наукой, силой аналогии) — и до такой все это степени, что мы, разумеется, сознаем и то, насколько все эти преждебывшие, влияв на нас, тем самым и *перевоплотились* каждый в нас, а стало быть, и в тех окончательных людей, все узнавших и гармонических, которыми закончится человечество.

Или:

Ваш мыслитель прямо и буквально представляет себе, как намекает религия, что воскресение будет реальное, личное, что пропасть, отделяющая нас от душ предков наших, засыплется, победится побежденною смертию, и они воскреснут не в сознании только нашем, не аллегорически, а действительно, лично, реально в телах. (NB. Конечно, не теперешних телах, ибо уж одно то, что наступит бессмертие, прекратится брак и рождение детей, свидетельствует, что тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении Его, до вознесения в Пятидесятницу?)

Ответ на этот вопрос необходим — иначе все будет непонятно. Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и С[оловьев], по крайней мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле.

Сообщите же, если можете и хотите, многоуважаемый N.N. [Николай Павлович], как думает об этом Ваш мыслитель, и, если можете, сообщите подробнее.

А об назначении: чем должна быть народная школа, я, разумеется, с Вами во всем согласен.

Адрес мой прежний: то есть у Греческой церкви, Греческий проспект, дом Струбинского, квартира № 6.

NB. Этот адрес до 15 мая (впрочем, и после можно писать на него, хотя я и уеду, но письма до меня дойдут).

Глубоко Вас уважающий

Ф. Достоевский¹⁵

Дон. 1897. 20 июля. № 80.

ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. 1. Л., 1988. С. 13—15.

¹ Веселовский Всеволод Григорьевич (1861—конец 1930-х гг.), журналист и краевед, редактор-издатель газеты "Дон" в 1896—1915 гг.

² Рише Шарль, французский иммунолог и психолог.

³ Вахтеров Василий Порфирьевич (1853—1924), русский педагог. Речь идет о его статье "Всеобщее обучение в малонаселенных местностях и школьная сеть" ("Русская мысль". 1897. Кн. 1. Отд. II. С. 1—28; Кн. 2. Отд. II. С. 1—21).

⁴ Ориген (ок. 185—254), раннехристианский философ и теолог; по преданию, сам себя оскопил.

⁵ Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), генерал от инфантерии, военный теоретик, педагог и публицист.

⁶ Н. Ф. Федоров ссылается на статью С. Чистякова "Заметка по поводу истории нашей армии. Русский солдат в дни народных бедствий" ("Русский инвалид". 1896. 23 апр., № 91).

⁷ Упоминается статья Ю. П. Бартенева, написанная под влиянием Н. Ф. Федорова: В. Н. Каразин и господство над природою // Русский архив. 1892. № 5. С. 75—90. Автором второй статьи, очевидно, был сам Федоров: Об управлении силами природы // Пензенские губернские ведомости. 1892. 21 и 24 июля, № 130 и 132.

⁸ Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), русский государственный деятель, фаворит Александра I.

⁹ Меттерних Клеменс Венцель Лотар (1773—1859), австрийский государственный деятель, один из инициаторов создания Священного Союза (1815).

¹⁰ болтовня (франц.).

¹¹ В подстрочном примечании к статье "Взрывчатые вещества" Д. И. Менделеев (1834—1907) писал: "Несомненно, что в странах с развитою промышленностью военные цели требуют уже несравненно меньших количеств взрывчатых веществ, чем цели промышленные: напр., проведение путей сообщения, добыча руд, каменного угля и т.п. Впереди виден сильный рост применений сего рода, при ослаблении требований взрывчатых веществ для военных целей" (т. VI. С. 207).

¹² В квадратных скобках раскрыты по собр. соч. Ф. М. Достоевского сокращения, сделанные Н. П. Петерсоном при публикации письма в газете "Дон".

¹³ Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), русский философ и богослов. В 1877—1881 гг. читал курс философии в Московском и Петербургском университетах.

¹⁴ Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892), французский историк религии и философ.

¹⁵ В 1897 г. среди поступлений в губернский музей упоминалось "письмо Ф. М. Достоевского к воронежцу NN". Возможно, речь идет об оригинале публикуемого письма (см.: Дядьков А. М. Воронежский губернский музей в 1894—1897 годах// Памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж, 1897. Отд. III. С. 60).

КАМЕННЫЕ БАБЫ, КАК УКАЗАНИЕ СМЫСЛА ЗНАЧЕНИЯ МУЗЕЕВ

"В могилке, думается, все сохранено; а воздух — что? дым или зола?.. Разнесло ветром... ищи его". — (Русск. Вестн. 1898 г. № 1. статья Кожевникова — "Любовь погибает".)¹

I

Мы слышали, что недалеко от Воронежа отыскана каменная баба*, которую предполагают поставить при входе в музей, поэтому считаем необходимым сказать несколько слов о том, какое значение имеют эти бабы.

В только что вышедшем IV-м томе трудов археологического съезда, бывшего в Москве, помещен реферат Ивановского², в котором говорится, что на месте, где сжигался умерший, ставилась каменная баба, подобие умершего, с сосудом в руках, куда был собран пепел сожженного, который, по верованиям народов, практиковавших огненное погребение, будет воскрешен. Бабы, в руках которых нет сосуда, будучи также подобием умершего, делались из самого пепла сожженного, смешанного с глиною, делались, следовательно, из такого материала, который, как и камень, в огне не горит и тлению не поддается. Таким образом, каменные бабы суть языческое свидетельство о воскресении, идущее из глубокой древности, и если не от предков наших, то от наших земляков, живших

* Каменная баба — это изображение самого умершего, похороненного на всероссийском кладбище, занимающем всю равнину, всю степную полосу, простирающуюся от крайнего востока до крайнего запада; это изображение умершего, хранящее и стерегущее свой пепел, требует от своих потомков воссоединения к пеплу того, что с ним было соединено, для полного оживления.

здесь в незапамятные еще времена. Свидетельство это тем важнее, что идет от тех, которые тела своих умерших сожигали, и тем не менее, как оказывается, и у них погребение имело смысл воскрешения. Потому-то и было бы весьма своевременен ко дню св. Пасхи, когда всем сущим во гробах даруется жизнь, поставить у входа в местный музей каменную бабу. Для музея вообще — такой памятник, как каменная баба, указывающий на смысл и значение музеев, составляет необходимость; музей же города, как Воронеж, находящегося в полосе каменных баб, без такого памятника совсем немислим. Музеи, эти хранилища останков прошлого, создаются обыкновенно теми, в коих нет уже живой веры, как у людей простых, у народа, но этим-то самым интеллигентные создатели музеев и опровергают, большею частию и сами не замечая того, свое неверие. Существование и чрезвычайное, повсеместное, можно сказать, распространение в наш маловерный век музеев* доказывает неискоренимую потребность, жажду возвращения жизни умершим, всему прошлому. Отвергнутая в одном виде, она, эта потребность, или, вернее, нужда, является в другом, еще более сильном, могучем виде; — отвергнутая как пассивное, она является как активное, как дело, которое дает смысл и цель нашей суетной и пустой культурной жизни. Неудивительно ли, что считаемое нами за суеверие у народа получает смысл у людей, достигших крайних пределов отрицания, и хранение оказывается не тщетным, хотя и безусловно необходимым не для веры только, но и для знания, которые (т.е. вера и знание) не составляют противоположности, и вражда между ними есть временное лишь недоразумение. Для знания, ставшего орудием веры — которая не представление только, но осуществление чаемого, по глубокому определению ап. Павла, — никакое разложение, никакое рассеяние препятствием быть уже не может. Не гово-

* Говоря о музеях, мы исключаем, конечно, из числа их музеи торгово-промышленные, экспортные и т.п., эти хранилища или склады мануфактурных игрушек, безделушек, разукрашенных тряпок, поглощающих творческие силы художественных талантов, отвлекая их от дела отеческого; — такие музеи есть самая грубая профанация музея всенаучного, этого храма предков, жаждущего объединения с храмом священным, ибо при таком только объединении и получит свой полный смысл музей всенаучный, который знает только необходимое и отвергает роскошь.

ря о других, напомним о письме Достоевского, помещенном здесь же, на страницах "Дона", в № 80-м 1897 г., в коем возвращение жизни предкам поставлено долгом всего рода человеческого, а это наводит на вопрос — достоин ли человек, сыны человеческие, того, чтобы видеть в них орудие Божие в деле воскрешения. Таким образом то, на что надеялся, очевидно, народ, сохраняя тщательно, ревниво останки умерших (вспомним угрозу скифов Дарию, если он осмелится коснуться их могил*), получает великий смысл. В недавно произведенном г. Кожевниковым опросе ("Любовь погибает" — "Русск. Вестн." 1898 г. № 1) народ, как один человек, выразил ужас пред сожиганием трупов умерших (кремация), полагая, конечно, что сожжение может воспрепятствовать воскрешению, и нет сомнения, что недопускающие огненного погребения отличаются наибольшею любовью к отцам и наибольшею надеждою на воскрешение, но и те, однако, которые огнем разрушают тела своих отцов, не лишены ни любви к отцам, ни надежды на воскрешение, — каменные бабы свидетельствуют об их любви и уповании.

Человек, т.е. сыны человеческие, поставлены были от самого появления смерти — этого таинственного явления, оставшегося и до сих пор такою же сокровенною тайною, — в страшную необходимость — или отцов зарывать, скрывать в недрах земли, или же погубить детей, потомство, от которого, по глубокому верованию всех народов, зависит существование или возвращение жизни всем предкам, что составляет глубочайшее убеждение и русского народа, как это доказал опрос г. Кожевникова. Но и зарывая по физической необходимости разлагающееся, смертоносное тело отца, сын человеческий по необходимости нравственной, которая не выносит утрат, тотчас же восстанавливает зарытого, погребенного, ставя его подобие из вещества неразрушаемого, как бы бессмертного. Такая же, конечно, физическая необходимость вынуждала и кочевника сжигать труп умершего, а необходимость нравст-

* Припомним также гнев русского народа в 1812 г. против западных цивилизаторов, коснувшихся останков святых собирателей земли русской, гнев, выразившийся в беспощадной войне народной, разразившейся тотчас же по занятии священного кремля, хранителя этих останков; даже свобода, обещанная закрепощенному народу, несмотря на всю тягостность закрепощения, не смирила народного гнева.

венная заставляла его тотчас же по сожжении восстанов-
лять умершего, ставя его подобие из оставшегося от сож-
жения пепла, смешанного с глиною, или же из камня, т.е.
кочевник воскрешал умершего, насколько мог и умел.

Музей, принимая в себя памятники превращенных в
пепел и дым, разнесенных ветром, а вместе, как всенауч-
ный, соединяя в себе знания, обнимающие наблюдениями
весь мир, а также знания разлагающие и воссоединяю-
щие, может не терять надежды раскрыть и воссоединить
даже несохраненное и рассеянное. Итак, каменные бабы
есть народное, языческое свидетельство о воскресении, а
музеи — свидетельство о воскресении светское, и надо
прибавить, — насколько свидетельство народное о воск-
ресении — вольно, настолько же свидетельство светское,
интеллигентное, — невольно, а для многих даже и бессоз-
нательно. Остается пожелать, чтобы в музее в святые дни
воскресения и народ, и интеллигенция примирились и
объединялись в общем чувстве, мысли и деле.

К.

2 апреля 1898 г.

II

Заметку о каменных бабах, т.е. об образах умерших,
как о печальной замене того, что скрыто в землю или
сожжено и рассеялось, эту заметку, приготовленную ко
дню св. Пасхи, т.е. ко дню действительного воскресения,
пришлось отложить до дня антипасхи, до дня, когда лю-
бящий ученик, готовившийся и призывавший всех умер-
еть с Ним, их любимым Учителем, не хотел верить сви-
детельству всех своих собратий, видевших Господа воск-
ресшим, не хотел верить, потому что сам хотел видеть,
слышать Его, осязать язвы, нанесенные Пострадавшему
за них и за всех. "Пойдем и умрем с Ним", говорит Фома,
когда Христос возвращался во враждебную ему Иудею,
куда призывала Его смерть друга, чтобы за возвращение
жизни ему положить свою собственную, — так как Иудея
в то время находилась под управлением бездушных отри-
цателей, даже ожесточенных врагов воскресения — сад-
дукеев, которые искали убить Христа за одну лишь про-
поведь о воскресении, — что же должно было вызвать в

них самое дело?! Сомнению этого любвеобильного апостола — сомнению святому, ибо в нем кроется горячая любовь, — и посвящена неделя, начинающаяся днем антипасхи, посвящена как будто в предведении будущего, т.е. нашего времени, которое в лице немецких философов и французских популяризаторов всюду разгласило, будто Христос воскрес лишь в простодушных, т.е. чистых, душах галилейских рыбаков. Впрочем, это провозглашение свидетельствует несомненно лишь о том, что Христос умер и не ожил в душах Тюбингенских книжников и профессоров, профессоров этого отживающего поколения (декадентов). Да и как бы Он мог ожить в них, когда и сами они жизни в себе не имели! Пронеслось это безотрадное слово о недействительности воскресения и у нас, лишив многих всяких упований, — всего, во что они верили и что любили, ибо, если Христос не воскрес, т.е. воскресение недействительно, то и все наши утраты воскреснут лишь в мысли и душе, и никогда мы не увидим и не услышим больше наших отшедших. Забыть о них, жить лишь для себя (*memento vivere*)³ звала эта нерадостная весть, этот эпикуреизм, или отживший, бездушный, опошлившийся платоновский идеализм. Можно было страшиться, что начинается уже то охлаждение любви, на которое указывается в Евангелии, как на начало конца, на начало кончины мира. "Любовь погибает!" — слышим мы в недавно и так неожиданно, а вместе и своевременно вышедшей статье г. Кожевникова ("Русск. Вестн." 1898 г. № 1-й). К счастью, однако, статья, под возбуждающим столь безотрадное чувство заглавием, свидетельствует, напротив, что любовь не только не погибла, но сохранилась во всей неприкосновенности и чистоте. Несмотря на все соблазны городской жизни, народ, как оказалось, остался верен своим первобытным, не двоеверным, как говорят ученые, а истинно христианским чувствам. Статья заключает в себе опрос, сделанный Г. Кожевниковым, простых людей из народа по вопросу о кремации, т.е. о форме погребения, которая с точки зрения интеллигенции, как всякие формы и обряды, не только ничего важного, но и вообще, никакого значения не имеет и иметь не может. А между тем народ в сожигании умерших усмотрел посягательство на то, что для него всего дороже, так что с кремациею

для народа вся жизнь утрачивала всякий смысл, самое рождение и воспитание детей теряло значение, делалось ненужным. Очевидно, народ верит, что, хороня умерших, сберегая частицу их праха, он делает возможным, облегчает потомкам возвращение жизни их предкам, т.е. им самим (живущим), их отцам, дедам. В сожигании же народ усмотрел противодействие возвращению жизни; сожигание ему представляется самую страшную карою, наказанием, какому, например, народ подверг самого ему ненавистного самозванца-паписта⁴, который хотел сынов отвратить от отцов, т.е. представляется карою за самое тяжкое, по народному представлению, преступление. Таким образом, Кожевников своим опросом открыл в народе то, чего искали многие, — в числе их были Гоголь, по-видимому, и Толстой, но найти не могли. Это было со стороны Кожевникова, можно сказать, открытие, и сам Кожевников, надо думать, не ожидал, что он вызовет народ на такую плодотворную откровенность. А что Кожевников затронул самую глубь души народной, это доказывается тем, что каждое слово Кожевникова, касавшееся темы опроса, в каждом его собеседнике из народа вызывало потоки речи.

Теперь только становится понятною вся преступность торга мертвыми душами — эта симония, самая преступнейшая из всех симоний. Преступность этого торга не понимал во всей ее силе, по-видимому, и сам автор, и еще менее — его критики, ибо они, как и сам торговец, Сабакевичи и Ноздревы, стояли выше этих суеверий и предрассудков народа. Только вполне поняв всю преступность этого торга, Гоголь мог бы написать 2-ую часть своих "Мертвых душ", и тогда его поэма была бы истинно народной; а между тем теперь — решавшие вопрос, что читать народу, — не решились, и совершенно справедливо, поставить "Мертвые души" в число книг для народа. Поняв же всю преступность, святотатственность торга мертвыми душами, Гоголь понял бы также, что самым естественным разрешением начатого Чичиковым торга было бы освобождение крестьян в то время, когда Чичиков, накупив мертвых, мечтал уже о своем обогащении, а между тем оказалось, что лишившись двух живых, он остался бы и должен был остаться уже навсегда при множестве мер-

твых, которые не могли бы не терзать его души, так что даже Чичиков, который ни перед чем не останавливался для своего обогащения, должен был бы понять, наконец, всю нравственную, религиозную преступность затеянного им торга. Скажут, что Гоголь не дожил до 19 февраля 1861 года, но он легко мог его предвидеть, так как во все царствование Николая Павловича не прекращались комитеты, обсуждавшие вопрос об освобождении крестьян; слухи, проникавшие об этом в общество, и вызвали, конечно, Манилова в разговоре с Чичиковым о продаже мертвых душ — на замечание — "будет ли это согласно с дальнейшими видами правительства".

Несмотря на совершенную точность передачи г. Кожевниковым речей народных, мы не можем назвать его опрос научным, потому что ему недостает — того бездушия, той бесчувственности, которыми отличаются обыкновенно эти так называемые, научные опросы, да и сама наука, — даже гордящаяся отсутствием всякого чувства, — будет бездушною пока — как чистая — она останется равнодушною к человеческим бедствиям, а как прикладная — будет придавать вещам, производимым промышленностью, соблазнительную наружность, усиливающую до высшей степени вражду между людьми, и вооружать враждующих истребительнейшими орудиями. Наука перестанет быть бездушною только тогда, когда изобретаемые ею истребительные орудия будут обращены на спасение от общих всем бедствий, каковы голод, язвы и, вообще, смерть; тогда же только не будет и нужды в сочувствии к бедным, под которым кроется ненависть к богатым, — нужно жить и трудиться не для бедных и не против богатых, — а со всеми живущими, для всех умерших — тогда и бедность сама собою исчезнет, а пока будет смерть — будет и бедность.

Итак, благодаря опросу Кожевникова, стало ясно, что то безотрадное слово, которое произвело так много опустошений, разрушений на Западе, у нас коснулось лишь верхнего слоя, для нашего же народа гораздо ближе, понятнее, можно сказать — роднее, святое сомнение ап. Фомы, которому и церковь, как сказано, отводит целую неделю. Церковь отводит неверию Фомы столько же, сколько и самой вере, потому, конечно, что неверие Фомы про-

исходило от глубочайшей любви, которая готова была все сделать, употребить все силы, лишь бы увидеть возвращение любимого Учителя; поэтому же оно, это святое сомнение, должно быть противопоставлено и тому недоброму, гордому сомнению, которое прежде всего, в лице протестантизма, призвало к своему трибуналу — отцов церкви, все соборы отцов и отвергло их, а затем в лице новых иудеев и новых язычников, возродившихся почти пятьсот лет тому назад, устроило новый суд над самим Господом, и, лишив его сана сына Божия, помазанника или Христа, даже сына человеческого, признав его сыном лишь еврейским, оставило ему одно имя Иисус. При этом было, однако, забыто, что Иисус, по разъяснению самого Архангела, значит спаситель от греха, причины смерти, т.е. воскреситель; а замена неопределенного спаситель, искупитель точным и определенным воскреситель указывает и нам на наши обязанности, ибо спасенье дается не безусловно — для спасения и от нас требуется не вера только, но и дело, по изречению ап. Иакова, совершенно согласному с определением веры, как осуществления чаемого, которое дано ап. Павлом. Авторы *Vie de Jesu*⁵ и *Leben Jesu*⁶ и не думали, конечно, что писали жизнь не воскресшего даже, а воскресителя. Воскресение Христово и нельзя отделять от всеобщего воскрешения: если последнее и не совершилось еще, то лишь потому, что благое сомнение заменилось гордым и недобрым, не от любви, а от сомнения происходящим.

Нельзя не заметить, что судьба, можно сказать, насмеялась над хотевшими развенчать Христа: они думали его унижить, а вместо того превознесли. Отвергая воскрешение как внешнее, как наказание, они вынуждают признать воскрешение за таковое, к коему призываются все, как к спасительному, великому делу, в которое должна превратиться наша суетная и пустая жизнь. Кроткий упрек и некоторое даже осуждение за требование сверхъестественного явления Воскресшего, за требование чуда свидетельствует, что видение, свидание должно следовать за трудом, — а потому и блаженны невидевшие и уверовавшие потому, конечно, что узрят.

К.

8 апреля 1898 г.

Дон. 1898. 12 апреля, № 38

¹ Цитата взята из статьи В. А. Кожевникова "Любовь погибает" // Русский вестник. 1898. № 1. С. 329—336.

² Речь идет о реферате выступления А. А. Ивановского "К вопросам: а) о существовании совместного обряда погребения и сожжения; б) о каменных бабах и в) о надгробных камнях — по данным современной этнографии // Тр. восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. IV. М., 1897. С. 184—185.

³ Помни о жизни (лат.).

⁴ Речь идет о Лжедмитрии I (ок. 1580—1606). После свержения с престола и убийства его тело было погребено, но вскоре вырыто из земли и сожжено. Пепел самозванца смешали с порохом и выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он пришел на Москву.

⁵ Имеется в виду французский философ Жозеф Эрнест Ренан (1823—1892), автор исследования "Жизнь Иисуса" (1863).

⁶ Имеется в виду немецкий теолог и философ Давид Фридрих Штраус (1808—1874). В сочинении "Жизнь Иисуса" (Т. 1—2, 1835—1836) показал Иисуса Христа как историческую личность.

ПОЖЕРТВОВАНИЕ В. А. КОЖЕВНИКОВА ВОРОНЕЖСКОМУ МУЗЕЮ

Ответ на недоумение профессора Д[уховной] А[кадемии]
Глаголева¹
("Богословский Вестник", февраль 1898 г. — разбор сочинения
г. Кожевникова "Философия чувства и веры"),
почему г. Кожевников назначил выручку с своего сочинения
ворон[ежскому] музею²

Музей, как выражение философии чувства и веры (любви к отцам и Богу отцов) и реакция против философии бесчувственной критики, превращающей всю историю в легенду или миф, весь мир — в представление или призрак, имеет прямое отношение к сочинению г. Кожевникова, доход с которого назначен для восстановления старины, как доказательства реальности ее, в чем и состоит самая элементарная задача музеев*.

Если представителями чувства и веры являются музеи, то представителями критической философии являются университеты; последним даются все средства, а первым отказывают во всем; очень понятно поэтому сочувствие автора "Философии чувства и веры" именно к музеям. В провинции также существуют представители философии критической или позитивной, и философии чувства и

* Так, Троя критика превратила в миф, а раскопки, произведенные Шлиманом, наполнили музей предметами, которые несомненно доказали, что Троя не миф, а действительно существовавший город.

веры; органами первой в провинциях являются обыкновенно люди, понимающие лишь торгово-промышленные музеи и очень неблагоприятно относящиеся к музеям истинным, и таких людей в среде и интеллигенции громадное большинство, так что истинным музеям поддержки ждать неоткуда. Воронежский музей, устроивший выставки, начав коронационную, есть не просто лишь хранилище — он даже выводит на свет хранимое; а желая завести, как мы слышали, метеорические наблюдения, он делает шаг к тому, чтобы сделаться всенаучным, особенно если к метеорическим музей присоединит еще наблюдения над падающими звездами, т.е. над явлениями уже космическими. Основания к такому переходу музеев, как хранилищ только остатков прошлого, к музеям всенаучным можно видеть и в книге г. Кожевникова (стр. 750-я), где он говорит о том, в чем состоит недостаток философии Гаманна³, встретившее такое странное опровержение со стороны рецензента книги г. Кожевникова.

Насмешки проф. Глаголева против ничем не повинного пред ним воронежского музея совсем непонятны; и не прискорбно ли видеть апологетов религии любви одержимыми такую беспричинную неприязнь? Г. Кожевников предназначил выручку от продажи своей книги в пользу воронежского музея. Автор же рецензии книги, хотя и не в состоянии отрицать доброго намерения в таком предназначении, тем не менее говорит о нем в ироническом тоне, недоумевая, — "какую непосредственную связь можно установить между любовью к Платону и мифологии голландца Гемстергюи, "сивиллиными книгами" кенигсбергца Гаманна и музеем г. Воронежа" (стр. 300-я Богосл. Вестн., февраль 1898 г.). Очевидно, выбор, сделанный в данном случае автором книги, представляется автору рецензии крайне странным и оправдать его он находит возможным только "с философской высоты", и притом мотивом самого общего свойства, "желанием служить научной цели, умножению истины" (*ibid*). Недоумение г. рецензента кажется нам, в свою очередь, неосновательным и нам думается, что нет необходимости подниматься в заоблачные философские высоты для того, чтобы усмотреть достаточную связь между содержанием книги г. Кожевникова и полезным назначением, которое указано вы-

ручке из ее продажи. Ни Гемстергюй⁴, ни Гаманн не могут быть названы людьми, чуждыми музейному делу в его истинном, широком, воспитательно-образовательном смысле. Наоборот, и их собственные симпатии, и их деятельность имеют к этому делу "непосредственное" отношение, вопреки мнению рецензента: что касается, во 1) Гемстергюй, то он, по отзыву современников, "собрал вокруг себя, насколько у него хватало сил, все прекрасное по части наук и искусств" (Филос. чувства, стр. 50-я). "Он был настолько же художник, насколько философ", знаток живописи, скульптуры, усердный собиратель памятников классического искусства (стр. 50—51). "Сын знаменитого в свое время филолога и женщины, одаренной большими артистическими способностями, он вырос среди вдохновенней античного искусства; его родной дом представлял собою и богатую библиотеку, и замечательный музей древностей" (стр. 56).

Что же касается Гаманна, то его, быть может, величайшая заслуга состояла именно в пробуждении сознательной любви к прошедшему и к его филологическим, религиозным, художественным и историческим памятникам.

В век почти полного непонимания и презрительного отношения к прошлому, Гаманн был одним из первых влиятельных людей, горячо полюбивших прошедшее и сумевших критически-зрело отнестись к нему. Он был, следовательно, для Германии его времени одним из начинателей благородного дела воскрешения родного, местного и в то же время общечеловеческого прошлого — дела, которому именно и призваны служить музеи вообще и местные провинциальные музеи — в частности. "Любить милых древних, сделать их себе близкими, родными, и даже предпочитать общение с этими дорогими мертвыми легкомысленной погоне за новыми знакомствами" (стр. 200) было жизненным правилом Гаманна, которое он плодотворно привил своим ученикам и последователям.

С другой стороны, в виду увлечения безличным и бездушным отвлеченным космополитизмом, Гаманн был неутомимым борцом за определенное, родное, национальное, расовое, местное, народное, отечественное — в языке, в искусстве, в нравах и в государственной жизни

(стр. 200 и след.); он поощрял к собиранию народного творчества (202 и сл.), он страстно любил историю и обнаружил в ее области глубокое критическое понимание (209 и след.). Сверх того, у него замечалось еще особое пристрастие к характерным чертам местным, к местным особенностям в искусстве и литературе, к "провинциализмам" в речи — сочувствие, которое он привил и своим последователям (244, 205).

Мы видим, следовательно, что, в силу перечисленных особенностей, мыслитель этот, несмотря на отдаленность от нас времени и места его деятельности, может и должен считаться не только имеющим отношение к музейному делу, но и отношение "непосредственное".

Но помимо этих специальных совпадений, нельзя не признать существования и более широкого повода к сближению с музейным вопросом всего философского направления, изучаемого в труде г. Кожевникова. В отличие от одностороннего рационализма, превращавшего изучение человека в тенденциозное и произвольное рассуждение о человеке, в отличие от философского критического идеализма, подменявшего фактические данные жизни бессодержательными схемами отвлеченного "чистого" мышления и превращавшего вещи и явления в признаки и понятия, философия чувства и веры стремилась к реальному и всестороннему познанию жизни и человека. Она старалась восстановить в их правах и обязанностях те стороны живого человеческого существа, которые были придавлены или искажены рационализмом, скептицизмом и идеализмом 18-го века. Если сама философия чувства и веры не сумела правильно решить предлежавшей ей величавой задачи, то само реалистическое стремление к ее решению было во всяком случае похвально и полезно. Великою заслугою, например, Гаманна было то, что вся его деятельность в области философской, исторической, филологической и эстетической "носила характер объединяющий, восстанавливающий и оживляющий" (стр. 750). Недостаток Гаманна, наоборот, состоял в непонимании того, что "конечною целью не одного только историко-филологического знания, но и всего знания является деятельность восстанавливающая, оживляющая, воскрешающая и объединяющая" (стр. 750). И вот именно внесению этой-то су-

щественной поправки в определение конечной задачи знания и содействию практическому осуществлению активной цели знания в жизни и призваны служить музеи, не исключая и провинциальных, если будущее человечества и человеческого знания не так безнадежно-мрачно, как кажется автору рецензии. Так, автор рецензии говорит: "Никакой луч света не освещает нам будущего человечества. Но философия, полагаем, с достаточной ясностью показывает нам, что, если это будущее имеет цель, то таковая должна быть в инобытии, в ином мире, томлении по которому прирождено нам, но который для нас в настоящих условиях непредставим и недостижим" и т.д., и т.д. Тут сказано все, что может сказать профессор, желающий превознести веру, не думающий о деле и поэтому не допускающий, чтобы наука, знание могли иметь какое-либо серьезное значение.

Не странно ли, однако, со стороны профессора духовной академии видеть в нашей жизни и во всем мире пустую и глупую шутку? Мы не знаем, какую кафедру занимает г. Глаголев, но, судя по его статьям, он принял на себя роль какого-то обвинителя естественных наук; возводя на них всевозможные обвинения, он не обвиняет, однако, естественные науки, когда они производят действительное зло, придавая, например, вещам соблазнительную наружность (в чем и заключается приложение их к промышленности), т.е. когда они возбуждают вражду между людьми и вооружают враждующих истребительнейшими орудиями. Быть может, впрочем, г. Глаголев и не видит в этом зла, а даже радуется, что таким образом наша жизнь делается все более пустою и даже преступною?! Г. Глаголев не может лишь допустить, чтобы естественные науки могли сделаться орудием действительного блага, орудием спасения от общих всем людям бедствий, как голод, язвы и смерть, на что, по-видимому, и выразил надежду в своей книге г. Кожевников. Нам совершенно непонятно, для чего это нужен вечный антагонизм между знанием и верою, тогда как знание, сделавшись орудием веры, расширило бы свою область, а не ограничило ее, а вера приобрела бы орудие для осуществления чаемого, т.е. орудие спасения. Нам понятны упреки, делаемые науке митрополитом Филаретом⁵, — он говорит, что наука о

земле по остаткам разрушения "хочет истолковать жизнь погребенную и сохранить оставшуюся", а наука о небе, говорит он, "следит пути звезд, не пролагая зрителю пути в небо". Этими упреками верно и точно определено, в чем состоит достоинство науки, и если бы она сделалась орудием спасения, то, конечно, не была бы им отвергнута. Но нам совершенно не понятны требования г. Глаголева, требования не практического, а теоретического свойства, требования знания без дела; и сатана говорит человеку о знании зла и добра, но не говорит об искоренении первого и водворении второго, т.е. требует также только теоретического знания. Такое знание, вопреки сатане, богами нас не сделает, но повинувшись наущению сатаны, мы останемся при зле и потеряем благо. Заниматься теоретическими вопросами можно не сто только лет, ни на шаг не подвигаясь в решении, а даже миллиарды лет, без всякого результата.

Г. Глаголев упрекает науку в том, что она не разрешает вопроса о цели жизни, тогда как эта цель для сынов человеческих совершенно понятна, для сынов умерших отцов нужно не знание цели, а осуществление ее, т.е. дело; но этого-то и не позволяет г. Глаголев.

Не можем оставить без ответа и упрек рецензента автору за обширность его книги. В опровержении этого упрека мы укажем лишь конспект, поставленный в самом начале обширного сочинения г. Кожевникова, — на конспект, настолько подробный, что жалобы на большой объем книги становятся величайшей несправедливостью. Автор, очевидно, глубоко чувствует нужды нашего времени, времени многописания, и сам идет навстречу потребности читателя без особого труда составить себе полное понятие о предмете, трактуемом в сочинении, и остановиться подробно лишь на тех местах сочинения, которые почему-либо для читателя особенно важны или интересны. Этот конспект, который может служить и для чтения, заменяет вместе с тем указатель, который дает возможность каждому брать нужное ему из обильного источника сведений, собранных не только в русских, но и иностранных библиотеках. Нельзя не удивляться изумительной скромности и внимательности автора к читателю: приложенный им к книге конспект как бы говорит, что читатель может и не

утруждать себя чтением всего сочинения, а вместе и взять из книги все, что ему нужно. Автор будто сам служил в музеях и библиотеках и хорошо знает, как облегчить пользование книгою.

*Дон. 1898. 23 апреля, № 43.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.*

¹ Речь идет о рецензии профессора Московской духовной академии Сергея Сергеевича Глаголева (1856—1937) "Новости русской литературы по религиозно-философским вопросам" // Богословский вестн. 1898. № 2. С. 276—300. Заключительная фраза перекликается с началом рецензии: "Мы не совсем понимаем, какую непосредственную связь можно установить между любовью к Платону и мифологии голландца Гемстергюи, сивиллиными книгами кенигсбергца Гаманна и музеем г. Воронежа, но если взглянуть на предмет с философской высоты, то такая связь существует: воронежский музей имеет научные цели, имеет, значит, задачей умножение истины, той же цели служили и те философы, о которых говорит г. Кожевников".

² Кожевников Владимир Александрович (1852—1917), историк культуры, философ, публицист. В 1897 г. издана его книга "Философия чувства и веры в ее отношении к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии" (Ч. 1. 757 с.), деньги от продажи которой представлялись воронежскому губернскому музею. 14 апреля 1898 г. газета "Дон" в заметке "Воронежский губернский музей" поместила информацию о книге В. А. Кожевникова: она успешно продается, в начале апреля в музей прислано 100 руб. Рецензию на нее поместила и газета "Воронежский телеграф" (1898, 1 мая, № 48).

³ Гаман (Наманн) Иоганн Георг (1730—1788), немецкий философ-иррационалист и писатель.

⁴ Гемстергюи Франц (1720—1790), голландский философ, последователь Д. Локка.

⁵ Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1782—1867), с 1826 г. — митрополит Московский.

КАМЕННАЯ БАБА ВОРОНЕЖСКОГО МУЗЕЯ

**Как и где поставить этот памятник
и какую надпись должен сделать на нем воронежский музей,
чтобы быть наиболее образовательным?**

По поводу статьи — "Каменные бабы" ("Дон, 1898 г., № 38-й) мы получили письмо, в котором говорится: "При входе в московский музей поставлена каменная баба, на которой, как я сам наблюдал десятки раз, прежде всего останавливается внимание посетителей из простых. Они всегда внимательно допытываются друг у друга о значе-

нии этого изваяния, но сухая надпись на подножии не разъясняет дела. Не могло ли быть дано краткое (в двух словах) разъяснение смысла тут же, в надписи"...

Таким образом, по мысли написавшего это, московский музей в надписи на подножии бабы дает ответ даже не на вопрос — спрашивают о смысле, о значении, а в надписи говорят — где и когда баба найдена. Впрочем, на требование дать ответ в двух словах нужно сказать, что такие требования заявлять нетрудно, а исполнять их очень нелегко. Но, тем не менее — отвечать, хотя и не в двух словах, должно. Но как ожидать ответа от ученых, ни в чем друг с другом несогласных, и притом же от ученых нынешних, которые признают лишь факты, и знать, даже слышать не хотят об их смысле, считая разъяснение смысла фактов одними гипотезами, предположениями? Но московский музей не погрешил ли даже и против фактов, если баба, стоящая перед ним, была найдена на кургане, как это нередко бывает, как было это и относительно бабы, которая привезена теперь в воронежский музей, как, вероятно, бывает это и всегда, если только курган, в котором находилась баба, не уничтожился по каким-либо причинам? И в таком случае, чтобы быть верным факту, нужно было поставить бабу на кургане же, хотя и не высоко; такая постановка могла бы отчасти заменить самый ответ, потому что тогда легко было бы признать каменное изваяние за надгробный памятник. Однако, и надгробный памятник нуждается в объяснении для утративших смысл и жизни, и смерти... Воронежскому музею, несомненно, следует избежать ошибки московского (если, конечно, тут есть ошибка), и при постановке каменной бабы нужно сохранить всю ту обстановку, в которой она находилась там, где была найдена... Были ли какие-либо надписи на каменных бабах — неизвестно, но если надписи были, то в них могло выражаться то же, что и в надписях на наших надгробных памятниках, выражающих желание воскресения, надежду, что расстались с погребенными не навсегда, а до радостного лишь утра. Принимая каменную бабу, этот памятник умершего, музей становится, так сказать, наследником изображенного в этой каменной статуе, делается как бы его душеприказчиком. В таком родственном и нравственном отношении, в чувст-

ве и долге, и заключается могучее побуждение к постоянным и всесторонним разысканиям и исследованиям; в этом и заключается начало поминовения. В музее всякий, конечно, памятник напрашивается на исследование, но не все, имеющие уши — слышат эти просьбы памятников. Нельзя ограничиться лишь историею и топографиею открытия памятника; и говоря, например, о каменной бабе, необходимо задаться вопросами, была ли эта баба на кургане, сохранился ли этот курган, произведены ли были раскопки этого кургана или же — вообще — на месте нахождения статуи. Хотя каменная баба нема, однако, нельзя сказать, чтобы она ничего уже не говорила; так, она скажет, из местного ли камня вырублена или же нет; самая величина, форма, соотношение частей по сравнению с другими ей подобными говорят о происхождении, о племени. "Я" — могла бы сказать надпись на бабе — "тюркского или монгольского происхождения, выходец из глуби Средней Азии, дальнего Востока, кочевал по Дону, на Воронеже или Хопре, грабил мирных земледельцев, умер (а, может быть, — был убит), сыны насыпали курган на моем прахе; зарыв в землю и не видя меня, стосковались, и стали сыны и дочери молить и вопить, чтобы расступилась земля и я взглянул бы на них, моих детушек"... Каменная статуя и есть исполнение этой молитвы*. И у них, т.е. оставивших после себя каменные бабы, как и у нас, как и везде, где сохранилась еще родственная любовь, существовали, конечно, причитания, отпевания, подобные, например, таким: — "Расступись, мать-сыра земля, ты раскройся, гробова доска, встань проснись" и т.д., или же: "Встаньте, пробудитесь, взгляните на ваших детушек"... Глубокое чувство, вызвавшее на свет каменные образы, т.е. так называемые каменные бабы, вылилось и в этих двух песнях — в первой лишь одиночное чувство, а во второй — хоровое, не отделяющее сынов от дочерей и соединяющее отцов и матерей. Невольно приходит на мысль, что было бы, если бы этому могучему народному чувству соответствовало у народа — у народов, у *всех* народов, соединенных воедино — и знание столь же могучее?! Не могли, конечно, оставившие после себя каменные бабы удовлетвориться только изобра-

* Баба — по турецки — отец.

жением вместо действительности, хотя бы и существовало верование, что в изображении посредством известных обрядов переходит сама душа умершего, ничем, однако, не проявляющая своего присутствия в этом изображении... Так, Георгиевский, весьма глубокомысленный и, к сожалению, слишком рано умерший синолог, — в сочинении — "Принципы жизни Китая"¹ приводит плач дочери над умершей матерью и сам называет этот плач искренним, и тем не менее к тому месту этого плача, которое отличается наибольшею искренностью — "взгляни же на мои слезы, на мою грусть-печаль, где ты, моя матушка, где ты?" — Георгиевский делает замечание, что такой вопрос (потому что он противоречит обряду) "*для древнейших времен, конечно, неуместен*". Но он был бы неуместен в том лишь случае, если бы кукла, пред которой дочь изливала свою скорбь, могла сказать: "я здесь, моя доченька!".. Очевидно, однако, что чувство никогда не удовлетворялось изображениями, обрядом. Да и самый плач и рыдания, которые в силу самого обряда сопровождают вселение души в куклу (т.е. это мнимое воскрешение), разве служат выражением довольства?! По обряду, сын, приглашая отца переселиться телом в могилу, оканчивает свою речь, или доношение, отцовскому духу словами: "О, невыразимая печаль!".. А невыразима та печаль, которую пережить нельзя. Этому-то могучему чувству всех народов в совокупности и недостает могучего знания. Знание же, изобретающее динамит, робурит, мелленит и т.п., — истекает, конечно, из иного, притом совершенно противоположного чувства, которому также нельзя отказать в силе, но реакциею против этого последнего и является, как постановка каменных баб у музеев, так и сами музеи. В настоящее время — при столкновении Испании и Америки — вся европейско-американская мысль устремилась на изыскание новых истребительных средств. И не один Эдисон² откликнулся на это чувство. А Золя еще раньше изобразил Париж таким, что он вызывает на изобретение вещества, способного в один миг превратить этот город, представляющий высшую ступень нынешней цивилизации и культуры, в груды развалин. Итак, ни перед чем не останавливающаяся борьба внутренняя, борьба между-сословная, и ожесточенная война внешняя, междуна-

ная, вот два выражения чувства взаимного озлобления, противоборствовать коим и призваны музеи... Нельзя не заметить, что при нынешнем столкновении испанцев с американцами³, последние, пользуясь превосходством своего вооружения, не воюют, а просто казнят несчастных испанцев, как волк давит ягненка.

Таким образом, каменные бабы есть не только языческое свидетельство о воскресении, как сказано в статье "Каменные бабы" ("Дон, 1898 г., № 38-й), не только реакция против критики, превращающей все в миф ("Пожертвование В. А. Кожевникова воронежскому музею", "Дон", 1898 г., № 43-й), но и реакция против современного направления чувства, против самого настоящего момента, когда, как сказано, столкновение Америки с Испаниею устремило всю мысль на изыскание новых способов истребления... В той же Америке были произведены опыты обращения средств разрушения (взрывчатых веществ) на спасение от голода; но исследование в этом направлении были едва начаты, и ныне, как кажется, совсем остановлены; изыскания же новых средств, несущих гибель, продолжаются с такой настойчивостью и постоянством, которые, поистине, заслуживали бы лучшего назначения, ведутся с такою, можно сказать, изумительною страстью, которая не останавливается даже пред размышлением (в видах своего, конечно, оправдания) — будто самая разрушительность этих средств может привести к прекращению войн. Как будто чрезмерность яда когда-либо удерживала от него?! Очевидно лишь одно, что разрушительность губительных орудий поведет к увеличению только жертв борьбы, а не к миру*. К миру могло бы привести только обращение средств разрушения на избавление всех от общих всем бедствий; и это было бы не уничтожением лишь великого зла, т.е. войны, но и водворением величайшего блага, не избавлением только от общих всем бедствий, но и возвращением всех жертв борьбы.

* Золя, проповедующий в своем романе "Париж" мысль о прекращении войн с помощью изобретения взрывчатых веществ необычайной силы, заставляет, однако, самого изобретателя этого вещества, а вместе и проповедника означенной мысли, употребить это средство на разрушение, а не на водворение мира. Если разрушения не последовало, то чисто по случайной причине.

В заметке о каменных бабах, напечатанной в № 38-м "Дона", раскрывался смысл и значение этих памятников глубокой старины, а в настоящей статейке требуется, чтобы сам камень заговорил и сказал бы в надписи о том, что он такое, причем эта надпись могла бы пополняться по мере разысканий.

Но прежде, чем какая-либо надпись была сделана музеем с должным уважением к глубокой старине, к изображению умершего, XIX век успел уже на этом памятнике незапамятной старины положить свою печать, свою надпись, свидетельствующую о просвещении XIX века, об освобождении его от предрассудков и суеверий даже в низших слоях общества. Железнодорожное ведомство, в лице своих низших служителей, сделав на самом лице каменной статуи свою железнодорожную отметку, свидетельствует, что просвещение делает колоссальные успехи. Полагаем, что не следует и смывать этой отметки: пусть сам образ умершего скажет в надписи на нем о бессознательном поругании, которому он подвергся в наш гордый своим просвещением век.

В надписи можно написать от лица самого изваяния: "Много веков стоял я в степи, на кургане, или могильнике, много орд прошло мимо меня, но уважение к человеческому образу, благоговение к почившим охраняло меня, и только критический XIX век, в основе коего положена мысль, будто "хула есть начало премудрости" (выражение Гегеля⁴), не пощадил и меня; но уповаю, что поруганный в изображении, я буду восстановлен Господом, руками потомков моих хулителей во искупление греха людей XIX века".

Мы еще не сказали ни слова о месте помещения статуи... Но как в настоящее время и говорить об этом?! В то время, как писалась эта статья, мы узнали, что городским управлением решено переселить музей в другое место, в место совершенно неудобное, где музей должен будет обратиться в простой склад — словом, будет похоронен. И решение это, как говорят, состоялось единогласно, без всяких прений, ни одного голоса не поднялось в защиту музея. Так единодушны оказались в данном случае отцы города, доказавши, что они вполне достойны самоуправления. Да и как могло быть иначе: помещение музея

потребовалось для расширения ломбарда⁵, учреждения столь любезного, столь симпатичного нашему времени, которое, истратив все запасенное предками, старается потратить и то, что могло бы достаться потомкам, используя, как ныне говорят, запасы прошлого, старается захватить даже будущее. И расширение ломбарда свидетельствует, что движение в этом направлении в Воронеже прогрессирует, что нужда действительная, а может быть, в данном случае и мнимая, вызванная легкостью кредита, растет, и скоро, конечно, потребуются еще новое расширение ломбарда. Интересно бы знать, многие ли из попадающих в ломбард, освобождаются от него, многим ли он оказывает действительную помощь?! Расширение ломбарда указывает, во всяком случае, на прогресс бедности. Но не сокращение ли бедности в среде населения должно поставить своею целью городское управление, вместо поощрения ее в виде учреждения и расширения ломбардов?

История музеев переполнена гонениями всякого рода; печали их преследуют, кроме разве минусинского, но тот находится в Сибири, в Азиатской, а не Европейской России, вблизи Китая, где еще крепка родственная любовь... Лишением надлежащего помещения воронежский музей убит, можно сказать, в самом начале, не успев развить своей деятельности, деятельности образовательной, которая, получив надлежащую полноту, когда музей сделался бы всенаучным, — принесла бы краю несомненную пользу. Воронежский музей, показавший такую отзывчивость, единственный в России устроивший коронационную выставку и тем, можно сказать, положивший начало музейским выставкам, думал уже завести метеорологические наблюдения, а это легко навело бы на учреждение наблюдений над падающими звездами, явлениями уже космическими. Затем при музее могли бы составиться кружки для изучения края во всех отношениях, подобно Петровскому в Астрахани, астрономическому — в Нижнем Новгороде... Но и это малое еще начало: задача музеев — всех сделать познающими, всем доставить счастье бесплатного труда, доставить возможность трудиться не для себя и не для других (отвергая альтруизм, как и эгоизм), а со всеми и для всех, для освобождения от общих всем бедствий и для водворения общего всем блага. "Увы, бед-

ный род человеческий", — говорил один из наших знаменитых духовных витий⁶, призванный благословить орудия смерти для защиты отечества, — "как нежного уразумел ты в продолжение целых седми тысяч лет тайну и цель бытия твоего на земле, и как мало приблизился ты к своему высокому предназначению..." Наука же, к вящему своему позору, утверждает даже, что род человеческий существует гораздо больше семи тысяч лет!

*Дон. 1898. 5 мая. № 48.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.*

¹ Речь идет о книге профессора Петербургского университета Сергея Михайловича Георгиевского (1851—1893) "Принципы жизни Китая" (Спб., 1888. XXI, 494, XVI с.). Цитируемые сюжеты находятся на стр. 34—35. В экземпляре книги Российской государственной библиотеки, имеющем штампель Румянцевского музея, на этих страницах на полях имеются карандашные пометы.

² Эдисон Томас Алва (1847—1931), американский изобретатель и предприниматель, организатор и руководитель первой американской промышленной исследовательской лаборатории.

³ Имеется в виду испано-американская война 1898 г.

⁴ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ, создавший систематическую теорию диалектики.

⁵ Губернский музей размещался на втором этаже бывшего здания Мещанской управы (ул. Плехановская, 3). На третьем этаже, над помещениями музея, 30 марта 1897 г. открылся ломбард (см.: Дон, 1897. 16 февр., № 19; 1 апр., № 37). В ноябре 1897 г. городская дума намеревалась арендовать старое здание Окружного суда под музей (см.: Воронежский телеграф. 1897. 30 нояб., № 139); предложение не осуществилось, и здание было снесено. 6 марта 1898 г. в думе обсуждался вопрос о строительстве трехэтажного здания для размещения библиотеки, комиссии народных чтений, музея и рисовальной школы. Особняк предполагалось выстроить на углу ул. Большой Московской (ныне ул. Плехановская) и Пятницкого пер. (ныне ул. К. Стрелюка). Проект не был реализован (см.: Воронежский телеграф. 1898. 11 марта, № 29). 14 ноября 1899 г. ломбард был переведен в другое здание, подаренное городу купцами М. И. и Н. И. Ляпиными (см.: Дон. 1897. 9 нояб., № 124; 1899. 16 нояб., № 129).

⁶ Речь идет о митрополите Филарете (Дроздове).

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА

Начало типографского дела, основание первой воронежской типографии — не покрыто, как это бывает со всяким почти началом, мраком неизвестности. Сохранился первенец местной печати, сохранились и тридцать из-

даний первых восьми лет существования типографии, которые могут быть названы инкунабулами воронежской прессы. Любопытно было бы сравнить годы основания типографий в других, соседних с Воронежской, губерниях: желательнее было бы знать, поминали ли начало своих типографий те из губерний, в коих типографии появились раньше, чем в Воронеже, и сохранились ли там местные инкунабулы?.. Сохранение этих памятников в Воронеже свидетельствует о существовании в нем людей, которые сто лет тому назад уже предвидели 14 мая 1898 года. В этом широком и глубоком взгляде и заключается просвещение. Тот, кто сохранил эти первые издания воронежской типографии, и должен считаться основателем воронежского музея, так что выставка начала типографии есть вместе и выставка начала и, к несчастью, конца музея. Е. А. Болховитинов¹, друг Румянцева², основателя первого в России музея, предсказавший печальную судьбу этого музея в руках министерства народного просвещения, не знал, что еще более печальная судьба ожидает музей его родного города. В историях Румянцевского музея говорится об этом пророчестве митрополита Евгения; теперь историкам музея нужно присоединить к этому пророчеству рассказ о судьбе музея на родине митрополита Евгения.

Тщась быть верным своему назначению, быть памятью* воронежского края, тщась быть верным до конца и ведая о близком своем изгнании, или погребении, музей устраивает прощальную выставку, призывает помянуть* первых устроителей типографии и всех ее деятелей в течение исполняющегося ныне столетия.

Если начало типографского искусства — совпадающее со взятием турками Царь-Града, этого хранилища мысли и знания древнего мира, — следует считать началом новой истории, то и Воронеж прожил уже целый век в новой истории, несомненно веруя, или суеверно признавая свое превосходство над прошлым, над древнею Русью; —

* Память и есть разум, область ведения которого любовью расширяется на все прошедшее, так что настоящее для него делается средством восстановления прошедшего; — это разум в смысле музейском. Разум же в обыкновенном смысле, подчинясь слепой силе, в коей последующее вытесняет предыдущее, не управляет ею, а содействует молодому к вытеснению старого.

в таком превозношении и состоит особенность новой истории, особенно последнего ее века. Живя этою новою жизнью, Воронеж и не думал — конечно, что и над ним превозносилось бы новейшее и издевалось бы последующее, если бы музей, стоя выше этого превозношения молодого над старым, нарождающегося над умирающим, не считал своею задачею поминать отшедшее и восстанавливать его и в настоящее время, насколько у века есть сил и способов... восстанавливать и этот, столь жестокий к прошедшему век. Чтобы понять музейское, т.е. хранительное, значение типографий и их произведений, чтобы понять значение их, как способов сохранения и восстановления, значение мирное — сохранять и восстанавливать доброе, хоронить, или погребать, в себе, как отжившее, все злое, например, — орудия казни, — нужно вспомнить, что (как это было уже сказано) открытие типографского искусства совпадает с падением Царь-Града, а это падение доказало, что новооткрытое зелье (порох), отчасти как и всякий прах, имеет взрывчатую силу, пред которой не могут устоять никакие стены. Хранительная сила типографий заключается в количестве, в массах, в том, что они выпускают тысячи, чтобы сохранить хоть одно. Другого способа, который не был бы заимствован от слепой силы, XIX век, по-видимому, не имеет, и даже этот, недостойный разумного существа, способ стараются сделать не действительным, благодаря бумаге, достигшей высшей степени тленности, этого идеала XIX века, который стремится тление облечь в благолепие, стремится, можно сказать, к благолепию тления. Наибольшая смертность, тленность произведений мануфактуры нашего века, мгновенной лишь красой сияющих, есть необходимое условие благоденствия промышленности. И тем более великое значение имеют в наше время музеи и библиотеки, тщательно хранящие эти эфемерные произведения типографского станка и всякого, вообще, нынешнего производства. Музей есть реакция против нового времени, которое — вопреки прежнему — когда избрание разрушительных веществ встречалось проклятиями — встречает их благословениями и употребляет уже не в одних лишь международных войнах...

Музей, хотя библиотека, эта истинная дочь типографий, наполняющих ее своими произведениями, — от него и отделена, тем не менее сам принял на себя обязанность

помянуть исполняющееся столетие типографии. Музей, хотя он был постоянно преследуем покровителями библиотеки, проявил широкий взгляд на просвещение, которым не отличаются его противники: обычное определение все-научно-художественного музея, хотя больше идеальное, чем действительное, — как книги, иллюстрируемой картинными и скульптурными галереями, поясняемой всякого рода опытами и наблюдениями, — они, т.е. противники музея, не признают, и отделение библиотечек от музея не считают беззаконием. Идеальное определение музея легко было бы осуществимо, если бы не было этого неестественного отделения библиотеки от музея; и если бы все средства учебных заведений, духовных и светских, гражданских и военных, мужских и женских, которые ныне тратятся на устройство при каждой библиотечке, которых, несмотря на малость, и хранить по большей части негде, физических и других подобных кабинетиков, если бы все эти средства были отданы на музей, тогда он, действительно, мог бы сделаться книгою, иллюстрируемую и поясняемую всякими способами и не только метеорологическими, но и астрономическими наблюдениями, самыми простыми, конечно, — наблюдениями невооруженными глазами неба, наблюдениями кажущегося его движения, познакомившись с которым, только и возможно понять движение истинное и неба, и земли. Тогда музей и библиотека исполнили бы истинное свое назначение — быть учреждениями образовательными, служить пособием для учащихся, пособием необходимым, а не полезным только, как говорит в своем проекте Н. И. Второв³, — таким пособием, которым ученики пользовались бы под руководством своих учителей. Тогда музей привлек бы и родителей, и учащихся, которые, в союзе с учителями, могли бы устроить кружки при музее по разным отраслям знания. Теперь же музей служит для праздного лишь любопытства, а библиотека для чтения — в видах только развлечения: читают только газеты, романы, журналы... При объединении же музея и библиотеки с учебными заведениями, без всяких новых трат, распространение просвещения естественно соединилось с расширением самого знания, создались бы школы, где не только учились бы, но и научали, приучали к изучению, которые, работая для будущего, в то же время являлись бы и хранилищами прошедшего,

как об этом и говорится в статье "К вопросу о памятнике Каразину" (Наука и жизнь, 1894 г. № 15—16). И с музеем, отвечающим такому, как сказано, назначению, едва ли было бы возможно поступить так бесцеремонно, как городское управление намерено поступить с воронежским музеем. А если музей не будет общим пособием для всех без исключения учебных заведений и не будет соединять в себе кружки любителей (кроме учителей, как обязательных членов) по всем отраслям знаний, то как он может исполнить цель, поставленную ему, — "изучение воронежского края в его прошлом и настоящем во всех отношениях", "а равно и распространение сведений об этом крае" — как сказано на первой странице отчета: "Воронежский губернский музей в 1894—1897 годах"?⁴. "Распространение сведений о воронежском крае", правильно понятое, должно означать, что музей обязан выводами по наблюдениям и исследованиям всего воронежского края доставлять в центральные учреждения, получая сам отчеты от всех местных музеев, учреждениям коих при всех, даже низших, учебных заведениях он обязан всеми способами содействовать.

Замечательно, что все выставки воронежского музея были бесплатны, в чем его даже упрекали. Очевидно, музей сознает, что его поминки имеют священное значение. Бесплатность, доступность и составляют особенно привлекательную сторону воронежского музея. И можно не терять надежды, что найдутся люди, которые создадут, наконец, для него помещение, достойное всенаучного, всехудожественного музея, которые поймут, что в русском городе самым обширным, лучшим по архитектурному стилю и по занимаемому месту зданием должно быть именно это место поминовений, соединяющее в себе и священное, религиозное, и художественное, и научное, — словом, все, что есть лучшего в человеческой природе.

Дон. 1898. 14 мая, № 52.

ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

¹ Болховитинов Евфимий Алексеевич (1767—1837), русский историк и археолог. Уроженец г. Воронежа, один из инициаторов создания губернской типографии. Его книга "Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии" (Воронеж, 1800) положила начало изучению местного края. Принял монашество с именем Евгения, в 1822—1837 гг. — митрополит Киевский и Галицкий.

² Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, русский государственный деятель и дипломат. На основе его коллекции в 1831 г. создан Публичный музей, в 1861 г. переведенный в Москву.

³ Второв Николай Иванович (1818—1865), воронежский краевед. В 1857 г. представил губернатору Н. П. Синельникову проект организации музея. Публикацию записки Н. И. Второва см.: *Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее (1832—1894 гг.)* // Памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж, 1896. Отд. III. С. 35—37.

⁴ См.: *Дядьков А. М. Указ. соч. С. 56.* Приведенная цитата взята из проекта устава музея.

ВОРОНЕЖСКИЙ МУЗЕЙ В 1998 году (1798—1998 гг.)

Еще в 1898 году, когда праздновался юбилей печатного дела, было признано, что вместе с началом книгопечатания в Воронеже было положено начало и воронежскому музею; поэтому в 1998-м году праздновался юбилей уже не печатного лишь дела, как части, а целого музея, причем из сравнения настоящего с тем, что было сто лет тому назад, оказалось, что наука XIX века была выводом из наблюдений, производившихся кой-где, кой-когда и кой-кем, — наука же истекающего XX века стала уже выводом из наблюдений, производимых везде, всегда и всеми; — цель, поставленная музеем еще в XIX веке, — "изучение воронежского края в прошедшем и настоящем во всех отношениях" — вполне осуществилась к концу XX века — центральный музей воронежской области имеет органы во всех населенных местах края, ибо музеи (местные) есть уже повсюду, где есть умирающие (а умирают еще и в XX веке, хотя и с несравненно большею надеждою на восстание, чем в несчастном XIX веке), как и школы есть повсюду, где есть рождающиеся. В XX веке все стали познающими и все стало предметом знания, и, чему никак уже не поверили бы в XIX веке, — грубые мужики-пахари оказались гораздо более способными к плодотворному знанию, чем изворотливые, обладающие змеиною мудростью, горожане. Оказалось — изумительное дело, — что для знания в селах не нужен особый досуг, в селах сама работа превратилась в исследование природы, так что каждый сельскохозяйственный год есть новый

опыт, опыт того, — при каких метеорических и даже солярных условиях получается наиболее верный урожай. Нужно заметить, — теперь уже не говорят о наибольшем доходе от земли; торговый, купеческий (коммерческий) взгляд на землю исчез; на землю не смотрят теперь как на товар, на капитал, а как на нечто священное; а взгляд на земледелие, как на особый промысел, в конце XX века считался бы в высшей степени безнравственным. В городах начала XX века разделение занятий дошло было уже до того, что для фабричных рабочих разум стал роскошью и голова как бы шапкою, которую они надевали лишь по праздникам. Правда, сокращение рабочего дня до восьми лишь часов, как будто и давало рабочим возможность и право надевать эту шапку даже в будни, но этим правом никто почти не пользовался, потому что и после восьмичасового лишь, но изумительно однообразного труда, которым занят какой-либо один член, все же усилие заключается в том, чтобы держать в бездействии все остальные члены, — после такого труда нужно бывает расправить члены, нужны бывают развлечения, оргии, а не умственные занятия. В городском досуге не заключалось ничего, что заставляло бы этот досуг обращать в знание, а не на что-либо другое, тогда как сельская работа сама требует знания и все более глубокого и обширного, знания определенного и всеобъемлющего, знания земли и всего, чем обуславливается существование растительности, животных и самого человека, знания условий метеорических, солярных и проч. Сам человек, как от земли взятый, в землю отходящий, — дав, или лучше — отдав, жизнь свою чадам, как душеприказчиком, и имеющий из земли быть восстановленным, не выходит из широкого круга сельского знания, так что сельское дело оказалось таким, в котором все знания нашли свое приложение. Быть может, кто-либо из людей XIX века, услышав, что все сделались познающими, подумал бы, что и мужики стали созерцателями? Но это была бы большая ошибка. Чем же, однако, сделались крестьяне-земледельцы?! Для прогрессистов XIX века было бы странно, конечно, услышать, какой громадный шаг сделали мужики к концу XX века. Все они, весь народ составили поголовное ополчение против той силы, которая поражает неурожаем

хлебов и страшным урожаем болезнетворных (патогенных) — смертоносных микробов. Военное дело отождествилось с "крестьянским", все армии, т.е. все народы, стали деятелями, участниками одного, по общему плану совершаемого, всеземного опыта регуляции, т.е. управления, метеорическим процессом для получения насущного хлеба. Молитва о насущном хлебе, сопровождаемая трудом, доставляющим этот хлеб нам, т.е. не мне, не одному лишь, а именно всем, и только днесь ("даждь нам днесь"), т.е. не про запас, а на каждый лишь день, — при регуляции запасов делать не нужно — эта молитва, сопровождаемая трудом, и есть дело Божие, руками человека совершаемое. Вот во что обратился в XX веке милитаризм, так страшивший XIX век. Хорошо еще, что этот страх не привел к уничтожению воинской повинности.

Заметным образом движение, приведшее к вышеозначенным результатам, началось в 1932 году, когда ко дню Пресвятой Троицы был исполнен потомками обет их предков, данный за столетие перед тем, поставить на острове, где сохранились постройки от времен Петра, — храм св. Митрофану, а при нем построить музей¹. Обет этот был исполнен и во искупление греха тех, которые, вместо обещанного храма и музея на предназначенном для того острове, устроили увеселительное учреждение. Впрочем, такой грех, — как устройство увеселительных учреждений, был общий у Воронежа с другими городами, т.е. крепостями.

Когда-то вся русская земля постоянно стояла на страже против нашествий степных кочевников; чуть не в каждой деревне была сторожа, в каждой городке — острожек, а в городах — каменные кремли; сам Иван Великий был сторожевою башнею. Когда же началось разоружение, тогда крепостные, земляные валы, политые кровью предков, обращались в увеселительные гульбища, в бульвары, сторожевые башни — в бельведеры. В таком явном злоупотреблении историки XIX и предшествовавших ему веков видели несомненное улучшение, превращение военного в гражданское, якобы мирное. Но сыновство выше гражданства, а для сынов человеческих, для истинно интеллигентных потомков, — места, политые кровью их предков, должны обращаться, конечно, в памятники от-

цам, в священные музеи. Вообще разоружение было преждевременно, не говоря уже о том, что враг был только стеснен, а не уничтожен. У нас есть еще враги; Средняя Азия высылает к нам не орды только, но и иссушающие ветры, которые производят даже большие опустошения, чем самые орды; а Запад грозит нам постоянно ливнями — потому-то разоружение и было преждевременным. Повсеместное же устройство музеев есть восстановление кремлей, острожков и сторож как выражение сторожевого положения, но не против себе подобных, а против силы слепой, порождающей и многодожде, и бездожде, неурожай хлебов и урожай болезнетворных микробов. Это восстановление доказывает, что и нужно было не уничтожение, а лишь превращение военно-сторожевого в мирно-сторожевое.

Нужно заметить, однако, что музей и храм к пятидесятинице юбилейного года открытия мощей святителя Митрофана (1932 г.) был построен не на острове, как предполагалось это раньше, а на другом более соответствующем месте, соответствующем тем широким размерам, в которых он осуществлен. — Самое верное начало воронежскому музею в обновленном виде положено было еще в год празднования в 1922 году пятисотлетнего юбилея открытия мощей пр. Сергия, которое десятью годами предшествовало празднованию столетнего юбилея открытия мощей свят. Митрофана (1932 г.). Узнали, что каким-то С. С. еще ко дню пятисотлетия кончины пр. Сергия (1892 г.) было сделано предложение построить, по примеру древней Руси, в один день храм, подобный тому, который был построен самим пр. Сергием с братом (Моск. Вед. 1892 г. 13 сентября № 254-й)². Мысль о построении обыденного храма, которые воздвигались обыкновенно во дни народных бедствий, проникла в народ. А был в то время на Воронеже сильный мор. Собрался народ и порешил всем миром, с благословения духовной и с разрешения светской власти, поставить храм ко дню пятидесятиницы. За недостатком леса решили употребить на построение храма старые рельсы ("Добрый почин", "Русское слово" 1895 г. № 62-й)³; в то время на железных дорогах рельсы из железа стали заменять стальными, и недостатка в этом материале (т.е. в старых рельсах) не было. Построе-

ние храма начали с вечера пятницы, т.е. со дня страдания, и, превратив день покоя, субботу, в труд, окончили его к воскресенью, так что храм этот мог быть назван и обыденным, и трехдневным... К 7-мому августа, ко дню памяти свят. Митрофана, в газете "Дон" была напечатана выдержка из письма митрополита Филарета⁴, в котором говорилось, что какой-то англичанке во сне являлись пр. Сергей и св. Митрофан; явление это было в то время, когда в Англии обнаружилось некоторое стремление к сближению с православной церковью, и святые древней и новой России как бы освящали это сближение. Когда же печаталась выдержка из этого письма в "Доне", в это время шли переговоры о мире между Россией и Англией, и о союзе ее, России, с обеими Британиями, Европейскою и Американскою, которые считались в то время обладательницами моря, как Россия, проникшая в Тибет, и в союзе с Китаем грозившая самой Калькутте, — что и принудило Англию к миру, — могла считаться, хотя и не в прямом еще смысле, обладательницею суши. Англичане ожидали русских со стороны Памира, с Северо-Запада, русские же, совершив изумительный переход, явились с Северо-Востока из Китайского Тибета; это-то и заставило Англию прекратить борьбу. Вспомнили в Воронеже и обет о построении храма св. Митрофану с музеем и решили, обратив рельсовый храм в алтарь, воздвигнуть над ним к столетнему юбилею открытия мощей свят. Митрофана (1932 г.) храм пресв. Троице, храм Богу отцов, с двумя приделами, пр. Сергию и св. Митрофану... А с храмом решили соединить музей с архивами и всеми пособиями для изучения и обучения, т.е. с библиотеками, картинными и скульптурными галереями, всякими кабинетами и обсерваториями, а также и со всеми учебными заведениями, чрез которые только и возможно плодотворное вступление в музей: учебные заведения и архитектурно, по расположению своему, являются как бы входами в храм-музей... Музей, в таком смысле понятый, предназначался к тому, чтобы соединить народ с интеллигенциею, так как музей при этом представлял из себя прежде всего храм, в котором собраны все церковные древности, сохранившиеся в воронежских церквах, собраны и все архивы духовного ведомства, а для изучения церковной архео-

логии и церковной истории составилось особое общество. Затем при храме-музее собраны и все светские архивные памятники, т.е. архивы гражданского и военного ведомств, и такое соединение духовного и светского делает музей губернским и епархиальным, каким он был, впрочем, при самом уже начале, ибо и при самом начале воронежский музей содержал в себе и иконы, церковную утварь, и предметы светского — гражданского и военного быта. Для изучения всего собранного при храме-музее состоит архивная комиссия, или соединение всех служащих, которые и занимаются изучением архивных дел. Цель изучения по источникам юридическо-экономических архивов не теоретическая, а чисто практическая — изучаются условия, при которых должны уменьшаться из года в год преступления и всякие недоразумения, которые требуют судебных и административных разбирательств, и это изучение привело к значительному сокращению дел к юбилею 1998 года; так что в настоящее время ни на судебных, ни на административных учреждениях не лежит уже более проклятия вечно судить, вечно разбирать, и никогда не рассудить, никогда не покончить своих дел; есть уже надежда, что наступит, наконец, время, когда сварливые граждане обратятся в сынов, соединенных не только общим происхождением, но и общим служением Богу отцов в посвященном ему храме-музее, причем не будет нужды ни в надзоре, ни в угрозах наказанием. Участие всех в деле отеческом, в деле познания и управления слепую силою природы служит, как теперь в том убедились, первейшим и необходимейшим условием всеобщего примирения.

В храме-музее, где под кровом Бога отцов воздвигнуты и музей отцов, и школа сынов, все в высшей степени образовательно; внутренняя и внешняя роспись храма так содержательна, что объяснение ее занимает большую книгу. Проект этого храма, как предполагают, был иллюстрирован известным в Воронеже художником Л. Г. Соловьевым. Но и самый внешний вид этого изумительного по великолепию здания имеет в виду не красоту только, а преследует образовательные цели, так на самом музее пол площадки, или вышки, заменяющей обсерваторию, где учащиеся под руководством учащихся познают видимое

движение небесных сфер, обращен в мозаичный план Воронежа; пол средней площадки, где производятся метеорические и астрономические наблюдения, обращен в мозаичную карту воронежского края, а самый двор музея, вымощенный камнем, представляет из себя мозаичную карту всей России, и все эти карты есть работа самих учеников под руководством учителей. Склоны холма, на котором расположено все здание, обращены в геологические разрезы по длине всей России от незамерзающего порта на Мурмане, на рубеже двух океанов, и до незамерзающего же порта в Великом океане, в Желтом море. Вокруг же расположен ботанический и зоологический сад для наглядного, практического изучения ботаники и зоологии... Музей стал общим пособием для всех учебных заведений, духовных и светских, гражданских и военных, мужских и женских, как при изучении местной истории, т.е. участия края во всей русской и всемирной истории, так и при изучении местной природы края в видах участия его в деле управления слепую силою земной планеты, насколько это доступно людям конца XX века, а также и в видах дальнейшего движения в этом направлении. Музей стал таким общим пособием, сделался, можно сказать, книгою, иллюстрируемою картинными и скульптурными галереями, объясняемою и продолжаемою всякого рода опытами и наблюдениями, и он достиг этого трудами самих учащих и учащихся и пожертвованиями местных жителей, сознавших, что лучшего употребления из своих средств, а особенно из своих разного рода собраний (каковы у Паренаго, Беляева, Бухонова и пр.)⁵, они сделать не могут, как отдав их музею. В высшей степени замечательно доставшееся музею от Л. Г. Соловьева собрание образцов иконописных и живописных особенно известных воронежских мастеров, историком которых он и был. Л. Г. Соловьев был известен Воронежу не только как художник, но и как искусный педагог, человек редкого бескорыстия, обративший праздники, из дней отдыха и покоя, в дни бесплатного труда, посвящая их на службу существовавшей в Воронеже рисовальной школе. Всякий же путешественник из воронежского края (а путешествия ныне стали необходимым завершением образования и воспитания), по России и за границей, считал священным

зу учащихся, доставлять копию с картин знаменитых художников, снимки с скульптурных произведений, виды различных посещенных им мест и проч. Особенно хороша коллекция, собранная на севере, в Швеции, Норвегии, в Финляндии и, главным образом, на Мурмане, где возникла потом, у незамерзающего порта, полярная столица, или — вернее, резиденция на время последней борьбы с всемирной морской державой, после чего был заключен с нею, как сказано, союз, направленный уже не против себе подобных, а против врага, которого также следует называть врагом лишь временным, а другом вечным, против природы, смертоносной силы, накануне, быть может, превращения ее в живоносную. Путешественник, составивший эту коллекцию, уроженец соседней губернии, он очень долго занимал видный служебный пост в Воронеже⁶. Пароход добровольного флота "Воронеж" также счел своим долгом доставлять музею города, имя которого он носит, вместе с пасхальными и новогодними поздравлениями, особенно характерные предметы для ознакомления учащихся с дальним востоком, — который к нам все более и более приближается. А в самом музее мы видели изображение самого этого парохода, сохранившего тип крейсера, и портреты всех служащих и служивших на нем.

Музей стал, конечно, и прежде всего — объединением преподавателей всех учебных заведений в виде учебных кружков по всем отраслям знания; он привлекает к себе и любителей, особенно из молодых, только что окончивших курс, чтобы знания, приобретенные ими, не остались бесплодными, и чтобы провинции были избавлены от нарекания, будто в них только забывается то, что приобретается в столицах и университетских городах, — как это было в XIX веке.

Собрав, какие можно было найти изображения деятелей старого времени, музей поместил в себе портреты уже всех служивших в год учреждения его в новом виде, т.е. в 1932 году; и в этом никакого новшества не было, потому что на выставке еще сто лет тому назад, в 1898 году был портрет рядового печатника, отличившегося только тем, что он прослужил 45 лет; с этого же года, т.е. с 1932 г. портрет каждого вновь вступившего на службу в Воронеже, одновременно с его вступлением, вносился и в

Воронеже, одновременно с его вступлением, вносился и в музей. Но что особенно важно, это внесение портретов не только самих служащих, но и их жен и детей, это указывает на начавшееся с того времени решительное преобладание родственного над юридическим, и на выставке 1998 года многие нашли в музее изображения не только своих дедов и отцов, но и матерей, с их автографами, с обзором их жизни и вообще со всем, что может придумать любовь сынов и дочерей к умершим отцам и матерям.

Таким образом, музей есть создание любви сынов и дочерей к отцам и матерям — любви, усиливающейся по смерти их, а с другой стороны — музей, как содержащий в себе учебные и воспитательные учреждения, есть выражение любви родителей, действующих как один человек, которые увеличивают музей, уменьшая свои частные жилища, так что эти последние архитектурно представляются "службами" музея, а живущие в них действительно несут добровольную службу музея.

Музей есть живое подобие пресв. Троицы, подобие любви Сына и св. Духа к небесному Отцу, и любви Отца к Сыну и св. Духу. Конечно, подобие было бы полным в таком только случае, если бы любовь сынов и дочерей к умершим отцам доходила до возвращения им жизни, а любовь отцов к сынам до избавления их от смерти. Рост музея обуславливается не одним только уменьшением роскоши частных жилищ, музей тем более разрастается, чем более уменьшаются тяжбы и всякого рода раздоры; так что музей есть произведение тех сил, которые в XIX веке растрчивались на взаимную борьбу в разных ее видах, и в этом отношении музей составляет подобие Троице единому Богу, как образцу единодушия и согласия.

Союз с Китаем, заключенный во время последней борьбы с Англией, стал союзом священным, союзом душевным, а не таким лишь, который основан на общности интересов. Запад с тех пор утратил значение авторитета, и Русь в XX веке стала, наконец, Русью, стала сама собою, а 5-ое сословие, крестьянство всех стран, по духу везде оказалось русским, подобным китайскому, и имя Китая стало синонимом всего живого и великого. Опасения Европы, что она будет наводнена китайскими баснословной дешевизны рабочими, не оправдались, — эмигра-

ция китайцев направилась за тропики, к экватору, в жаркий климат, где европейцы ни к какой работе не способны.

Народность в XIX веке была мечтой, а в XX-м стала действительностью. Дух родства вытеснил все противоположное — все юридическое и экономическое. В Китае, где каждая семья имеет храм предков (музей), вся наука, во всей ее полноте, стала на службу отцов — на службу отцов, как одного отца, а не отца каждого в отдельности. История обратилась в поминовение, а все естествознание стало путем к оживлению отцов. Наука XIX века, заметив, "что повсюду в природе идет непрерывная борьба, всегда кончающаяся гибелью более слабого", и преклоняясь пред фактом, возвела этот факт в закон и начертала на фронтоне своего храма: "Смерть слабым, малоприспособленным! Да здравствует непрерывная, кровавая борьба" (Лебон⁷, Лавиз⁸, см. ст[атью] Эльпе⁹ — "Окружающая среда и человеческая жизнь", "Новое время" № 7990-й, от 28 мая 1898 г.). Теперь же, в конце XX века, думают, что природа человеку не указ, думают, что не человек природу, а природа должна слушаться человека. Психология раскрыла соотношение наружности с внутренними свойствами, раскрыла внутреннее родство и, положив его в основу общества, упразднила то, что в XIX веке называлось социологию, в XX веке самое слово это вышло из употребления, заменившись "фратрологией", или вернее, братотворением; психократия — то же, что братотворение, — стала прикладною наукою психологии; душа перестала быть потемками, а наружность обманчивою; взаимознание стало в основу общества, которое держится уже не внешним законом, не надзором и не карами наказаний, как общества юридические, из коих изгнано чувство и вынута душа. Классические и, вообще, все иностранные языки заменились наукою корней всех языков, раскрывающею родство всех народов и обещающею в недалеком будущем общий естественный, а не искусственный, в роде воляпюка, язык; все относящееся к религии и земледелию, т.е. к регуляции, к общему для всех делу, даже теперь, в конце XX века, носит уже по всей земле одни и те же названия. XX-й век есть век музеев, т.е. мест не поминовения умерших, а их оживления, путем исследования

умертвляющей силы природы — в этом и открылся сынам умерших отцов смысл жизни и цель знания, тогда как XIX век был веком критики, утратившим и смысл жизни, и цель знания. Утрата смысла жизни и цели знания была замечена еще в последней четверти прошлого, т.е. XIX века, замечена пользовавшимся тогда большою славою писателем Золя. И это делает большую честь Золя, которая, впрочем, умалется тем, что, заметив факт, Золя преклонился пред ним, признав, будто так и быть должно. Такое отношение к основному вопросу — о смысле жизни и цели знания, от разрешения которого зависит самый стимул жизни, отношение писателя, признававшегося тогда знаменитым, к голосу которого прислушивались многие, свидетельствует, до какого нравственного падения дошли люди конца XIX-го века.

*Дон. 1898. 14 июня, № 64.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.*

¹ В 1832 г. по инициативе губернатора Д. Н. Бегичева в Воронеже обсуждался вопрос об увековечении памяти Петра I. На Острожном бугре проектировался обелиск в честь царя. В цейхгаузе предполагалось устроить храм во имя св. Митрофана, а в одной из комнат открыть музей Петра I. Намерение не было реализовано, в 1876 г. цейхгауз передали под Яхт-клуб.

² См.: *Сергей**** [Слуцкий С. С.]. К 500-летнему юбилею преподобного Сергия. Храм св. Троицы при Румянцевском музее // *Московские ведомости*. 1892. 13 сент., № 254.

³ Б. *Добрый почин* // *Русское слово*. 1895. 5 марта, № 62. В заметке идет речь о том, что рабочие Бежицкого завода соорудили в один день храм из старых рельс.

⁴ Речь идет о письме митрополита Филарета (Дроздова) к архимандриту Антонию (Медведеву), наместнику Троице-Сергиевой лавры, от 2 октября 1838 г.: "Одна англичанка, которая любит святых православной церкви и видела во сне преп. Сергия и святителя Митрофана, открыла свое верование одному путешествующему английскому пастору и изощрила его любопытство ближе узнать нашу церковь. Я дал в Москве поручение руководствовать его к познанию нашей древности и святыни. Если он будет в Лавре, примите его со вниманием, употребляя переводчиком кого-нибудь из академии". — Письма митрополита Московского Филарета наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1831—1867 гг. М., 1877. Ч. 1. С. 297. Н. Ф. Федоров неоднократно возвращался к этому сюжету в своих письмах.

⁵ Паренаго Михаил Павлович (1852—1920-е гг.), Беляев Павел Григорьевич (1839—1900), Бухонов Константин Иванович (1858 — после 1917) — воронежские коллекционеры, участвовали в выставках губернского музея.

⁶ Речь идет о писателе Евгении Львовиче Маркове (1835—1903). Уроженец Курской губернии, с 1887 г. жил в Воронеже, управляя местным отделением Дворянского и Крестьянского поземельных банков. Предпринял ряд путешествий по Скандинавии, странам Южной Европы и Азии. Участвовал в музейной Рождественской выставке. См.: Воронежский телеграф. 1895. 28 апр., № 47 (26 апреля Марков выехал в большое путешествие с научно-литературной целью — в Грецию, Черногорию, Сербию и другие славянские страны). См. о нем: *Литвинов В. Е. Л.* Марков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г. Воронеж, 1904. Отд. IV. С. 1—10.

⁷ Лебон Гюстав (1841—1931), французский психолог и антрополог.

⁸ Лависс Эрнест (1842—1922), французский историк. Занимался изучением истории Германии, стремясь найти объяснение ее военным и политическим успехам в правильной постановке высшего образования.

⁹ См.: *Эльпе* [Попов Л. К.]. Окружающая среда и человеческая жизнь // Новое время. 1898. 28 мая, № 7990.

МУЗЕЙ Л. Г. СОЛОВЬЕВА В ВОРОНЕЖЕ

В Воронеже, как оказывается, не один только музей губернский, известный своими выставками, а есть и еще музей, музей частный и малоизвестный, по крайней мере, о нем очень мало говорят, хотя этот музей и принадлежит очень известному в Воронеже художнику Л. Г. Соловьеву. Этот музей даже не называют музеем, хотя он, несмотря на свою малость, вполне заслуживает это священное имя. Созидатель этого музея, как мы слышали это от него самого, поставил себе целью — "спасать от смерти"; а иногда, как говорят слышавшие от него же, к словам "спасать от смерти" он прибавляет "что можно". Выражение — "спасать от смерти" — очень характерное для музея, насколько не теряет и от прибавки — "что можно", потому что эта прибавка указывает лишь на могущество и силу врага, с которым должен бороться истинный музей. — Чтобы выразить истинное положение в данном случае, т.е. истинное положение музея Л. Г. Соловьева, — к словам "спасать от смерти" — надо бы прибавить "что можно и насколько это возможно одному человеку в отдельности"; и это не предreshало бы и того, что может совершить род человеческий в совокупности, объединившись как один человек. Эта цель — спасение от смерти, — выраженная не на словах, а на самом деле, возводит небольшой домик Л. Г. Соловьева вместе с небольшим при

нем садиком, переполненные скульптурными и живописными изображениями, в истинный музей. В садике при доме нет деревца, нет кустика, который не служил бы памятником людей, с которыми был близок хозяин. Судя по множеству изображений в разных видах, изображений всякого рода, скульптурных и живописных, к создателю музея ближе всего одно лицо, которое он и хотел бы, конечно, более всех отвоевать, или спасти от смерти. Это лицо — его жена, по-видимому, уже давно умершая; но он этой давности не признает, и, кажется, не любит даже вопросов этого рода: для него она не погребена еще и даже не умерла. Правда, мы видим ее — распростертою, лежащую, бледную, неподвижную, т.е. в том состоянии, которое было и осталось для нас загадочным, непостижимым чудом¹; но Лев Григорьевич, кажется, тотчас же, как только жена его была сокрыта под землю, начал восстанавливать ее, и мы тут же, рядом с бездыханною, видим ее полную уже жизни, силы, здоровья, что для нас и желаннее, и даже понятнее. В саду, в высоком как бы киоте, или вернее — часовне, находятся оба эти изображения — изображение лежащей, умершей, и изображение уже живой или еще живой, уже ожившей или еще не умершей. Как трудно отличить восходящее солнце от заходящего, так трудно решить и этот вопрос. Но как художественное произведение, после смерти созданное, нужно признать ее оживленною, будущею, а не безнадежно прошедшею, для которой нет другого существования, кроме портретного.

Этот домик, обращенный в музей, и садик, освященный подобием надгробного памятника, не есть место для развлечения или гулянья, и не место для мечтательных особ. Этот музей, которому часовня придает священное значение, есть вместе и школа живописи, школа бесплатная, открытая для всех желающих научиться любимому создателем музея искусству; и при том это школа живописи исключительно с натуры, и все в ней к этому приспособлено — и терраса при доме, с которой открывается превосходный вид, и особый стол в садике при доме. Живет в этом домике-музее человек бодрый, деятельный, скульптор и живописец, всех принимающий, готовый всех научить своему искусству и твердо верящий, что каждый и может научиться... Он как бы всех желает сделать ри-

сующими, живописующими, как бы оживляющими, спасающими от смерти. Это человек не XIX-го, а XX-го века, живущий в прошлом и постоянно работающий для будущего, — для него прошедшее имеет будущность. Но главным учителем он признает природу и никаких посредников между природою и живописцем он не допускает, и даже самого себя, по-видимому, считает не наставником, уступая это место природе, а лишь ассистентом и, самое большое, помощником ее. Пять выставок картин учеников этого учителя свидетельствуют о верности и успешности его метода, метода рисования с природы.

В России вообще много самоучек; это и понятно — в стране, где мало учителей, где некому учить, там сами учатся. Из этого можно заключить, что со временем все взрослые будут учителями, а малолетние — учениками. Но Воронеж и Воронежская губерния дали, по-видимому, особенно много самоучек, а наиболее из них выдающийся — это и есть Л. Г. Соловьев. В детстве он был поводырем слепых, был пастухом, и постоянно — углем, мелом и всем, чем только можно было, что попадалось ему под руку, и на всем, на чем только возможно, он рисовал все, что видел. Заметил это какой-то проезжий иконописец — и выпросил Л. Г. Соловьева к себе в ученики, но учиться у этого учителя Соловьеву было нечему; вскоре он превзошел своего учителя и наконец достиг такого совершенства, что произведения его были приняты на выставки и доставили ему почетную известность. С 1861 года Лев Григорьевич окончательно поселился в Воронеже, а в 1869 году купил себе дом², который превратил в музей. В 1896 году можно было бы праздновать тридцатипятилетний юбилей пребывания Л. Г. Соловьева в Воронеже, а в будущем 1899 году исполняется тридцатилетие созданного им музея, считая начало его со времени покупки им дома. Эти несколько лишь черт из жизни Л. Г. Соловьева свидетельствуют, до какой степени было бы интересно его жизнеописание подробное; пожелаем же, чтобы он, спасая от смерти других, дал бы возможность и другим содействовать спасению его самого; пожелаем, чтобы он составил свою автобиографию³, которая будет значительным пополнением напечатанной им в газете "Дон" исто-

рии живописи в воронежском крае⁴, — вернее, это будет самый крупный вклад в эту историю.

*Дон. 1898. 23 июля, № 78.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, д. 2.*

¹ Рисунок Л. Г. Соловьева, запечатлевший жену Александру Александровну (? — 1892 или 1893) на смертном одре, сохранился в фондах Областного художественного музея им. И. Н. Крамского.

² Дом Л. Г. Соловьева находился на ул. Консistorской (ныне ул. Фрунзе), недалеко от Спасской церкви, до наших дней он не сохранился. Об истории дома см. статью М. И. Луновой (Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Ч. 1. Воронеж. 1984. С. 69—73).

³ Попытка напечатать в 1898 г. автобиографию Л. Г. Соловьева в воронежских газетах или в журнале "Русский архив" не удалась. Она была опубликована только в 1902 г. См.: *Соловьев Л. Г. Крестьянин-художник: (К биографии одного из сынов народа)*. С предисл. Е. Л. Маркова // Новое дело. 1902. Сентябрь. С. 7—50.

⁴ Воспоминания Л. Г. Соловьева "Живопись и рисование в воронежском крае" помещены в газете "Дон" с 14 мая по 5 июля 1898 г. (№ 52, 58—60, 63, 68, 69, 71).

ПРИЗЫВ

(Посвящается Н. Ф. Федорову)

Брат, проснись! Зарею ясной
Засиял восток:
К жизни вечной речью страстной
Нас зовет пророк.
Ночь неведенья минула,
Знанья день встает;
Все, что замерло, заснуло,
В жизнь Любовь зовет, —
В жизнь — на подвиг неустанный
Общего труда,
Чтоб настал нам день желанный,
Светлый день, когда
Знаньем движимые силы
И всеобщий труд
Спящим в сумраке могилы
Жизнь воссоздадут,
И, встряхнув оковы тленья
С праха мертвецов,
Возвратят день воскресенья
Сыновьям отцов.

В. А. Кожевников

Автор этого нигде еще не напечатанного стихотворения — тот же В. А. Кожевников, который написал большую книгу — "Философия веры и чувства" и, приняв расходы по напечатанию на себя, всю с нее выручку пожертвовал воронежскому губернскому музею; книга эта, как мы слышали, уже разошлась. Тот же В. А. Кожевников написал разбор взглядов на труды Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого под заглавием "Бесцельный труд, "неделание" или дело"¹, и доход и с этого своего произведения В. А. Кожевников пожертвовал Качимской школе, Городищенского уезда, Пензенской губернии, к сожалению, малоизвестной, но замечательной тем, что в постройке ее принимали участие сами дети-ученики и их отцы, и постройка ее напоминает построение наших древних обывденных храмов². В этом последнем сочинении, выдержавшем два издания, язык которого профессор моск[овской] дух[овной] академии Введенский назвал колоритным³, а "Вестник Европы" удостоил язвительной рецензии⁴, в этом сочинении В. А. Кожевников, оспаривая мнение Золя и гр. Л. Н. Толстого, из которых первый в известной речи к парижским студентам призывал молодежь к труду, но бесцельному, а второй выступил с проповедью — "не-делания"⁵, оспаривая взгляды этих писателей на труд, В. А. Кожевников старался определить, в чем заключается настоящее дело, но это определение, по нашему мнению, далеко уступает в ясности определению дела, заключающемуся в вышенапечатанном стихотворении, а также и в стихотворении того же автора "Да придет царствие Твое", напечатанном в № 11 "Русского Вестника" за прошлый 1897 год⁶. Тому же В. А. Кожевникову принадлежит статья — "Стены Кремля, что они есть и чем должны быть"⁷. Это сочинение, по нашему мнению, весьма удачно разрешает роковой вопрос для памятников, коих поправки — лишают древности, а оставление без поправок подвергает разрушению; — автор предлагает способ показать стены Кремля не только такими, каковы они ныне есть, но и такими, какими они были в самые древние времена; в настоящее время Кремль, этот алтарь России, по выражению Александра III, где вскоре будет открыт новый памятник Царю-Освободителю, из опасения нарушить древность оставлен, можно сказать, своей

судьбе, т.е. естественному разрушению. Свою статью о стенах Кремля автору следовало бы назвать "Плачем Кремля", как он уже назвал одну из своих статей — "Плач московских церквей"⁸, и плач этот был услышан особою, которая не только имеет сердце, способное внять слезам, но и возможность утешить плачущих. Тому же автору принадлежит статья "Международная благодарность"⁹, т.е. благодарность, которую воздал прусский король Кремлю в Москве, принесенным в жертву за спасение Европы, — преклонив колена на вышке нынешнего московского Румянцевского музея, стоящего на второй Поклонной горе пред Кремлем, т.е. пред алтарем России, как назвал его Александр III. Мы не будем исчислять здесь все произведения В. А. Кожевникова, предоставляя библиографам составить полный список всех его сочинений, напомним лишь, что первое его сочинение было напечатано, если мы не ошибаемся, в 1874 году¹⁰, так что в будущем 1899 году исполнится двадцатипятилетие литературной деятельности В. А. Кожевникова¹¹.

Дон. 1898. 6 августа. № 84.

¹ См.: *Кожевников В. А.* Бесцельный труд, "неделание" или дело? М., 1893; М., 1894.

² Речь идет о возведении в 1892 г. церковно-приходской школы в мордовско-русском селе Качиме Городищенского уезда Пензенской губернии, осуществленном совместным трудом взрослых и детей.

³ См.: *Введенский А.* К характеристике современных настроений: Вторая стадия подъема // *Богословский вестн.* 1894. № 4. С. 161—165.

⁴ См.: [Гольцев В. А.] Бесцельный труд, "не-делание" или "дело"? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на труд // *Вестн. Европы.* 1894. № 3. С. 422—429.

⁵ Имеется в виду статья Л. Н. Толстого "Неделание" // *Северный вестн.* 1893. № 9. С. 281—304.

⁶ См.: *Кожевников В. А.* Да придет Царствие Твое. Посвящается Н. Ф. Федорову // *Русский вестн.* 1897. № 11. С. 288—290.

⁷ См.: *Он же.* Стены Кремля // *Русский архив.* 1893. № 11. С. 365—377.

⁸ См.: *Он же.* Плач церквей московских // Там же. 1893. № 6. С. 288—299.

⁹ См.: *Он же.* Международная благодарность // Там же. 1896. № 2. С. 257—265.

¹⁰ Имеется в виду книга В. А. Кожевникова "Нравственное и умственное развитие римского общества во II в." (Козлов, 1874).

¹¹ О В. А. Кожевникове см.: *Русские писатели. 1800—1917; Биографический словарь.* Т. 2. М., 1992. С. 586—588.

СМЕСЬ

В пространном фельетоне неизвестного автора, помещенном в "Нов[ом] Вр[емени]", под заглавием "Разоружение. Как орудие разрушения обратить в орудие спасения?"¹, высказывается оригинальное предложение воспользоваться существующими армиями и военными средствами для исследования важного вопроса о влиянии выстрелов на атмосферные явления. Напоминая об отзывах некоторых ученых, не считающих невозможным вызывание искусственного дождя путем производимых на известной высоте взрывов, автор находит поспешным пессимистическое заключение одесского технического общества по поводу производившихся несколько времени назад в Америке опытов в этом направлении, неудача которых, по мнению автора, обуславливается их неправильною постановкою. Предлагая воспользоваться для этой цели военную организацию, автор видит в этом применении военных сил способ извлечь наибольшую возможность из нынешних огромных расходов на оборону страны.

Способ вызывания дождя, как основанный на данных, собранных на полях сражений, может быть испытан надлежащим образом, надлежащим образом проверен только чрез посредство войск, и это без всяких миллионов, без всяких особых затрат на такие испытания, стоит лишь правительству вменить в обязанность артиллерийским командам, и вообще войскам, конным и пешим, вооруженным огненным боем, производство метеорологических наблюдений, как в военное, так и в мирное время — на учениях и маневрах — перед стрельбою, во время и после стрельбы, т.е. стоит лишь обратить артиллерию в средство исследования, а артиллеристов и, вообще, войска — в исследователей влияния взрывчатых веществ на атмосферные явления, что ни в каком случае не уменьшит их боевой силы на случай крайности, которая, впрочем, станет даже невозможною при успешности исследования, т.е. если окажется, что взрывчатые вещества, действительно, могут быть средством управления атмосферными явлениями. Только этим путем, т.е. чрез войска, и возможно разрешить, какое именно действие производит артиллерийский огонь, стрельба и, вообще, взрывчатые вещества на

атмосферные явления — разгоняют ли они облака, как думают некоторые, или же вызывают дождь?.. Возможно, даже несомненно, что в различных случаях действие будет различно; возможно, что различие при этом в действии будет объяснено количеством выпущенных снарядов, состоянием атмосферы, условиями местности и т.п., а если различное действие стрельбы найдет свое объяснение в этих обстоятельствах, в таком случае стрельба дала бы точный опыт, опыт активный, определяемый числом, мерою, весом, вместо нынешних пассивных, почти ничего не говорящих метеорологических наблюдений. Но самое важное при этом будет заключаться в обращении военного дела в исследование, в изучение природы, и в обращении войска к такому изучению выразится новое его назначение; этим будет положено начало превращению, или переходу от неестественного в нравственном, т.е. родственном, братском отношении действия — от борьбы с себе подобными — к естественному разумному действию на слепые, неразумные силы природы, поражающие нас засухами, наводнениями, землетрясениями и другими всякого рода бедствиями, к действию на слепые силы, ставящие нас, разумные существа, в неестественную от них зависимость. Если же огненный бой, т.е. артиллерийский и ручной огонь, оказался недостаточно сильным, чтобы производить разрежение воздуха, т.е. уменьшение воздушного давления, и тем изменять направление воздушных токов, или ветров — при чем только и возможно действительное регулирование — в таком случае можно присоединить к нему способ известного (по основанию харьковского университета и учреждению министерства народного просвещения) В. Н. Каразина, заключающийся в поднятии громоотвода в верхние слои атмосферы, на привязанном воздушном шаре, в видах извлечения оттуда грозовой силы, что не может не действовать на движение облаков, а следовательно, и может указать способ управления движением туч небесных. Возможность такого действия признают, между прочим, Бодуэн² и Лодж³; последний полагает, что нет ничего невозможного в надежде управлять электрическим напряжением атмосферы, а следовательно, и погодою ("Наука и Жизнь", № 15 и 16-й, 1894 года, "К вопросу о памятнике Каразину"). Опыты и

с этим орудием не потребуют никаких особых трат, если они будут вменены в обязанность войску, ибо воздушный шар, если и не вполне еще сделался, то уже делается военным орудием.

Дон. 1898. 12 ноября, № 125.
ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

¹ Имеется в виду статья Н. Ф. Федорова, помещенная анонимно в газете "Новое время" (1898, 14 окт., № 8129). На следующий день "Торгово-промышленная газета" поместила краткую аннотацию и выдержки из статьи. Заметка из "Торгово-промышленной газеты" и была перепечатана в Воронеже. Полный текст статьи см.: *Федоров Н. Ф. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 267—276.

² Бодуэн — французский ученый второй половины XIX в.

³ Лодж Оливер Джозеф (1851—1940), английский физик, занимался исследованием атмосферного электричества.

ПИСЬМО Г. С. ВАШКЕВИЧУ

Извините меня, если я позволю себе сказать здесь, что был в высшей степени изумлен, услышав, будто люди, призванные *жизнь свою положить* и вынужденные силою долга для защиты одних лишать жизни других, — что такие люди недостойны будто бы послужить даже делу умиротворения, т.е. достижению такого состояния, при котором люди не убивали бы только или хотя бы даже не вредили друг другу. Пораженный совершенно неожиданно этою мыслью, я не мог тогда ничего Вам возразить, а потому и решаюсь написать Вам... Нам (пишу не от одного себя), напротив, *умиротворение* кажется делом слишком несоразмерным с тою добродетелью, которая требуется от полагающих свою жизнь для защиты других, с тою добродетелью, выше которой ничего не нашло само Евангелие, по крайней мере, для людей в отдельности. Единственное дело, которое могло бы удовлетворить защищавших своих с потерей не только собственной жизни, но и с вынужденным лишением жизни других, это — не умиротворение, а оживотворение — участие в деле всеобщего воскрешения; войско же, обращенное в естествоиспытательную силу, — (как это говорится в статье "Разоружение", а не производящее лишь выстрелами *искусственный якобы дождь*, как это сказал на лекции, оче-

видно, не читавший статью профессор)¹ — и приводит к этому; потому что естествоиспытательная сила, которою при *действительно* всеобщей воинской повинности делается весь род человеческий, обращает естественную силу природы из умерщвляющей в оживляющую и из смертноносной в живоносную.

Война — это страшная нравственная антиномия. Отказаться от защиты подвергшегося нападению по большей части слабого против сильного — это не есть *непротивление*, а величайшее преступление, участие в убийстве, и притом слабого — сильным, обиженного — обидчиком, быть может, безоружного — всеоружным. Если же будем защищать одних и при этом поневоле будем убивать других, в этом преступления хотя и не будет, но лишение кого бы то ни было жизни все же остается величайшим злом, а потому воскрешение есть единственное разрешение этого противоречия. Воскрешение и необходимо потому, что понесшие утрату не могут согласиться ни на какую замену, ни на какое вознаграждение, кроме действительного возвращения жизни. Лишить же возможности возвращать жизнь в отношении вынужденных убивать других, защищая своих, было бы величайшею несправедливостью, а в отношении убивающих невынужденно равнялось бы лишению их возможности искупления.

И вовсе не одни военные поставлены в необходимость убивать; строго говоря, умерших нет, а есть только убитые. И гражданские убивают, и словом и всеми способами, убивают не по тяжелой лишь обязанности или необходимости, а иногда и по злобе; но если уже военных считать преступниками, то во сколько же раз преступнее гражданские?! И почему в военных Вы видите только убивающих, т.е. осужденных убивать, и не видите в них и идущих также положить свою жизнь?! И кому же желательнее прекращение войн, как не военным? Поэтому от них-то именно и должно ожидать самого искреннего и горячего участия в деле умиротворения, и не потому только, что война им самим грозит смертью, а главным образом, быть может, именно потому, что во время войны они вынуждены убивать других. И как можно считать недостойным великого дела людей, которые гибнут, томимые жаж-

дою, под жгучими лучами солнца, в пустынях Туркестана, гибнут в ледниках, на вершинах Альп, в снегах Балканских гор и пр.

Во всяком случае, сознавая и себя грешными, виновными в вытеснении других вольном или невольном, мы не осмелимся считать недостойными великого дела даже биллионеров, хотя для умиротворения, как сказано в статье "Разоружение", биллионы и миллионы не нужны. Чтобы не нуждаться в миллионах, мы и предлагаем ввести в войска, которые, как все признают, уничтожить в настоящее время нельзя — а мы думаем, что и не следует уничтожать, — хотя бы пока метеорологические лишь наблюдения во время учений, маневров и т.п.; и эти наблюдения, в связи со стрельбою, дадут, можно надеяться, "точный опыт", как сказано в статье "Разоружение", "опыт активный", определяемый числом, мерою, весом". Нужно не уничтожать даже зло, чего и сделать нельзя, а превращать его в добро. В этом и заключается смысл заповеди, повелевающей не противиться злу злом...

Не будучи еще знаком с Вами лично, я знал Вас за человека в высшей степени справедливого, за человека, который служит украшением общества, как выразился о Вас один также весьма почтенный человек, а потому Вашу несправедливость относительно войска и военных я приписываю только недоразумению.

Примите уверение в совершенном почтении и всегда готового к Вашим, Милостивый Государь, услугам

22-го ноября 1898 года. г. Воронеж

P.S. Позволяю себе обратить Ваше внимание на письмо к редактору "Дона", которое на днях будет напечатано в этой газете, по поводу отзыва о статье "Разоружение" — в Саратовском Дневнике. Я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным напечатать и это письмо, с Вашим на него возражением, если же не сообщите, [не пришлете] ли мне Ваши возражения просто в письме. Желая этого в видах разъяснения дела, которое не могу не считать делом великой важности и стоящим того, чтобы о нем говорить. Думать, что умиротворение возможно в силу таких договоров, не ведущих к расширению области знания и не имеющих никаких ручательств и гарантий за их ненарушимость, о которых говорил профессор в своей лекции

20-го ноября, было бы уже слишком наивно и может быть извинительно лишь профессорам и ученым, действительной жизни не знающим.

ОР РГБ, ф. 657, карт. 9, № 63, л. 1—4.

¹ Речь идет о лекции проф. Комаровского о разоружении, прочитанной в Воронеже 21 ноября 1898 г.

ДВА ПИСЬМА Л. Г. СОЛОВЬЕВУ¹

I

Глубокоуважаемый Лев Григорьевич

К глубокому прискорбию моему узнав о Вашей раз-
молвке с Н[иколаем] Павл[овичем] Петерс[оном] — наде-
юсь лишь временной — я усерднейше прошу Вас не ос-
тавлять дела, предпринятого Вами, — иллюстрации
внешней росписи храма, которой начало уже Вами поло-
жено. Икона-картина, которую Вы показывали на празд-
нике Рожд[ества] Христова, даст всем видеть то, что мы
лишь услышим на утрени приближающегося Великого
Пятка. Вам выпал прекрасный жребий показать всем
Сына в Отце и Отца с нашими предками в душе Сына,
которые своим единением в Боге призывают к миру нас,
своих потомков. И в какое время? Когда собираются
представители всех народов земн[ого] шара², чтобы водво-
рнуть мир на земле. Прилагаемый при сем очерк Иконы-
картины "Первосвященнической Молитвы"³, несмотря на
свое крайнее литературное несовершенство, значительно
улучшился, если бы к нему был присоединен фотографи-
ческий снимок с Вашего произведения.

Прилагаю прекрасное стихотворение с эпитафией из
паремии на Утрени Свят[ой] и Великой Субботы.

Надеюсь, что Ваш гнев на Ник[олая] Павл[овича]
Пет[ерсона] Вы не перенесете на меня, который никаких с
Вами прений не имел, а даже высказал свое глубокое
расположение и уважение в статьях: Музей Л. Г. Соловь-
ева и Воронежский Музей в 1998 [году] — статьи, не по-
лучившие известности, забытые, б[ыть] м[ожет] и Вами.

*С истинным почтением
имею честь быть*

Н. Федоров

*Воронежский художественный музей им. И. Н. Крамского,
коллекционный фонд Л. Г. Соловьёва, конверт 5, № 121.*

¹ Письмо датируется по своему содержанию периодом между августом 1898 г. и апрелем 1899 г.

² Имеется в виду конференция по ограничению вооружения, которая открылась в Гааге 6 (18) мая 1899 г.

³ Первосвященническая молитва — евангельская молитва Иисуса Христа за оставляемых учеников и за весь мир: "Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино". Молитва легла в основу иконы-картины Л. Г. Соловьева. Н. Ф. Федоров написал о картине статью, публикуемую ниже, и набросок "Что общего между Конференциею мира и иконою-образом Первосвященнической молитвы" (см.: *Федоров Н. Ф. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 315—316).

II¹

В Вашем эскизе "Первосвященной молитвы" можно видеть даже, как создается 4-ое Евангелие, четвертое по времени лишь и первое по значению. Иоанн, весь обратившийся во внимание, слушая первосвященническую молитву, или присутствуя при беседе Сына с Отцем, не может не видеть в Лоне Отца Сына, окруженного сиянием, славою до создания еще мира, по свидетельству самого Сына. Видя же Славу Единородного у Отца, не может уже не сказать, что Слово, которое он слышит, было как *логос в начале у Бога*.

Созерцая же в душе Сына неизгладимыми чертами написанный светлый образ Отца, не мог не сказать, что Сей, носящий этот образ, *был искони к Богу*. Поэтому надо полагать, что картина не была бы закончена, если бы в душе Иоанна не была повторена картина первосвященнической молитвы, но с другой стороны, Иоанн видит исключительно только Отца и Сына и если и представляет Иерусалим, то только как мир, который должен также увидеть то, что он созерцал, и из мира стать миром.

ОР РГБ, ф. 657, карт. 8, № 53, л. 3—4 об.

Письмо предоставлено для публикации А. Г. Гачевой

¹ Письмо публикуется по недатированному черновику, написанному рукою Н. Ф. Федорова. В фонде Л. Г. Соловьева оригинал не обнаружен.

XXXI-я ГОДОВЩИНА ВОРОНЕЖСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

26 ноября настоящего года, в день открытия воронежского окружного суда (в 1867 г.), как и во все предшествовавшие годы, в здании суда был молебен, а перед молебном г. председатель, И. В. Денисенко, произнес речь, полную глубокого содержания. Он говорил о необходимости для всякого учреждения предания и указывал на воронежский окружной суд, как на пример такого учреждения, которое хранит предания. Председатель суда и сам, очевидно, считает своею обязанностью способствовать всеми возможными мерами к установлению и укреплению преданий в суде, во главе которого он стоит: так, г. председатель заботится о сохранении портретов и всевозможных сведений о всех прежде служивших в воронежском окружном суде, а с 1895 года напоминает собравшимся к молебну о том, чем ознаменовался протекший год. В этот раз председатель указал на два большой важности события, которыми был ознаменован протекший год. 1-е из этих событий — переход суда в новое здание, вполне приспособленное к отправлению правосудия по уставам 1864 года Императора Александра II-го, этого светоча, — как выразился г. председатель, который и в несоответствующей обстановке успел создать из воронежского окружного суда учреждение, выработавшее особый склад характера, словом — предание, требующее лишь заботливого перенесения в новую лучшую обстановку, без всяких урезок и изменений.

Второе еще более важное событие, совершившееся в протекшем году, это — открытие при воронежском окружном суде, несмотря на множество совершенно неожиданных препятствий, общества попечения о малолетних преступниках.

Затем председатель помянул выбывших в текущем году из состава воронежского окружного суда членов П. О. Сидорского¹ и П. С. Филипповского², из которых первый оставался в суде более 20 лет, а второй — более 28 лет. Г. председатель указал на этих лиц, как на пример остающимся еще в суде и вновь в него вступающим; он указал на них, как на людей, все силы свои полагавав-

ших на дело, которому они служили, и это не в чаянии наград или повышений, которых они не добивались: иначе, обладая выдающимися способностями, большими знаниями и трудолюбием, они не оставались бы так долго на своих местах; он указал на них, как на людей, которые не боялись идти и против сухой формальной лишь правды дабы исполнить завет незабвенного законодателя Царя-Освободителя, провозгласившего, что не правда — лишь, но и милость "да царствует в судах".

Тридцать один год существования — срок достаточный, чтобы выработался в учреждении особый склад, характер, укоренились предания, но такой выработке особенно, конечно, способствовала продолжительная службы таких членов учреждения, как — П. О. Сидорский и П. С. Филипповский. Служба последнего почти равнялась существованию самого учреждения — П. С. Филипповский был сверстником, можно сказать, самого воронежского окружного суда. Предание — есть сила, и сила очень могучая, которая вынуждает каждого, вступившего в учреждение, усвоить укоренившийся дух, приспособляться к нему, или же, в случае неспособности и нежелания усвоить дух учреждения, — оставить, выйти из этого учреждения. Серьезное отношение к службе, усвоенное учреждением, не потерпит иных отношений к делу и от вновь вступивших в него, а такое отношение к делу есть первое условие существования всякого учреждения — чтобы оно было живым, деятельным, а не мертвым. Судебное учреждение, обязанное к строгому исполнению закона, может выполнить это свое назначение, действуя лишь супралегально, т.е. делая больше, чем это требуется законом, и только при этом условии суд может быть скорым, — условие в высшей степени важное, если оно достигается не в ущерб внимательности, а следовательно — и справедливости. Самый характер учреждения, свойства его деятельности, обуславливаются укоренившимися в учреждении преданиями. Воронежский окружной суд далек, можно сказать, как от крайностей оправдания при очевидности вины, так и от крайностей осуждения без милости, насколько это зависит, конечно, от самого судебного персонала, который, считая себя вынужденным наказывать — как солдаты на войне вынуждены убивать —

не уклоняется и от этой тяжелой обязанности. Не отказываясь от обвинений, суд не признает, однако, наказания благом, а потому и старается превратить наказания, насколько это возможно, в исправление; забота об этом и выразилась, несмотря на всевозможные к тому препятствия, открытием при воронежском окружном суде общества попечения о малолетних преступниках, которое имеет целью учреждение земледельческих колоний с кустарною, зимнею, промышленностью — таких колоний, которые не только воспитывали бы находящихся в них, но и служили бы образцом для окружающего населения. Учреждение такого общества есть большой, конечно, но первый лишь шаг, за которым должно последовать учреждение общества попечения о преступниках не малолетних, а даже закоренелых. Главная забота этого последнего общества должна состоять в том, чтобы самые тюрьмы стали исправительными школами, так, чтобы можно было надеяться на наступление времени, когда тюрьмы обратятся в храмы-школы, согласно христианскому учению, которое указывает нам разбойника, ставшего выше всех праведников, указывает и на целомудренную блудницу, чин мирносицы приемшую, о подвиге которой, по слову Спасителя, должно быть сказано везде, где будет проповедано Евангелие, а следовательно — и в тюрьмах.

К чести воронежского суда нужно сказать, что он не имеет той слабости нашего века — поставившего в основу нравственности — сознание своего достоинства — слабости считать себя непогрешимым. Воронежский суд, сознавая возможность ошибок в своей деятельности, прибегает к помощи свыше, и каждый новый год своего существования начинает молебном; так он начал и 32-й год своего существования. Пред молебном председатель суда, как сказано, обратился к присутствовавшим с глубоко назидательной речью, которая и навела нас на изложенные здесь мысли.

Конечно, предание есть сила, как это и сказал г. председатель, но чтобы учреждение оставалось верно преданию, чтобы предание было непреодолимо, учреждение должно иметь историю; начало этому в воронежском окружном суде и положено собиранием портретов — (как начало музея, который необходимо порождается предани-

ем) — и сведений о прежних деятелях. — Но, кроме того, необходимо к делам, сдаваемым в архив, присоединять отзывы и мнения о них местной и столичной печати, собирать статьи о делах, производивших в свое время особое впечатление. Дела оконченные и сданные в архив не должны считаться погребенными, они должны стать предметом знания. Для того, чтобы предания не превращались в бессознательные обычаи, нужно, чтобы сами судьи, становясь историками своих дел, образовали из себя ученое общество. Суд, как и всякое учреждение, не может считаться совершенным, пока не станет судящим самого себя. Прожив тридцать лет, суд может уже дела первых годов обращать в предмет знания, исследования, не осуждения или оправдания, а лишь суждения, рассматривая эти дела в связи со всеми другими явлениями жизни и приглашая для этого в свои ученые заседания и лиц, не принадлежащих к судебному персоналу. Само собою разумеется, что такие требования от судей — чисто нравственного, супралегального, добровольного, а не легального свойства, хотя даже самый закон требует указания в отчетах на причины уменьшения или увеличения того или другого рода дел, что не может быть исполнено без изучения самих явлений жизни, которые влияют на такое увеличение или уменьшение. Если же суд не ограничивается простою регистрацией преступлений, итогом их, а отыскивает причины увеличения или уменьшения преступлений, то этим он уже содействует их искоренению. Так, давно уже признано, что неурожай увеличивают преступления против собственности, а обильные урожаи увеличивают преступления против личности... Не указывает ли это, что у людей нет общего, одинаково всем необходимого дела, которое бы их соединяло; а между тем неурожай, как явление, или произведение слепой силы, и требует именно соединения сил разумных; такое соединение и уничтожало бы раздоры, уничтожило бы преступления как против собственности, так и против личности. Для судей, признающих себя вынужденными присуждать к наказаниям, исследование условий, вызывающих преступления, есть уже искупление, потому что ведет к освобождению от этой

еще неизбежной необходимости. Легко, конечно, говорить: не суди и не судись; но говорить это могут лишь те, которые не дали себе труда подумать, что же нужно, чтобы не было необходимости в судах и осуждениях; говорить это могут лишь те, которые видят одни только явления, каковы суд, войско и все современное устройство и не обращают внимания на причины, на условия, породившие эти явления; могут говорить те, которые не хотят знать, что без изменений условий и явления не изменятся, как бы на них ни нападали. Только вышеуказанная деятельность самого суда может привести к такому умиротворению, которое устранит необходимость суда и осуждения.

Предполагается, как мы слышали, присоединить к существующей уже при воронежском окружном суде небольшой юридической библиотечке этико-юридическую библиотеку. Прибавка к юридической библиотеке этической и даже предпочтение этой последней пред специально-юридическою — явление в высшей степени замечательное, отрадное и достойное подражания; в этом предпочтении нравственного пред юридическим видно что-то не-западное, а свое, всечеловеческое, русское, не терпящее ни узкой сословности, ни узкой народности, почему русский народ и явился таким могучим собирателем племен и народов. Присоединение к существующему при воронежском окружном суде небольшому собранию юридических книг библиотеки этической — будет наилучшим способом закрепления существующих уже в воронежском окружном суде добрых преданий, дающих ему определенный склад, характер, определенную, так сказать, физиономию.

К.

Дон. 1898, 17 декабря, № 139.

Статья написана Н. Ф. Федоровым совместно с Н. П. Петерсоном.

¹ Сидорский Петр Осипович, состоял членом Воронежского окружного суда с 12 января 1878 г.

² Филипповский Петр Станиславович, состоял судебным следователем, а затем членом Воронежского окружного суда с 17 ноября 1871 г.

[ОТВЕТ "САРАТОВСКОМУ ДНЕВНИКУ"]

Милостивый Государь г. Редактор!

Принося Вам мою глубокую благодарность за помещение в № 225-м "Дона" заметки "Торгово-Промышленной газеты" с благоприятным отзывом о статье "Разоружение", помещенной в № 8129-м газеты "Новое время" от 14 октября настоящего года, я нахожу, что справедливость, как бы это нам неприятно ни было, требует (и мы Вас просим об этом) — напечатать на страницах "Дона" и другую враждебную, попросту даже бранную заметку, помещенную в № 226-м "Саратовского дневника", от 21 октября, под названием "«Новое время» и Кант". Дело спасения всех от общих всем бедствий, к которому призывает статья "Разоружение", казалось бы, есть общее всех дело, для всех одинаково близкое и дорогое, потому-то в высшей степени и горько и тяжело, а главное совершенно непонятно, каким образом призыв к такому делу можно ставить предметом личных неудовольствий и даже брани. Указания на ошибки, на всякого рода недостатки, даже самое признание спасения невозможным, вызванное не враждою, а трудностью дела, — все это не только понятно, но и желательно, ради успешности дела, но как можно не только не желать общего спасения, но даже браниться на тех, кто этого желает?!

Узнав, что в "Саратовском дневнике", по поводу статьи "Разоружение", помещена заметка под заглавием "«Новое время» и Кант", и не читая еще самой заметки, мы вообразили — да иначе и понять это было нельзя, — что в заметке делается сравнение между Кантом¹ и "Новым временем" и не в пользу, конечно, последнего, а потому и написали следующее: "Если в статье "«Новое время» и Кант" под новым временем разумеется очень известная, первая, должно сказать, в России газета, то совсем непонятно, почему газете и ее редакции, напечатавшей статью "Разоружение" и притом с оговоркою, может ставиться в укор то, в чем виновен только автор статьи?! Сделав оговорку, редакция снимала с себя всякую ответственность не только за всякие частности статьи — за что она не может быть ответственна даже и не делая оговорки, — но и за общую мысль. Если же ставить газете в вину всякую

статью, в ней напечатанную, всякую частную мысль, в статье заключающуюся, то это значит ставить газету и обращающихся к ней с своими статьями в совершенно невозможные отношения, это значило бы в каждой редакции создавать особую цензуру и притом более тяжелую, чем общая цензура, руководствующаяся не личными взглядами, а общими правилами.

Если же под новым временем разумеется действительно новое, т.е. не нынешнее и не старое, а будущее, то, конечно, оно будет — и желательно, чтобы было — не "кантовское" и не "контовское", когда же будет исполнено все, что требуется статьею, то философия Канта, теоретическая, как и практическая, не говоря уже о "Конте"², потеряли бы, несомненно, всякое значение, и "Кант" первый бы этому порадовался. Нужно только дать заметке "Саратовского дневника" заглавие, согласное со смыслом статьи "Разоружение", чтобы все против этой статьи возражения исчезли сами собою, истинное же заглавие означенной заметки будет — не "«Новое время» и Кант", а "Объединенный опыт всего рода человеческого и Кант, или Кантовы критики (чистого разума, разума практического, критика суждения, религии в пределах чистого разума и проч.)". Пусть род человеческий никогда не достигнет такого состояния, чтобы действовать как один человек, т.е. сын человеческий, как один ученый, один художник — никогда не достигнет того, чтобы рождение, слепая эволюция заменилась воссозданием, т.е. если статья "Разоружение" есть утопия, то и в таком случае эту статью должно отнести к особому виду произведений, получивших в настоящее время право гражданства, — к романам или, вообще, литературе будущего и т.п., и сравнение этой статьи с подобного рода произведениями, не имеющими в виду ничего, кроме комфорта, хотя бы и для всех, напр[имер] Белла³, едва ли будет для них выгодно. Неужели же, в самом деле, цель — всех сделать не познающими только, но и обращающими слепую силу природы в орудие любви всех живущих ко всем умершим, может быть ниже цели — всех наделить комфортом?!

При таком же всеобъемлющем опыте, или деле, как это говорится в статье "Разоружение", т.е. когда все явления будут действиями человеческого рода, тогда то, что

по кантовской терминологии называется вещью в себе, будет объединенною волею людей, или сынов человеческих, но не в смысле похоти (желание) или отречения от нее (аскетизм) — как это у другого философа — а в смысле управления во исполнение божественной заповеди слепую силою природы, зависимость от которой мы признаем теперь в себе и вне себя...

Это мы писали в то время, когда знали только заглавие заметки в "Саратовском дневнике", и прочитав лишь самую заметку, поняли, до чего ошибались, рассчитывая на нечто серьезное. Оказалось, что войска всего мира, в которые при всеобщей воинской повинности обращаются целые народы, в заметке заменяются одним русским войском и это войско приспособляется будто бы самым искусственным, конечно, образом к служению наук, т.е. только знанию и притом исследованием одного лишь вопроса — "могут ли быть вызываемы дожди действием взрывчатых веществ". А между тем в статье "Разоружение" говорится об обращении войск всего мира не к служению науке, а к делу спасения от голода и общих всем бедствий, для чего требуется всеобщий опыт; и это не искусственное какое-либо приспособление, а есть результат действия всеобщей исторической закона, по которому все бессознательное и даровое обращается в сознательное и трудовое, так и войска, действуя до сих пор бессознательно*, должны обратиться к исследованию того, а такое исследование и приведет к раскрытию того, как действуют не только взрывчатые вещества на атмосферные явления, но и вообще все, что ныне употребляется для войны. А так как в настоящее время нет ничего, что не употреблялось бы для войны, в войска же обращаются, как сказано, целые народы, то обращение войск к вышеозначенным исследованиям и сделает опыт всеобщим и повсеместным.

При том искажении статьи "Разоружение", которое сделано в заметке "Саратовского дневника", Конт, конечно, будет ни при чем.

Вот эта удивительная заметка, в которой заглавие не соответствует содержанию, а коротенькое изложение — а вернее, искажение — опровергается выпискою из излага-

* т.е. не зная, какое действие канонады земные производят на грозы атмосферные.

емой статьи, сделанную самим же составителем заметки, и все это заключается плоскою, не идущею к делу, острою.

"Новое время" и Кант

"Новое время" нашло возможным приспособить русские войска вместо служения Марсу, на служение науке и сельскохозяйственной технике: военным частям предлагается исследовать вопрос о том, "могут ли быть вызываемы дожди действием взрывчатых веществ". От такого оборота дела "Новому времени" снятся радужные и вместе с тем очень нелепые сны: "Когда военное дело обратится в исследование, то при всеобщей воинской повинности, обращающей в войска целые народы, опыт получит всеобщность, сделается повсеместным, будет производиться по одному плану, приобретет единство и, таким образом, индукция будет равна дедукции. Когда же войска от исследования перейдут к делу, к делу общему, можно сказать — всеземному, т.е. когда урожаи будут находиться в зависимости от всемирного регулирования, тогда станут невозможными не только войны внешние, международные, но и внутренние, как открытые, так и подпольные, немислимы будут ни тирания, ни восстания. При опыте, доведенном до всеобщности, повсеместности и полного единства, критика чистого, теоретического разума, критика практического разума и всякие другие критики потеряют признаваемое за ними в настоящее время значение. Царь философов Кант, а также и Конт, будут развенчаны, и Россия освободится от чуждого влияния..." При чем тут Кант и Конт? Поневоле вспоминается старая игра словами какого-то юнкера, говорившего, что он носит Канта (кант) на своем воротнике..."

Дух критики нашего времени, возведенный еще Кантом в философию, т.е. приведенный в сознание, получивший обоснование, осмысленный — автором заметки низведен до бессмысленной брани, т.е. немотивированного, необоснованного осуждения. Автор заметки должен быть причислен, очевидно, к тем, для которых — по прекрасному выражению Гегеля, хула есть начало премудрости.

Примите уверение в совершенном почтении всегда готового к вашим, Милостивый государь, услугам.

14 ноября 1898 г.

Воронеж.

Ниже приписка рукою Н. Ф. Федорова: "Имеет ли право провинциальная цензура не пропускать допущенное столичную цензурою? Очень м[ожет] б[ыть], что и имеет".

Отдел рукописей РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

¹ Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ.

² Конт Огюст (1798—1857), французский философ, основоположник позитивизма.

³ Белл Александер Грейам (1847—1922), американский ученый, один из изобретателей телефона.

СЛОВО В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, 6 ДЕКАБРЯ 1898 г.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, — эти святые слова мы и возьмем текстом слова на настоящий день, ибо в Троице единосущной и нераздельной дан образец глубочайшего мира и согласия, дана заповедь умиротворения, потому-то особенно прилично в день тезоименитства Царя, призывающего к миру, к сокращению вооружений, как началу умиротворения, начать беседу этим славословием. Уже четыре раза праздновали мы день тезоименитства нашего молодого Царя Русского, но нынешний день его тезоименитства, первый после приснопамятного *дня* 12 августа, имеет совершенно иное, высшее значение, иной, новый смысл.

В день 12-го августа, накануне памяти Тихона Задонского, что особенно знаменательно для Воронежа, вышла нота, или грамота, какими обыкновенно сносятся наше правительство с иноземными царствами, но эта скромная нота о сохранении мира и сокращении вооружений за границей и у нас возведена была в манифест о разоружении, т.е. о полном умиротворении. В эти достопамятные дни Император Николай II-й делался как бы европейским, всемирным Императором, ибо с манифестом обращаются Цари к своим только народам. Но если манифесты пишутся во имя Бога Троидного, Который и есть, как сказано, образец глубочайшего мира и согласия, и заключает в Себе заповедь об умиротворении человеческого рода, то акту, или окружному посланию 12-го августа, весьма прилично наименование именно *манифеста*. Если в манифесте помещается титул, в коем исчисляются царства, княжества, земли, уже соединенные, умиротворенные, между коими нет войны, то остается только пожелать, чтобы и все государства соединились в один союз. Итак, глас народа, наименовавший грамоту 12-го ав-

густа манифестом, был поистине гласом Божиим. В чем же состоит эта грамота, прозванная манифестом о разоружении, т.е. об умиротворении? Единый в мире Православный Царь, Царь венчанный, печалующийся о грозящей всему миру войне, обращается ко всем царствам мира, готовым восстать одно на другое (см. речь Салюсбери¹ в Гельдголе), обращается с предложением прислать от себя людей мудрых и сведущих, с коими он мог бы сообща подумать о том, как избавить мир от грозящих ему бедствий, как *с помощью Божиею дать мир всему миру.*

Не поразительно ли, что молитва, которую до сих пор мы слышали лишь в храмах Божиих, где молятся о мире всего мира, где все призываются молиться всем миром и в мире между собою, молиться не раз, а паки и паки, где непрестанно мы слышим пожелание *мира всем*, — не поразительно ли, что это пожелание, что эта молитва не остается лишь в храме, а уже выступает из него и готовится стать как бы внехрамовым делом, мирское и светское одухотворяется; несмотря на наше недостойство, молитва наша, по-видимому, услышана, полагается как бы начало внехрамовой литургии; оглашение, изучение, эта вступительная часть литургии, как [бы] достигает цели, полагается начало умиротворению и вне храма. Город, стоящий на рубеже нашего Царства, куда призываются иноземные послы, из пограничного становится срединным, посредником между нами и заморскими Царствами, между сушею и морем, океаном и континентом, становится городом, где и иноземцы должны почувствовать, что на земле — Божиим достоянии — есть лишь своеземцы и нет иноземцев.

Но не все умилились, услышав зов молодого Царя Севера; услышав слово Белого Царя, огорчился немецкий, черный царь. Веруя, что не в любви, не в правде Бог, а в силе, или в насилии, немецкий царь стал усиливать свое войско, назвал себя другом врагов христианства, врагов *мира*, подружился с религиею войны, исламом. Он не живет одною жизнью с народом, не скорбит его скорбями, отрывая сынов от родных очагов, от отцов и матерей; и сам народ не доверяет ему, всячески противодействует, *ограничивает его власть, ибо ограничение власти есть, конечно, выражение недоверия.* Царь же Самодержавный, которому никто не может противодействовать, хочет

сокращения вооружений, ибо сокрушается, скорбит, вынужденный ежегодно отнимать от семей, от родных, достигших совершеннолетия. Еще более сокрушается Царь наш, опасаясь быть вынужденным, в случае войны, призвать вновь тех, которые уже возвратились в свои дома, к праху отцов, выслужив положенный срок. Печалуется Белый Царь о всех призываемых, призванных и имеющих быть призванными, и не своих только, но и о тех, которые и не от его еще двора. Но не теряет Царь, сердце коего в руке Божией, надежды, что настанут дни, когда оружие получит иное, мирное употребление, из разрушающего обратится в спасающее от общих всем бедствий, когда все будут служить и Богу и Царю, но от своих домов, от могил отцов отрываемы не будут, и даже оторванные будут возвращены, исчезнут и отхожие промыслы со всеми неизбежно связанными с ними бедствиями...

Вот почему в нынешний день тезоименитства Государя Императора, после принятия им на себя великого дела умиротворения, объединения всех чад Божиих, мы и приглашаем вас вознести молитвы свои, дабы укрепил Господь Бог Благочестивейшего Государя нашего в его великом, многотрудном подвиге, для осуществления коего будет недостаточно и всего наступающего века, будем молиться и о том, дабы Небесный Царь послал Государю нашему наследника, который продолжил бы его дело и привел бы его к благополучному концу, если так суждено Господом. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь да будет.

*Рукописный отдел Института
русской литературы (Пушкинский Дом),
р. III, оп. 2, № 205, л. 1—2.*

"Слово..." предоставлено для публикации А. Г. Гачевой. Название статьи предложено ею же. Архивная копия, выполненная неустановленным лицом, озаглавлена "Беседа в храме Кадетского корпуса по поводу циркуляра 12 августа о сокращении вооружений". На этом основании исследователь И. А. Савков, обнаруживший рукопись, сделал вывод о том, что данная проповедь (под названием "Беседа на Новый 1899 год") напечатана во втором томе "Философии общего дела" (См.: Филосо-

фия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений 8—10 декабря 1995 года. М., 1996. Вып. 1. С. 266). На самом же деле "Беседа на Новый 1899 год" носит по содержанию совершенно иной характер; она действительно была произнесена в церкви Кадетского корпуса в канун Рождества священником С. Е. Зверевым (см. стр. 137—141 настоящего издания).

Публикуемая выше проповедь также предназначалась для С. Е. Зверева, но была отклонена им. Ее произнес некий семинарист в церкви Рождества Христова в пригородной слободе Придаче 6 декабря 1898 г. Сам Н. Ф. Федоров в письмах В. А. Кожевникову называл ее "проповедью на 6 декабря" (ОР РГБ, ф. 657, карт 6, № 68, лл. 120—121, 141).

¹ Солсбери (Salisbury) Роберт (1830—1903), маркиз, премьер-министр Великобритании в 1885—1892, 1895—1902 гг., лидер консерваторов.

**БЕСЕДА В ХРАМЕ КАДЕТСКОГО КОРПУСА
ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА 12 АВГУСТА
О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ДЕНЬ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
НА ТЕКСТ "СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ,
[И] НА ЗЕМЛЕ МИР"**

К делу умиротворения, к Истории умиротворения

*Слава в вышних Богу и на земле мир
(Лук. II, 14)*

Ныне день, когда на земле возведен Мир. Праздник Рождества Христова есть торжество начала умиротворения. До этого великого дня или праздника мы и откладывали беседу с Вами об окружном послании от Царя Православного ко всем державам о сокращении вооружений.

Что должны сказать мы, служители храма мира, Вам, приготовляемым к войне юношам и детям, когда верховная власть призывает, если и не к разоружению, как переделал общий голос циркуляр 12 августа, то к сокращению вооружений, как бы желая сделать ненужным школы, приготовляющие к войне, и даже, в чаянии водворения всеобщего мира, [сделать] ненужным самое звание

военное. На это мы, служители мира, не только не можем сказать "да будет", аминь, а должны прямо сказать "да не будет". Должна и даже может исчезнуть война, но святое звание военное, звание — положить жизнь за своих, за других, за всех, не исчезнет, пока в мире будет смерть, пока будет смертоносная сила, борьбу с которой и будет вести сила военная, давая только иное употребление орудиям разрушения, более или менее совершенствуя их. Пятьдесят лет тому назад знаменитый проповедник при освящении храма также в военной школе, в кадетском корпусе, воскликнул: "О Боже мира, где же обещанное Тобою чрез пророка время, когда раскуют мечи на орала и копыя на серпы, и не возьмет язык на язык меча" (Исайя: II, 4-я). Само собою разумеется, что слова эти буквально понимать нельзя, это не значит, чтобы мечи непременно должны быть раскованы на орала, а копыя на серпы*. Это только означает, что военные орудия, орудия истребления должны получить иное назначение, должны быть обращены в орудия спасения** от общих всем бедствий, ибо тот же проповедник говорит: "А я хотя не могу отказаться от звания и должности война... однако ничего не могу сказать об искусстве оружием наносить раны и смерть... Мне указано оружие, — меня научили искусству брани, — которым не отъемлется жизнь, а сохраняется, или даже дается мертвому". Но и военное звание может сказать, что даже и теперь оно призывается не для того, чтобы наносить раны и смерть, а для того, чтобы защищать от ран и смерти других, и, насколько возможно, не нанося при этом ран и смерти. И, конечно, никто бы так не порадовался, как военные, если бы и они были научены давать иное употребление, при котором сохранялась и даже возвращалась бы жизнь, как это говорит Филарет. И кто может положить границу этому новому употреблению оружия; а к оружию нужно отнести не одно холодное и огнестрельное оружие, но и орудие рекогносцировки, как можно было бы назвать аэростат, употребляемый в войсках. Если же к нему присоединить громоотвод, т.е. оружие разряда грозовой силы, которая наносит и

* Когда это было сказано, тогда не было еще тех орудий, какие ныне есть.

** Великий пророк провидел день Великого пятка, когда орудие истребления, казни обращено в орудие спасения.

смерть, поражает болезнью (паралич) и исцеляет от нее и даже возвращает жизнь (задушенным, повешенным), то получим орудия уже не знания лишь, а и воздействия. А если орудие рекогносцировки неприятеля, себе подобного, обратить в орудие рекогносцировки врага общего, врага по нашему лишь, впрочем, неведению, наказывающего нас за это смертью, — то положить предел действию или воздействию этого орудия будет уже совершенно невозможно, при открытии новых газов, таких, которые даже легче водорода, самого легчайшего ныне газа и которые открывают, следовательно, возможность рекогносцировки, а может быть и воздействию даже на междупланетные пространства. И вот обещанное чрез пророка будет исполняться; исполнится и то, что было сказано Тем, Кто выше всех пророков — "дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больше сих сотворит". Конечно, недолжно забывать, что творить это могут лишь те, которые будут на Лозе, соединены с Ним и между собою, т.е. это обетование относится к людям не в отдельности, а в полной их совокупности. И в настоящее время войско назначено не для того только, чтобы защищать отечество от внешних лишь врагов и от врагов внутренних, как это думают обыкновенно; ибо куда отнести следующий случай: "В большом губернском городе..."¹

Этот случай не единственный, конечно, недавно было нечто подобное в Асхабаде; известен также подвиг самоотвержения... вопреки 2-й заповеди.

В статье С. Ч-т-к-ва в № 91-м за 1896 год "Русского Инвалида" делается приглашение к изучению этой стороны деятельности нашей армии.

Будем же молить Господа о расширении мирной деятельности и сокращения немирной, будем молиться, чтобы Он соделал нас орудиями своей святой воли, орудиями не разрушения, а возвращения жизни.

Здесь бы нужно поместить Молитву об умиротворении.

ОР РГБ, ф. 315, карт. 14, № 57, л. 1—3.

Статья предоставлена для публикации А. Г. Гачевой. Черновик проповеди, написанный рукой Н. П. Петерсона, с поправками Н. Ф. Федорова, хранится в фонде А. А. Фета.

¹ Здесь предполагалась цитата из предисловия к письму Ф. М. Достоевского (по тексту, помещенному в газете "Дон").

БЕСЕДА НА НОВЫЙ 1899 год*

*Будет ли 1899 год годом обновления
или нет, — во всяком случае таково
наше всем пожелание на наступающее
лето!*

Текст этого слова берем из молитвы на Новолетие, из молитвы об избавлении мира от глада, мора, огня и меча и — как нужно бы прибавить в настоящее, чреватое войною время, — "от железа и огня" нашего западного соседа.

Чтобы усугубить вашу молитву, напомним, что война нынешняя не то, что прежняя: пред ужасом этой новой войны "заранее содрогается мысль человека", как сказано в послании Нашего Царя к иноземным царствам¹. Содрогнулось и сердце Православного Царя; и Он, чтобы предупредить угрожающее всему миру несчастье, обратился ко всем державам, приглашая на собор, как говорится на церковном языке, в г. Св. Петра, чтобы, под покровом Христова апостола, которому речено Господом "вложить меч в ножны", т.е. не употреблять его против себе подобных — дабы под покровом этого апостола совещания об охранении мира привели ко всеобщему прочному миру, избавили бы мир от непрерывного ожидания призыва к войне, от ожидания, как бы свидетельствующего, что люди только для взаимного истребления и существуют.

Не странно ли, что мы теперь опять находимся в том же положении, в каком был наш Воронеж, когда он, как пограничная крепость, должен был ежедневно, даже ежедневно, ожидать призыва для отражения кочевников, бродивших в прилегающей степи! И вот, в препрославленном XIX веке, мы опять в том же положении, в каком мир находился во времена варварства, во времена повсюдной,

* ...в год ожидавшейся тогда конференции для совещания об умиротворении. Беседа была предложена в Михайловском кадетском корпусе в г. Воронеже законоучителем Корпуса в сокращенном, впрочем, виде (примеч. Н. П. Петерсона).

непрерывной войны; с тою лишь разницей, что тогда неприятель был пред глазами, а теперь, хотя он и за горами, но нужны только секунды для призыва, минуты для сбора, часы для передвижения, и враг — в наших пределах, мы же должны спешить ему навстречу. Весь мир стал одним полем битвы, благодаря железным путям, назначенным нести имеющих быть убитыми или вынужденных убивать. А хуже всего то, что и не в военное время железные пути несут на себе то, что и вызывает войны, — разумею товары, большею частью — безделушки и игрушки для взрослых; а из-за них-то и ведутся войны, хотя иногда и прикрываемые разными благовидными предложениями... Прибавьте брань и драки в парламентах, на сходках! Не напоминает ли это времена кулачного права? Тут уже нельзя говорить о незлобии!

Невольно припоминается то, что говорил наш знаменитый проповедник, митрополит Филарет, призванный благословить для защиты отечества орудия смерти, далеко, однако, тогда не столь убийственные, как нынешние. "Увы, бедный род человеческий", — говорил он, — "как немного уразумел ты в продолжение целых семи тысяч лет тайну и цель бытия твоего на земле и как мало приблизился ты к своему высокому предназначению". Эти трогательные, поистине глубоко прочувствованные слова врезались в мою память; с тех пор, как я прочитал их, каждый новый наступающий год я невольно спрашивал себя: есть ли хотя слабые признаки наступления дня уразумения цели бытия и приближения к высокому нашему предназначению? Сказаны были эти слова еще в 7362 году от сотворения мира, а теперь мир подвинулся к своему, по грехам нашим, разрушению на 7407-м лете². И что же мы видим?!

Если назначение человека — вносить жизнь, а не смерть, созидать или воссозидать, а не разрушать, то чем же он стал, когда сам себе создал такие органы, как дальнобойные и скорострельные орудия, несущие смерть насколько глаз хватит, да и глаз-то не простой, а вооруженный, орудия, несущие смерть, не теряя времени, ежесекундно, притом беззвучно, и не затемняя дымом поражаемые ими жертвы!.. Создав себе такие орудия, человек утратил образ Божий и стал подобием сатаны; из живо-

носного стал смертоносным; превзошел, можно сказать, всех сказочных чудовищ; превратился в хуже, чем в апокалипсического зверя, извергающего огонь и пламя... Придумываются средства, способы биться под землю, под водою-*низу* и в воздухе-*горе*; мало дня для битвы — изобретают оснащение, чтобы биться ночью, чтобы и ночь, время отдыха, не пропадала для дела истребления!.. Люди как бы радуются открывающейся перспективе расширения царства смерти. И как же не сказать: "бедный род человеческий!", как не подумать, что кончина мира близится, когда разумные существа силятся превзойти в истреблении животных, даже самую слепую силу!.. Как не поколебаться было и твердым в вере, тем, которые надеялись, что зло, творимое людьми, Господь обращает во благо!..

Правда, говорилось, даже печаталось, что страшные орудия истребления обращены в орудия спасения от голода, моровой язвы и от самой смерти, так что орудия умерщвления станут орудиями оживления. Но такие мнения встречались насмешкой и даже озлоблением. Как же паки и паки не повторить: "бедный род человеческий!" Заметьте, однако, что наш проповедник говорит *бедный*, а не *преступный* род человеческий. Но в это, и без того мрачное время, как бы для того, чтобы сделать его еще мрачнее, явились люди самонадеянные, гордые, всех порицающие, осуждающие, а воинов "сворюю дрессированных собак" обзывающие, себя только превозносящие и не давшие себе труда подумать о причинах царствующего в мире взаимного истребления. Эти люди возомнили, будто стоит им сказать — "*бросьте оружие*", и оружие *сейчас же* будет брошено! Люди эти, не вооруженные внешне, внутри полны яда, злобы, это — гордецы-фарисеи. К гордецам-фарисеям нужно причислять Суттнер³, Стэда⁴ и Толстого.

В противоположность этим гордецам услышали мы, наконец, тихий, никого не осуждающий голос повелителя ста тридцати миллионов людей, который не говорит: "Долой оружие!", "сейчасного" исполнения не требует, а приглашает к совещанию, к обсуждению, к изысканию средств к миру и, полагаясь лишь на помощь Божью, ожидает и надеется на полное умиротворение. Скром-

ность и смиренность речи повелителя шестой части суши и подают нам надежду, что время уразумения цели жизни приближается. Видно, долготерпение Божие еще не истощено и открывается возможность всем людям в разум истины прийти! Будет ли в наступающем году положено начало умиротворению, это Богу одному известно; но в пожеланиях успешности ходу дела недостатка, думаем, не будет. Взоры всего мира будут устремлены на нашу северную столицу, будут ожидать с нетерпением известий оттуда, будут обсуждать каждое слово, произнесенное на заседаниях. Конечно, было бы лучше, быть может, избрать местом совещания о мире всего мира старую Москву, которую сама история сделала вторым Царьградом, третьим Римом, местом собирания и умиротворения. Но и в избрании Петербурга, а не Москвы, была, конечно, уступчивость миротворца, мира-ради, готовность всем пожертвовать, лишь бы достигнуть великой цели. Мысли, сосредоточенные на таком высоком, общем для всех деле, более возвысят и просветят, чем все школы, если только сии последние не сделаются толкователями дела умиротворения, воспитывая всех, в них вступающих, для этого обновляемого мира; сделавшись же такими толкователями, и сами школы оживятся, и обучение в них получит цель и смысл. Тогда уже не тайно, а явно, не в храме только, но и вне храма, будем "образующе херувимы" прославлять Пресвятую Троицу, как великий образец умиротворения. Разумеется, что это возвышение душ "горе", тогда только может быть, когда Конференция станет собранием лучших людей всех стран, когда на совещание будут призваны сведущие люди по всякого рода предметам, когда все знание и искусства отдадут себя делу умиротворения и станут его орудием.

Но как бы ни было велико значение умиротворения, тайны бытия оно все же не раскрывает, целью существования быть не может. Не-делание зла, воздержание от лишения жизни, не может быть целью. Сыны отцов, столько зла совершившие, во имя чего будут воздерживаться от истребления они, у которых истребление стало второю природою! Но Господь, обращающий зло, творимое человеком, в благо, не обратит ли орудия истребления в орудия оживления истребленных? Не орудиями ли

смерти будет поправа сама смерть? не орудиями ли истребления будет возвращена жизнь лишившимся ее? Церковный и гражданский год сольются в этом обновлении.

*Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М., 1913.
Т. 2. С. 318—320.*

¹ Речь идет о ноте, с которой 12 августа 1898 г. министр иностранных дел России гр. М. Н. Муравьев, по повелению императора Николая II, обратился к представителям европейских держав. В ней содержалось предложение созвать конференцию по вопросу о разоружении. В ноте отмечалось, что "охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств", говорилось об огромном материальном и духовном ущербе, который наносится человечеству созданием и приобретением "страшных средств истребления", выражалось убеждение в том, что "положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств" // *Правительственный вестн.* 1898. 16 авг., № 178. В циркуляре от 30 декабря 1898 г. конкретизировалась программа будущей конференции. Открывшаяся 6 мая 1899 г. в Гааге конференция вопроса об ограничении вооружения не решила. На ней был разработан ряд конвенций о правилах ведения войны и о третейском суде.

² Разница в летосчислении от сотворения мира и от Рождества Христова составляет 5508 лет. Таким образом, слова митрополита Филарета относятся к 1856 г., затем Н. Ф. Федоров ведет речь о 1899 г.

³ Суттнер Берта (1843—1914), еврейская писательница, пацифистка, участница многих мирных конференций, лауреат нобелевской премии мира (1905).

⁴ Стед (Стэд) Вильям Томас (1849—1912), английский публицист, активный сторонник Гаагской мирной конференции.

К ДЕЛУ УМИРОТВОРЕНИЯ, ВОЗБУЖДАЕМОМУ НОТОЮ 12-ГО АВГУСТА 1898 года

I. VI-я выставка Воронежского Губернского Музея

II. Новая картина: "Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне"

I

**VI-я выставка Воронежского Губернского Музея,
открытая 26 декабря 1898 г.**

(К вопросу об умиротворении)

Воронежский Музей, очень чуткий, очень отзывчивый,

откликнулся и на вопрос *об умиротворении*, как бы следовало назвать дело, которому полагается начало циркулярною нотою 12 августа и которое окрещено как иностранною прессою, так и нашею печатью именем — "*разоружение*". И эта отзывчивость тем ценнее, что нота 12 августа, встреченная с восторгом за границею, возбуждавшая толки даже у нас в народе, была принята нашею интеллигенциею с изумительным равнодушием, а те, которые так проклинали воинскую повинность, даже не отозвались на этот призыв к миру, прошли его совершенным молчанием, что не возбуждает лишь сомнение, но и разрушает всякое доверие к их искренности. Нашелся среди интеллигенции и такой — член какого-то артистического кружка, — который в страшный голодный год задумал устроить в честь Пушкина костюмированный бал, и самый год, в который полагалось начало великому делу умиротворения, предложил назвать Пушкинским!! Думаем, что и сам Пушкин осудил бы за это столь ревностного не по разуму своего приверженца.

Вопрос об умиротворении имеет божественное происхождение, родина его Палестина, день его рождения есть день Рождества Христова, *праздник всех детей*, — не бедных только, судя по обстановке божественного младенца, но и осужденных не по их вине, конечно, на ослабление в роскоши, — праздник, который действию придает священное значение. На выставке было собрано до 60-ти номеров картин Рождества; на этих картинах художники всех стран и многих веков, изображая младенца Христа, хотели представить нам в образе дитяти божественное совершенство, чистую *детственность* без первородного греха, или без наследованных от взрослых пороков. И этим хотели, конечно, сказать — "*будьте как дети*", сохраните во всех детях [поверх строки чернилами вместо слова "детях" вписано — *на всю жизнь*. — *Сост.*] чистоту детственности, *приснодетственность*; в этом сохранении детственности *при расширении умственного кругозора* и заключается задача всеобщего обязательного образования. Пока мы были малы, для нас все взрослые были дяди и тети, т.е. мы знали только родных и никого не считали чужими, — поэтому с детской, единственно истинной точки зрения, умиротворение есть *братотворе-*

ние. Только когда мы подросли и когда нас сочли достаточно развитыми, тогда лишь нам сообщили различие между своими, т.е. родными, и чужими. Это и был выход из детства, замена братского гражданским, отеческого политическим, родственного юридическим, правовым, экономическим, — тогда явилась и законность преступления ради; — признание чуждости и есть конец райской жизни. Нужна была целая эволюция, значительное развитие, великий прогресс, чтобы понять различие между родным и чужим; — цивилизация и культура относятся к тому же порядку явлений, как и эволюция, прогресс, организм, органическое развитие, — к порядку явлений слепой, неразумной природы, поставленных за образец существам разумным и ведущих к утрате детственности. К поклонникам культуры, эволюции, слепого прогресса, к распространителям этих явлений и на область, где должен действовать разум, к этим, так называемым, культуристам, т.е. носителям вырождения и смерти, и относится слово Спасителя, — лучше бы им было повесить на выю жернов осельный и бросить в пучину морскую...

Художественное в картинах Рождества Христова станет нравственным, если зрители поймут значение детственности, т.е. родственности, явленной в образе младенца Христа. Теперь, думаем, станет понятно, почему, как сказано, вопрос об умиротворении имеет божественное происхождение, что день его рождения — день Рождества Христова, и родина его — Палестина. Воронежский Музей и показал нам эту родину умиротворения во дни, когда мы празднуем предвестие мира на земле, приглашая всмотреться в эти виды Галилеи, Генисарета, в образы рыбаков, этих низших духом, сохранивших детскую простоту... Тут же показывались и виды Египта, этого кладбища по преимуществу, — места первого воспитания победителя смерти, бывшего местом воспитания и того народа, из которого вышел искупитель от греха и смерти. Только в мертвых Египет — эта страна могил — возбуждает мысль о смерти; для Того же, Кто носит в себе Жизнь, и могила живородна, и рассыпавшийся прах оживет, только бы свершилось объединение.

До сих пор, до прошлого года, мы знали о мире на земле лишь из песни ангелов на небесах, слышали повто-

рение этой песни и на земле, но лишь в храмах; с прошлого же года мы слышим призыв на совещание о мире, но не по случаю и не для заключения нарушенного мира, а для предупреждения войн вообще; слышим о мире не между теми или другими государствами, а о мире всеобщем, о мире всего мира... И это совещание, эта конференция, с помощью Божиею, как говорится в ноте 12-го августа, могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Не значит ли это, что от грядущего века ожидается осуществление мира, и не в роде каких-либо третейских судов, ожидается, что дело умиротворения, дело целого века, будет делом не юристов; мир истинный будет поставлен на основах более прочных, чем юридические, о которых думал еще и Александр I*, истинный мир будет основан на знании природы внутренней человеческой и на знании природы внешней, поставленной в зависимость от человека, т.е. знание станет действительною силою и силою миротворною.

Вместе с видами Палестины и Египта, показывались на выставке картины нового памятника в Кремле², пред открытием которого был сообщен представителям всех государств циркуляр о мире. Случайно или неслучайно, день обнародования ноты "*о разоружении*", как назвал ее общий голос, совпал со днем сооружения или открытия памятника Александру II-му в Московском Кремле, т.е. в Кремле третьего Рима. Это совпадение раскрывает нам смысл выражения — "*Москва — третий Рим, а четвертому не быть*" — выражения столь любезного древней

* Выписываем из одной статьи, составленной по Шильдеру¹ — "Император Александр I, его жизнь и царствование": "В долгие бессонные ночи думая о том, какое зло война, он (Александр I) искал средств положить ей конец. Он уже достаточно насмотрелся на ее ужасы, чтобы не видеть в ней чего-то чудовищного... И вот как-то ночью ему пришла мысль, он вскочил и наскоро набросал ее; это был проект, печальной памяти, священного союза. Но в уме Александра он представлялся совсем не тем, чем он стал впоследствии. Это был своего рода третейский суд, лига мира... союз всех европейских держав для решения международных вопросов мирным путем..." Еще больше беспокоили Александра I "тягость рекрутчины для народа и военного бюджета для государства", с этим злом он также хотел бороться, для чего и были основаны военные поселения, которые также оставили лишь печальную о себе память. Таким образом вопрос о том, чтобы положить *конец* войне, начинается, вопреки Стэду, не с дела Императора Николая II, а со старшего брата его прадеда, так что этот вопрос становится, можно сказать, *династическим* в нашем императорском доме.

Руси и столь антипатичного новой, которое значит, что царствию ее, Москвы, не будет конца, т.е. Москва есть такая же вечная деревня, как старый Рим есть вечный город (но город есть слишком искусственное произведение, чтобы быть ему вечным). Если выражение — "Москва третий Рим, а четвертому не быть" — рассмотрим при свете ноты, обнародованной 12-го августа, то увидим, как новая Россия, Россия Петербургская, по примеру Запада, была несправедлива, видя в этом выражении стремление к всемирному завоеванию, или господству. Завоевание и господство свойственны, конечно, первому Риму, но Москва была уже достаточно христианскою, чтобы думать, будто мечом можно основать вечное царство, которому не будет конца. Циркулярная нота 12/16 августа и показывает, что 3-й Рим* может и должен означать не завоевание, а умиротворение.

В той же зале, где картина памятника Императору, который так много заботился о смягчении ужасов войны. — мы видели также изображение трех Римов, трех центров собирания, или объединения, которое необходимо ведет к умиротворению. Первый Рим был городом побед, руки его были на всех, второй Рим был христианским, городом страданий, руки всех были на нем, терпел он от Востока и Запада, 28 раз был осаждаем, восемь раз был взят. Москва же, которая уже выдержала нашествие двенадцати языков с Запада и стольких же орд с Востока, т.е. пережила уже — будем надеяться — период страданий. — Москва, — как третий Рим, будет городом не побед и не поражений, а городом мира. Старый Рим поставил храм всех языческих богов (Пантеон) над эллинским храмом языческой премудрости, воинственной Паллады (Парфенон) и дал этому храму имя ап. Петра; — на большой картине Рима мы и видели этот храм, господствующим над всем городом... Тут же было изображение и одной из составных частей этого храма в отдельности, — Пантеона. Царь-Град соорудил храм Божественной премудрости, который на выставке был представлен целою коллекциею видов. Первый город был местом исключи-

* Заметим, между прочим, что название первого Рима (Roma), если читать его так, как могли читать его первые ученики Христовы (т.е. справа налево) будет *атог* (любовь); а если тем же способом читать наше название — *Рим*, то получится *мир*.

тельно человеческой лишь мудрости, юридической и политической, прикрывавшейся лишь апостольской простотой; второй город был местом лишь созерцания Божественной премудрости; а Кремль еще не высказал и не совершил своего назначения, но отвергнув возможность четвертого Рима, он принял на себя долг осуществления всемирного объединения, что, по-видимому, и начинается: задача Кремля не созерцать лишь Божественное Троиединство, а осуществить Его во всечеловеческом многоединстве.

Новый памятник указывает на значение Кремля, как третьего Рима: в Кремле совершается венчание на царство, здесь Царь поставляется в праотца — место. Новый памятник изображает явление Царя народу после помазания на царство в храме собирания, Успенском соборе, и после поклонения гробам предков в Архангельском соборе, в этом кладбище светских собирателей земли; и является Он народу не один, а окруженный сонмом своих предшественников, как бы восставших из гробов, как здесь лежащих (т.е. в Архангельском соборе), так и повсюду на Руси. Итак, мы видим здесь уже оживленными тех, для защиты праха коих и были воздвигнуты, были нужны стены и башни Кремля. И стоит Он, нововенчаный, на царском месте с сенью, не уступающею высотой Кремлевским башням, поставленною не под куполом Храма — подобием неба, — а под самим небесным сводом; подле же Него — венец царский, ставший для Него венцом мученическим.

Дальнейшим разъяснением значения Кремля мог бы служить памятник сыну Царя-мученика, Царю-Миротворцу Александру III-му, поставленный, как это и следует, в том же Кремле, в чем бы и выражалась родственная близость и по крови, и по мысли между Сыном и Отцом. Памятник Александру III-му должен представлять не явление Царя народу, а Царя вместе с народом, совершающего Пасху в Кремле. Александр III-й мог бы быть представлен окруженным не светскими, как Александр II-й, а духовными собирателями народа, мог бы быть представлен вместе со всеми Московскими святителями устремившим взор на Ивана Великого — эту лестницу от земли к небеси возводящую — в ожидании пер-

вого удара колокола, пробуждающего мертвых подобно Архангельской трубе, по выражению Андрея Муравьева³, видевшего все святыни христианские, православные и инославные и не выдавшего ничего торжественнее пасхальной ночи в Кремле. Александр III-й должен быть представлен не в порфире только, но и с акакиєю в руке, т.е. с платом, заключающим в себе "прах, который имеет востати", как это говорится в чине венчания, т.е. с знаменем воскресения, а не напоминания о смерти, как это неверно толкуется. С этим знаменем воскресения, по византийскому церемониалу, Император является как в день светлого воскресения, так и в день венчания на царство. Таким образом этот памятник служил бы указанием главного храмового, престольного, можно сказать, праздника Кремля, и наиболее приличествовал бы Тому, Кто назвал Москву храмом России, а Кремль алтарем, причем разумел, конечно, что престол этого алтаря посвящен именно светлому празднику Воскресенья. Такой памятник был бы воспроизведением собственной мысли Александра III-го и наиболее ему приличествовал бы, как первому из Императоров, который подобно Византийским, носил бороду, а вместе этот памятник служил бы и дальнейшим, как сказано, разъяснением значения Кремля, указанием на праздник его и пасхальную ночь, пользующуюся всесветною известностью.

Строитель памятника Александру II-му скульптурно и живописно воспроизвел то, что совершила Москва на деле. Вняв словам певца об ополчении Игоря, он (строитель памятника) пригвоздил к горам только не Киевским, ибо Киев остался глух к воплю певца поражения Игоря, пригвоздил к горам Московско-Кремлевским того старого Владимира и его преемников, собирателей и объединителей, до Александра II-го включительно. Вняв же пророчеству митрополита Петра⁴, строитель памятника Александру III-му наглядно представил бы исполнение и этого пророчества относительно пребывания в Москве всероссийских святителей, т.е. перенесения митрополии. Таким образом в этих двух памятниках, Александру II-му и Александру III-му, было бы выражено утверждение светской и духовной власти в Москве, что и сделало ее центром всероссийского государства. Представление воскрес-

шими духовных и светских собирателей, в отцов-место-стоящих, есть выражение самой задушевной мысли народа. Строитель памятника Александру, как бы внимал не только певцу старой Киевской Руси, истерзанной усобицами и нашествиями, пригвождая собирателей земли, но и воплю народному и, как бы подражая причитаниям, взывал:

Расступись, сыра земля,
Встаньте, пробудитесь...

И услышали этот зов светские собиратели: выступив из гробов, они обступили Александра. Вот какой глубокой, истинно народной мысли служит выражением новый памятник Александру II-му. Услышав слово Самого Воскресителя — *"оставьте мертвым погребать своих мертвецов"*, чуткий художник понял, что живым нужно оживлять, не в землю зарывать, а из земли вызывать. Это и делается во всех памятниках — зарывая в землю по физической необходимости, тотчас же, по необходимости нравственной, восстанавливают умершего, ибо сотворенные Богом, смерти не создавшим, не могут переносить заключения в земле себе подобных, из единой крови произведенных. В получении жизни от Творца заключается долг оживления, иначе жизнь была бы не делом, а даром, и даром напрасным и бесплодным.

В заключение нужно выразить сожаление, что на выставке не было проекта здания, соединяющего в себе все просветительные учреждения г. Воронежа, о котором очень кратко говорится в № 134 "Дона" за 1898 год⁵. Особенно замечательно в этом проекте, что вместе с просветительными учреждениями предполагается устроить и чайную; устройство же чайных, как известно, имеет целью борьбу с пьянством. Присоединение чайной свидетельствует, что и все просветительные учреждения в совокупности имеют в виду привести к такой действительности, которую алкоголь, морфин, эфир и т.п. дают мнимо, в возбужденном воображении, заставляя забывать о жизни, как она есть, т.е. о жизни борьбы, умертвления, взаимного вытеснения, и представляя образы иной, лучшей жизни. Из этого следует, что опьяняющие, одуряющие средства выйдут из употребления лишь тогда, когда жизнь бу-

дет такова, что не будет надобности в забвении, т.е. когда не будет ни борьбы, ни страданий, к чему просветительные учреждения и должны вести.

Этот недостаток выставки указывает на будущую выставку и на содержание ее: — будущая выставка с проектом дома просвещения в Воронеже должна выставить возможно полное собрание планов и проектов таких учреждений в других местах. Но не останется ли этот храм науки ненаучным и даже бездушным, если он будет лишь местом популярных чтений и не будет местом общего собрания всех учреждений города Воронежа, ставших и учеными обществами, как это говорится об Окружном Суде в статье "XXXI-я годовщина" ("Дон" от 17 декабря 1898 г. № 139); а это общее собрание и было бы местною конференциею мира; чрез такие местные конференции и могла бы только осуществить свое дело конференция, которую предполагали созвать в Петербурге, если бы она стала центральною местных конференций.

II

Новая картина — "Да будут все едино: как ты, Отче, во мне..."

*(Первосвященническая молитва, как указание
пути к умиротворению)*

24 июля в доме, или вернее в Музее, известного в Воронеже художника мы видели картину, или икону, а точнее икону-картину, поистине изумительную по своей нравственной глубине, а вместе и новизне, в коей восстанавливается первобытная старина⁶. Художник изображает такой союз сынов, или истинное братство, которое основывается, держится и сознает свое единство в отцах и для отцов, в самом Боге отцов; — в противоположность тому искусственному единению, мнимому братству, которое забывает и даже отвергает отцов — или по крайней мере не *поминовение, не любовь к отцам* ставит в основу братства; в противоположность тому обществу, в коем младшее сознает свое *мнимое* превосходство над старшим, а живущее над умершим, в коем сын может сказать отцу: ты не во мне, потому что ты ниже меня, и я над тобою, а не в тебе, потому что я уже выше, лучше тебя. В

произведении нашего художника мы видим протест против задачи, которую Толстой ставит искусству, протест против единения сынов, забывших отцов.

Картина, виденная нами 24 июля, составляет лишь начало предполагаемой полной росписи наружной стороны храма при всенаучном Музее, т.е. храме предков; — а эта роспись, представляющая *исполнение* первосвященнической молитвы Христа, должна показать, что наука, делаясь из орудия, из служанки торговли и промышленности орудием религии, подчиняясь сей последней, становится выше всего мира, всей природы, выше умерщвляющей силы естества... В набросанной только еще начерно картине художник открывает нам самую душу Богочеловека, отверзает врата храма Его сердца и указывает в самой глубине сердца Сына Бога-Отца, а по сторонам ряд забытых нами наших отцов. Художник показывает нам то, что так хотел видеть ап. Филипп, моливший Господа — "*покажи нам отца*": и мы видим Бога отцов, живых для Него, а не мертвых, — видим наглядно слово, сказанное саддукеям, в ответ на их коварный вопрос, видим Бога Авраама, Исаака, или же Адама, Ноя, всех трех сыновей Ноя и т.д., т.е. видим живыми тех, кои здесь в юдоли плача (долине Иосафатовой), где произнесена первосвященническая молитва, являются нам в виде памятников над разрушенными их телами, разрушенными по нашей розни, по невежеству большинства и по бездействию и бездельничанью ученого меньшинства; — все это и представляет город — *виновник смерти* — откуда выходит стража, в сопровождении Иуды, для предания крестной казни самого Воскресителя... Сына же с Богом отцов в сердце и с учениками около Него, превратившимися во внимание, соединившимися в Нем, в прощальной Его беседе, художник помещает в Отце, Который занимает всю картину и держит в длани храм — музей, или Кремль, — в коем *все* уже едино...

Ничего в этом совершенно, по-видимому, новом роде, как бы примиряющем византийскую иконопись с новою живописью, нам не приходилось еще видеть. Можно бы признать дерзостью попытку живописно изобразить слово Спасителя, в коем высказана вся сила божественной взаимной любви, поставленной образцом для рода челове-

ского, для его объединения, если бы это святейшее слово не было изображено художником, можно сказать, буквально. Художник открывает нам самую душу Бого-человека — и в какой момент — когда весь мир восстал на Него, а свои, коих он назвал друзьями, покидали Его!.. И мы видим однако, что Он не один, что Отец — Бог отцов — всегда в Нем и Он весь во Отце. Эту-то свою неотделимость от Бога Он, отходящий из мира, и старается внушить остающимся, всем живущим, старается внушить ради всех отшедших, чтобы все ожило. Апостол, долго живший с Господом, заслужил упрек Его за то, что видя Его, Сына Божия, не видел в Нем Отца; просьба этого апостола — "покажи нам Отца" — вынудила Господа сказать с великою скорбью, обращаясь уже ко всем апостолам, — "Верьте Мне, что Я во Отце и Отец во мне", — и зная, как трудно для живущих в розни проникнуться верою в возможность единства, повторяет это много раз в продолжение своей последней беседы с учениками, обещает послать им Утешителя, Духа истины, Духа Святого, Который научит их всему и напомнит об Его единстве с Богом отцов, в чем и для нас открывается смысл и цель нашего собственного объединения. Художник изобразил ученика (Филиппа) склонившим голову после своего, хотя и огорчившего Учителя, но необходимого для уяснения понятий всех учеников, вопроса... Прощальная беседа оканчивается общим исповеданием: "Веруем, что Ты от Бога исшел". Но очи учеников отверзаются только во время молитвы — "да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино" — и ученики увидели, конечно, то, что и изобразил художник. Не служит ли эта картина знамением времени?! До сих пор мы продолжаем жить в розни и до сих пор для нас непонятно, что это значит: — "Я во Отце и Отец во Мне". Мы ни представить, ни изобразить этого не можем, да и не желаем — так единство противоречит всему существующему; поэтому, конечно, и молитва Спасителя Нашего о единстве, так называемая первосвященническая молитва, произнесенная Господом пред самым преданием Им Себя на вольное страдание за всех, — не только не сделалась предметом иконописи, не только не поется, но и читается вполне один лишь раз в году; да и в этот раз читается как собы-

тие давно прошедшей жизни, а не как молитва, не как желание сердца, или души, чающей осуществления ее в жизни. Каждая эпоха имеет свои особочтимые праздники, своих особочтимых святых; так в то время, когда Россия испытывала ежегодные нападения кочевников, — особым почитанием пользовались Архангел Михаил — архистратиг небесных воинств, свят. Георгий победоносец, податели побед... А матери и жены в это время изливали свою скорбь о погибших и обращались с мольбами о спасении идущих на брань к лику Богоматери; поэтому и соборные храмы Премудрости Божией, Софии, обратились в храмы Богоматери, Ее Успения... Теперь же, когда "любовь погибает" ("Русск[ий] Вестн[ик]", 1898 г., № 1-й), когда рознь и вражда между людьми усиливается, настает время, требующее особого почитания Пресвятой Троицы, как образца для объединения рода человеческого, настает время, требующее обращения особого внимания на Первосвященническую молитву, как завет Спасителя роду человеческому. Церковь, зная нужды верующих, не допустит, конечно, врагов церкви исхитить у нее святое, великое Слово и употребить его против нее же. И конечно, внушению — только обещанного Спасителем Утешителя, Духа истины, Духа Святого, которое начинает, наконец, действовать на закаменелые сердца, нужно приписать попытку художника, который хочет в самом сердце Сына человеческого показать Того, Кому Сын служил до самой крестной смерти. Того, Кого Сын всю жизнь обожал, сказали бы мы (желая найти самое высшее выражение для любви), — если бы это не относилось к существу божественному, — показать Того, чьи слова Он передавал, так что все Евангелие есть лишь слово Бога отцов, веру в пребывание Которого в Нем, Сыне, Он возбуждал, требовал от учеников, и недостаток в них веры, или понимания такого сопребывания Сына и Отца было для Него, быть может, тяжелее самых страданий, самой смерти крестной, ибо в этой вере заключался залог спасения рода человеческого, залог плодотворности той великой жертвы, которую Он шел принести... Нарисованное художником еще не вся картина, а лишь эскиз, но и этот эскиз уже показывает, что художник много работал, много потрудился, и работая быть может, даже терял надежду выполнить задачу,

т.е. выразить иконописно, живописно великую нравственную истину, великое нравственное начало объединения... И это весьма понятно, так как дело идет о предмете величия необычайного, а вместе и необычайной трудности... Не понятно только то, как могут находиться люди, которые среди самой работы, работы такой величайшей трудности, решаются смущать художника, советуя — ради мнимой нехудожественности предмета — оставить даже попытку изобразить великое нравственное начало единения, эту величайшую нравственную задачу, цель, от выполнения коей зависит все будущее рода человеческого — советуя вместо этого нарисовать картину шествия стражи, с Иудею во главе, для арестования Христа. Таким советам нельзя, конечно, отказать в согласии с духом времени, когда из любви будто бы к угнетенным, униженным и бедным, желают казнить, или выставлять в самом ненавистном виде угнетателей, т.е. высокопоставленных и богатых; так что тут действует, очевидно, не столько любовь к первым, сколько зависть и ненависть к последним... Но согласные с духом времени, эти советы едва ли будут согласны с учением Того, Кто в последней беседе ни разу не упомянул о врагах своих — первосвященниках, книжниках, саддукеях, фарисеях и проч. Современное художество вообще не знает общих бедствий, оно и не хочет их знать, потому что при этом некого ненавидеть, некого обвинять; общие бедствия не разделяют людей на угнетенных и угнетателей, а соединяют всех в одном общем деле, в деле отеческом, требуемом Богом отцов, Богом всех отшедших, образ Которого и должен быть во всех, кто пришел в меру возраста Христова, чтобы каждый к образу Бога-праотцов, показанному нам в душе Сына Божия, мог присоединить и своих отшедших, как выражение своего желания, молитвы.

Было бы большой ошибкой видеть совершенство в природе — совершенство вносит в природу человек. Природа скрыла за непроницаемой преградой сердце, и душа стала потемками; — разве это совершенство?! Впрочем, признающие неестественность внутреннего изображения должны признать естественность скрытности, и в выражении искренности, откровенности — (что называется — душа нараспашку) — совершенства такие люди не признают...

Если бы природа человеческая была настолько совершенна, что наружность человека служила бы полным выражением его внутреннего состояния, выражением всей его души, тогда, конечно, не было бы и нужды искать иных способов изображения, кроме тех, которые даны самой природою... В действительности же природа не только не имеет такого совершенства, а как бы намеренно лишает одну из самых важных по внутреннему содержанию частей человеческого тела — грудь — всякого внешнего выражения. В противоположность лицу, эта часть храма тела человеческого, подобно магометанской мечети или протестантской кирке, лишена всякой росписи. Дикари — хотя они ближе к природе — прибегают к изображениям на своем теле (татуировка), в коих выражают свою принадлежность к роду, к племени, словом — изображают на себе своих отцов, дедов, предков; цивилизованные же украшают грудь орденами; а потому и живопись вынуждена, чтобы быть верной искусственной действительности, избегать природной пустоты... И почему в священной живописи, которая выше, конечно, естественной, природной, не позволительно изобразить в самой груди Сына человеческого, в самой ее глубине — Бога отцов, а по обеим его сторонам ряды забытых нами наших отцов, как это и сделал художник в картине, составляющей предмет настоящей статьи: по слову Самого Спасителя, говорившего "о храме Тела Своего", художник на своей картине представил этот храм отверстым. Вставив в грудь Сына икону Отца и сильно осветив ее — новый способ, употребленный художником, способ, возвращающий нас к искусству византийскому, — художник дает возможность в эту сугубо мрачную ночь видеть в душе Сына светлый образ Отца, так что нам нельзя уже будет сказать — "покажи нам Отца" — ибо видя Сына, мы видим в нем и Отца. И мы, которые от мира сего, легко поймем, что мир сей, увидев образ Отца внедренным в сердце Сына, уверует и познает, что Он от Бога исшел, что Бога послан, как уверовали в Него ученики и стали едино с Ним и между собою...

В новом, или возобновленном способе выражения, в способе психогномическом, употребленном художником в иконе-картине "первосвященническая молитва", этика долга воскрешения, психология (если можно так выра-

зиться) не статическая лишь, а психократическая, находит средство для своего выражения, особенно необходимое в деле воспитания, т.е. объединения в деле общем, в деле Господнем. Как бы ни было выразительно лицо человеческое и вся наружность, но ни то, ни другое недостаточно для полноты характеристики, для выражения того, что есть в человеке, и тем более недостаточно для выражения того, что должно в нем быть. Способ, употребленный художником в его картине, есть требование нравственной необходимости и сознания недостаточности физиогномики, недостаточности лицезрения для душезнания, психогномики. Когда в человеке все рожденное, даровое, станет трудовым, созданным, т.е. когда все внутреннее, ныне независимое от нас, будет управляемо, регулируемо, когда нельзя уже будет сказать — "не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю", тогда это, ныне кажущееся сверхъестественным, станет естественным выражением, тогда это внутреннее, психогномическое изображение явится как необходимый результат внутренней регуляции, и тогда душа человеческая не будет потемками.

В каких же случаях можно и должно употреблять этот способ? Для людей, живущих отвлеченностями, таким способом ничего нельзя открыть; но этот класс людей нужно признать отживающим. Для сынов же человеческих, в деле Бога отцов объединяющихся (период наступающий), этот способ является необходимостью, ибо это есть изображение поминания, синодика в сердце; и для людей, понесших утраты, в этом способе, в этих лицевых поминаниях, заключается начало уже возвращения утраченного. Психогномический способ изображения души Богочеловека, Сына человеческого, Который весь живет в Боге отцов и в себе носит и Бога, и отцов от Него неотделимых, есть изображение совершенства человеческого, изображение чистейшей любви к Богу и людям, отсутствие чувственности и отсутствие любви к вещам, это — мера нравственного совершенства. Отсюда вытекает братство отцов ради воспитания сынов для всеотеческого дела, здесь же заключается и закон жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех, т.е. со всеми живу-

щими для всех умерших. Сознав свое единство в Иафете с арийцами, в Симе с семитами, в Хаме с неграми, в рознь уже не впадут; сознавая свое единство чрез отцов с сынами и братьями, раздвояться не будут и не потеряют из виду цели.

* * *

Бог создал силу (мир, природу) и существо, способное управлять ею (человека); но это существо ограничило себя созерцанием и наслаждением; и тогда сила, оставленная самой себе, без управления, стала слепую и, таким образом, по бездействию разумной, начала творить зло, — созидавая, стала разрушать созданное... Мало того, само существо — признавшее себя лишь созерцающим и отождествившее созерцательность с разумностью — размножившись, не осталось единым, и в лице наиболее отчуждившихся от большинства, ставших блудными сынами, в лице интеллигентов и философов (худший из людей, возомнивших себя лучшими), убедило себя, что нужно каждому знать лишь самого себя! "Познай себя" — было заповедью разъединения и отрицанием объединения. Разъединение же и борьба сделали людей слабыми, ограничивающими друг друга. Выходя из этой же нечестивой заповеди, повелевающей знать лишь себя, заботиться о своем лишь самоусовершенствовании и не признавая последствий разъединения и борьбы, философы, утратившие смысл и цель жизни, произнесли великое богохульство, сказав, будто Бог создал человека — свой образ и подобие — ограниченным и конечным. К чести рода человеческого нужно сказать, что если и находились в среде его отрицавшие бытие Бога, то только в таком оклеветанном виде... Нашлись, впрочем, и добросовестные философы, которые вздумали оправдывать Бога в своей собственной вине, нашлись философы, которые признали, что Бог создал ограниченную разумную силу и неограниченную силу слепую; и первую, чувствующую, подчинил последней, бесчувственной; так что разумная сила, т.е. разумные существа, стали смертными, а неразумная сила — бессмертною, сила неразумная и бесчувственная стала — "кра-

сою вечною сиять", существа же разумные и чувствующие преданы безобразию тления. Но такое оправдание было хуже всякого обвинения. Нашелся также добросовестный философ, который вздумал оправдывать самое добро; а вместо того осудил лишь зло... Добро нуждается, конечно, в оправдании, когда явился человек, в чудо не верящий и логики не признающий, который ничто признал благом, и даже упрекал признающих логику пессимистов за то, что они уничтожение не называют благом.

"Покайтесь" — заповедь собирания (полнее выраженная в заповеди — "шедше, научите, крестяще" — т.е. очищая покаянием) — была направлена против эгоистической заповеди разъединения... Покаяться — значит признать, что не Бог создал нас ограниченными и смертными, т.е. умерщвляющими себя и других ("Бог смерти не создал", — говорится в писании), что задача наша — объединение, объединение для возвращения жизни умерщвленным. Таков великий результат самообвинения на место Богообвинения, — самообвинение, или покаяние, обращает весь род человеческий в орудие Бога для возвращения жизни умершим, или умерщвленным.

Обе статьи написаны Н. Ф. Федоровым совместно с Н. П. Петерсоном.

¹ Шильдер Николай Карлович (1842—1902), русский историк, автор четырехтомного исследования "Император Александр I. его жизнь и царствование" (Спб., 1897—1898).

² Памятник Александру II, выполненный по проекту художника П. В. Жуковского и архитектора Н. В. Султанова, открыт в Кремле 16 августа 1898 г.

³ Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), чиновник Синода, духовный писатель.

⁴ Петр, митрополит Московский в 1305—1326 гг., впервые перенес митрополичий престол из Владимира в Москву.

⁵ См.: О постройке народного дворца // Дон. 1898. 6 дек., № 134. В таком виде проект не был осуществлен.

⁶ Речь идет об иконе-картине художника Льва Григорьевича Соловьева. Видимо, Н. Ф. Федоров был у него дома на следующий день после публикации статьи "Музей Л. Г. Соловьева".

**НОВАЯ КАРТИНА-ИКОНА
ПЕРВОСВЯЩЕННИЧЕСКОЙ МОЛИТВЫ
КАК УКАЗАНИЕ ЦЕЛИ УМИРОТВОРЕНИЯ,
И СВЯЗЬ ЭТОЙ СТАТЬИ С ПРЕДЫДУЩЕЮ
О ВЫСТАВКЕ ВОРОНЕЖСКОГО МУЗЕЯ
НАКАНУНЕ XIX-ВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ
РОЖДЕСТВА ИИСУСА ХРИСТА***

Эта связь заключается, во 1-х, в учении о детственности, высшим выражением коей является Первосвященническая молитва, в ней *детственность* достигает широты и глубины безмерной; во 2-х, в задаче Кремля — осуществить в многоединстве Божественное Троиединство, и в учении о Музее как предтече преображенного в Царство Божие Кремля, или Крепости-Кладбища.

Самое уже название Иконы-картины указывает на соединение религиозной иконописи со светскою живописью. Изображение Первосвященнической молитвы показывает теснейшее единение Сына Божия с Отцом, а вместе и цель единения, ибо в душе *молящегося Сына Человеческого* мы видим уже *оживленными* праотца и отцов человеческих, как глубочайшее желание сердца, сохранившего детственность и расширившего ее, сыновнюю любовь, на всех предков. Словом, в лоне сына в лице оживших отцов мы видим Его желание, Его мольбу. В последней картине наружной росписи храма [в картине Преображения Господня] — это внутреннее воскрешение является внешним в виде небесных миров — земель, населенных и управляемых потомками Адама, обителей многих.

Если представить, что Икона-картина Первосвященнической молитвы была бы *вынесена на средину храма пред чтением первого Евангелия св. Великого Пятка*, где и читается эта *Заветная* молитва, то легко понять, сколько Света пролил бы этот образ, если он был бы исполнен надлежащим образом. Это наглядный комментарий к этому не легко понимаемому Евангелию прощальной беседы, которое начинается изумительными словами идущего на позорную казнь, соединяющую физическую и нравствен-

* Мы праздновали пятисотлетний юбилей преп. Сергия, тысячелетний юбилей Мефодия, первоучителя славянского, — позволительно праздновать и XIX-ти вековой юбилей Иисуса Христа. Сына Божия, но и Сына Человеческого. Не следует ли отрицателей такого юбилея причислить к монофизитам?

ную мучительность с продолжительностью: "Ныне прославися Сын Человеческий и Бог прославися о Нем"* . Нужно сказать, что четвертое Евангелие называет славным первое Пришествие, а самым славным в этом первом пришествии, следовательно, *Великий Пяток*. С этим "Ныне" и начинается великий день страдания. Всю глубину начала этого преславного дня и изображает наш художник. Была уже *ночь*, когда Иуда вышел; предсказав свое скорое отшествие и измену Петра, Христос хочет рассеять душевную смуту, мрак в душах учеников, что было совершенно противоположно ясности и светлости, царствовавшей в душе Сына, как это изображено художником, [противоположно] и звездам — этим обителям многим, — тихо сиявшим на темном небе. Икону-картину, изображающую ночь с сияющими звездами, вынесенную посреди храма, можно было бы осветить в ту минуту, когда чтущий Евангелие произносит слова Филиппа — "покажи нам Отца" [стих] 8 или же 11 стих, когда Христос говорит: "Верьте Мне, что Я во Отце и Отец во Мне"** если не так, если же недостаточно представления лишь, т.е. веры в Мое единство с Отцом, то верьте по самим делам, — разумеется здесь, конечно, самое последнее великое дело — воскрешение Лазаря. "Верующий же в Меня дела, которые Я творю, и он сотворит и больше сих сотворит", конечно, если будет в единении с Ним, а следовательно, со всеми, [если] будет на лозе.

Начинается молитва о прославлении тем же прославлением, чем начинается и последняя беседа***. Затем говорится о Св. Духе — Утешителе, Который от Отца исходит, как говорится в Цареградском символе веры, в VIII [члене] по общему счету. В следующей главе говорится [о том], что относится к IX члену, т.е. о Церкви, или *виног-*

* Утренняя Великого Пятка состоит из чтения Евангелия о страстях, истолковываемого пением и иконописью. Для первого Евангелия недоставало иконы: она изображает мрак ночи, мрак или смуту в душах учеников, и только сияние звезд и Свет в душе Сына, который и выражается в словах: "Ныне прославися"... С словами — "Ныне прославися Сын Человеческий", которыми начинается первое Евангелие, зажигают свечи пришедшие слушать прежде всего последнюю беседу. А пред этим была тьма, изображающая ту ночь, когда Иуда вышел с вечери.

** Степенями освещения можно отличить вопросительную форму десятого стиха — "Разве ты не веришь" от утвердительной, настойчивой — "Верьте же Мне"...

*** Прощальная беседа, начинающаяся обещанием послать Св. Духа, иллюстрируется всею наружною росписью храма.

радной лозе, или общей любви. Пришествие же Духа истины, Который наставит на всякую истину (13 и 14 [стих]), равнозначуще "шедше научите, крестяще" (X член Символа веры). Радость же, о которой говорится далее пред сим концом беседы, радость неотъемлемая, это составит XI и XII члены. Молитва Первосвященническая — завета нового — не о заклании, а о телесном оживлении, о жизни бессмертной всякой плоти.

*Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т.
М., 1997. Т. 3. С. 203—204.*

РАБОТЫ Н. П. ПЕТЕРСОНА

КОРОНАЦИОННАЯ ВЫСТАВКА

Три коронационных дня помещение воронежского губернского музея было переполнено массой публики. Причиной тому служило открытие коронационной выставки на первые три дня празднеств священного коронования, причем вход для желающих обозреть выставку назначен бесплатный. Нельзя не признать, что идея открытия выставки прилась весьма кстати, давая посетителям музея поучительную и наглядную картину последовательных действий св. коронования в периоды нескольких царств. В витринах первого зала помещено несколько старинных ценных гравюр, знакомящих вообще с эпохой царствования Павла I, Екатерины II и т.д. Собственно же коронационная выставка начинается с первой залы от главного входа. Здесь, под особой сенью, сделанной в старинном вкусе и составленной из материй желтой, синей и малиновой, расположены в ряд несколько фотографий, изображающих сцены, относящиеся к избранию на царство царя Михаила Федоровича, заимствованные из книги, хранящейся в Оружейной палате под названием "Книга об избрании на превысочайший престол великого российского царствия Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея великия России самодержца". Тут видится, как царица выводит к народу Михаила Федоровича; ход его в Успенский собор; пир в грановитой палате; внизу же расположены виды Ипатьевского монастыря, палаты, в которых жил в монастыре Михаил Федорович и т.д. В середине же витрины лежит замечательная по редкости книга о бракосочетании царя Михаила Федоровича с рисунками, исполненными красками. Оригинальность,

древность рисунка положительно приковывают к себе внимание посетителя, причем такой рисунок снабжен тут же и пояснительным текстом вроде: "И как царь и великий князь приехал от церкви, ссел с коня у лестницы, что подле Грановитой палаты, а Царица и Великая Княгиня вышла из саней, и Царь и Великий князь, взяв царицу за руку, шел с ней тою же лестницей в Грановитую палату". При этом рисунок изображает и самое шествие. Во второй зале расположены снимки с коронационных торжеств уже более близких к нам царствований. Так, на[пример], особенно выделяются старинные гравюры, изображающие процессию следования — "как следовала в Успенскую соборную церковь Ее Величество Императрица Елизавета Петровна". Тут же множество фототипий, знакомящих с предметами современного нам коронования: изображение держав, троны царей Алексея Михайловича, Михаила Федоровича и проч. Особенной полностью отличается собрание гравюр, рисунков и предметов, относящихся к коронованию Государей — Николая I, Александра II, Александра III.

Вообще выставка составлена с большим умением и знанием дела. Насколько велик интерес, который она возбудила в публике, видно из того, что 15 мая в продолжение нескольких часов выставку посетило более 250 человек, так что временами помещение музея продолжительно становилось тесным. От 12 до 4 часов всем желающим из публики любезно делает разъяснения по части выставленных предметов хранитель музея г. Федоров¹.

В заключение можно только жалеть, что коронационная выставка ограничивается только тремя днями празднеств священного коронования, а не продолжится далее, как имеющая глубокий интерес в смысле поучительности и редкости выставленных предметов.

Мы слышали, что главным устройтелем выставки является о. Зверев, известный своею деятельностью по разработке истории местного края, положивший массу труда и хлопот по осуществлению идеи выставки. К устройтелю выставки следует отнести, как нам казалось бы, с тем большей благодарностью, что отсутствие платы делает ее доступной решительно каждому.

Дон. 1896. 19 мая. № 54.

¹ Федоров Павел Федорович (1871—после 1913), преподаватель русского и церковно-славянского языков в Воронежском духовном училище. Одновременно в 1894—1896 гг. являлся хранителем губернского музея.

**[ПРИВЕТСТВИЕ ПО СЛУЧАЮ
ТРИДЦАТИЛЕТИЯ ГАЗЕТЫ "ДОН".
1 ФЕВРАЛЯ 1898 г.]**

Милостивый государь, Всеволод Григорьевич!

Честь имею поздравить вас с исполнившимся тридцатилетием издаваемой вами газеты. Сердечно, душевно желаю, чтобы и в будущем "Дон" так же, как и в истекшем тридцатилетии, стремился к исполнению своего назначения — быть органом речи местного общества, и беспристрастно, беспартийно открывал свои страницы всякому серьезному мнению, всякой серьезной мысли; чтобы в этом отношении у него не было любимцев и нелюбимцев, не было бы таких, которым зажимается рот, которые лишаются возможности сказать свое слово. Цензура партийная несравненно тяжелее обыкновенной, и мы знаем страны, где, при отсутствии правительственной цензуры, печать попала в такие условия, что независимой мысли нет возможности высказаться; независимая же мысль вырабатывается большею частью людьми, не имеющими средств создавать свои органы; да печать и не может, не должна быть органом отдельных лиц; это по существу орган общественный, орган всего общества, и обращение его в орган партии или отдельного лица есть величайшее искажение, узурпация.

Дон. 1898. 5 февр., № 15.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Е. Л. МАРКОВУ¹

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Евгений Львович!

К великому моему огорчению я не мог, по обстоятельствам, от меня не зависевшим, принять участие в заключительном и самом торжественном акте чествования вашей сорокалетней литературной деятельности. Я сожалею об этом главным образом потому, что не мог присоединить и своего голоса к хору чествовавших вас и оценивавших значение вашей деятельности; сожалею потому, что, как

мне кажется, одна сторона вашей деятельности, благодаря которой именно деятельность ваша так независима и близка жизни, не получила надлежащего освещения, осталась в тени: не было указано с надлежащей яркостью, что вы не литератор-ремесленник, не литератор по профессии, литературные произведения ваши вызваны не необходимостью доставить к определенному сроку определенное количество листов, а суть отзвуки живых явлений жизни. И это особенно важно отметить в наше время, когда съезд литераторов в Лиссабоне поднял вопрос об устройстве даже особых учебных заведений для образования профессиональных литераторов и журналистов; — но ведь это значит — поставить средостение между обществом и литераторами, сделать из них особую касту, это значит — лишить литературу всякого для жизни значения — и тогда литература будет только для литературы и литераторов, как наука для науки и ученых, искусство для искусства и художников и проч. Вы, очевидно, не поклонник этих принципов; между вами и обществом никакого средостения нет, вы сами участвуете в жизни общества, потому-то все явления жизни и имеют такой яркий и живой в вас отзвук. Не будь вас или живи вы, как живут профессиональные литераторы, в своих кружках, по необходимости создающих свою особую атмосферу, чрез которую все внешнее представляется в затемненном и искаженном виде, — многие жизненные явления остались бы незамеченными, не сделались бы предметом открытого обсуждения и в темноте продолжали бы свое иногда и тлетворное действие. Хотя мы все обладаем даром слова, но пользуемся этим даром лишь в самой ограниченной сфере, в сфере своих личных нужд и забот, и только чрез вас окружающее вас общество — при настоящих условиях, когда требуется особый, исключительный дар, чтобы быть услышанным — может высказаться и по вопросам, которые выше и шире наших личных нужд и интересов... Вот, на мой взгляд, то значение, которое вы имеете для общества, среди которого живете; этим объясняется и то любезное к вам отношение жителей Воронежа, которое нашло выражение в торжестве 11-го октября.

Теперь же я считаю необходимым внести некоторую поправку в оценку вашей деятельности, сделанную многуважаемым И. Т. Алисовым, который особенно подчерки-

вает в вашей превосходной статье "Брожение духа в народе"² указание на то, что борьба с идеями, чувствами, с верованиями должна и может быть только борьбою в области духа. Подчеркнув эти лишь слова и не указав, что дальше в статье вы говорите о недостаточности одной проповеди и ставите образцом деятельности в области духа — Иннокентия³, просветителя алеутов и других сопредельных с ними инородцев, Иван Троядиевич, как мне кажется, ограничивает вашу мысль и лишает ее того жизненного значения, которое она имеет в своей полноте. Знаменитый Иннокентий не только не ограничивался одною проповедью, а начинал воздействие на дух тех народов, которым проповедывал Христа, как и сам Христос, материальною помощью, материальными благодеяниями, памятуя, что человек не духовное лишь существо, но и телесное, и телесное даже прежде, чем духовное; вместе с проповедью, Иннокентий нес просвещенным им народам исцеление от оспенных эпидемий, научал их строить дома, делать кирпичи, класть печи, научал их готовить кислый живой хлеб, пищу несравненно более питательную и здоровую, чем опресноки. Вот на какой почве посеяно Ин[нокенти]ем христианство, вот как действовал Иннокентий на дух просвещенных им народов, и действие его было прочно. Бездейственность проповеди объясняется именно тем, что обращенные, порвавшие все связи с прежними своими единоверцами, тотчас после крещения, получив крест и рубашку, не только не приобщаются к жизни новых своих единоверцев, — а оставляются без всякого призрения, на произвол судьбы. Что же удивительного, если многие из них гибнут и доходят до глубины нравственного падения!

Простите, глубокоуважаемый Евгений Львович, если я позволяю себе здесь заметить, что в статье "Брожение духа" для меня непонятно, откуда в старосте и односельцах сектантов явилась такая к ним ненависть?! Обыкновенно наш народ так снисходителен, так терпим к чужим мнениям и верованиям. Считая свою веру святою, единою истинною, наш народ, тем не менее, хотя и с сокрушением, но искренно признает преимущества иноверцев, которые, как ему кажется, исполняют гораздо лучше свой закон. Откуда же у этого народа могло явиться такое, ничем не

объяснимое озлобление против своих же односельцев — сектантов, которые и отличаются от остальных будто бы лишь тем, что захотели на деле быть христианами?! Признаюсь, приводимый вами рассказ хромого сектанта не кажется мне искренним, напротив, рассказчик представляется мне большим хитрецом.

Затем предлагаемая вами мера для искоренения религиозных лжеучений — "вдохнуть больше живой жизни в религиозную деятельность нашего духовенства" — мне кажется неопределенною и вызывает на вопрос — как это сделать? Что же касается независимого материального положения духовенства, вы сами показали, как мало оно значит на примере миссионера с кумирами в кармане: этот миссионер прихода не имел и, следовательно, материально был совершенно независим от тех, просвещать которых был обязан. По этому поводу нельзя не вспомнить мнение знаменитого Филарета, митрополита московского, который был всегда против независимого материального положения духовенства, потому что такое обеспечение, по его мнению, превратило бы духовенство в чиновников, в господ, ничего общего с пасомыми не имеющих, материальная же зависимость духовенства от паствы связывает его с паствою. После смерти митрополита Филарета прошло тридцать лет; и, хотя независимого положения духовенство не получило, но тем не менее сумело совершенно выделиться от паствы, доставляющей ему средства к жизни, и зажило своею особою жизнью, совсем не похожей на жизнь паствы. Где теперь не только священники, но и низшие члены клира, которые сами пахут и участвуют со своими семьями во всех земледельческих работах?! А между тем, каждый из нас, в возрасте 50—60-ти лет, еще помнит священников не земледельцев только, но и земледельцев — тип в высшей степени симпатичный. Теперь это невозможно по самому уже образованию, которое получают как сами готовящиеся в духовные пастыри народа, так и будущие их жены, для большинства которых — после окончания курса в епархиальных училищах, где они учились музыке и, вероятно, танцам, жили в таких залах, где каждое окно выше любой сельской хаты, — доля жены священника, диакона, псаломщика, или дьячка (как называли прежде) будет казаться величайшим бедствием. Этим я хочу сказать, что современное воспитание и образование никак не ведет к тому, чтобы вдохнуть жизнь в религиозную деятельность

нашего духовенства; напротив, воспитание и образование, которое все мы ныне получаем, — духовные и светские, — весьма далекое от того, что всем на потребу, возбуждает лишь аппетиты, множество всяких потребностей и ничего не дает для удовлетворения этих аппетитов и потребностей, а потому и ведет прямым путем к тому, чтобы не вдохнуть, а совсем вытравить все живое из деятельности не духовенства только, но и всех. На духовенстве это заметнее, потому что в руках духовенства наиболее живое дело, а потому и требующее большей жизненности... Вы не обвините меня, конечно, во вражде к просвещению, и не назовете поборником невежества, потому что хорошо знаете мои чаяния, чтобы все были познающими и все было предметом познания; и говоря так, я разумею не распространение лишь популярных сведений, принимаемых на веру и заменяющих, в сущности, одни суеверия другими; говоря так, я разумею настоящие серьезные знания, знания, неразрывно связанные с делом, занятием каждого, знания, приложимые к жизни, а не так, как теперь, когда знания, наука — сама по себе, а жизнь — сама по себе... И это не значит, чтобы знания, не имеющие приложения к жизни теперь, были исключены: не знания слишком широки, а жизнь невозможно узка, несмотря на все кажущееся разнообразие, или пестроту, а потому и нужно, чтобы жизнь расширилась до того, чтобы и такие знания, как астрономия, даже спектральный анализ, имели приложение к жизни. Это и будет, когда военное дело обратится в исследование, а войско — в орудие исследования, в орудие одного общего всем людям дела избавления от общих бедствий (см. "Разоружение", — Новое Время от 14 октября, № 8129-й). Тогда и поступлению в войска, т.е. вступлению в общее всем дело, будет предшествовать воспитание, начинающееся с раннего детства; это воспитание должно раскрыть душу каждого, определить способности и поставить каждого на такое занятие в общем всем деле, которое ему наиболее свойственно, на котором он принесет наибольший плод. Для такого воспитания, а вместе и образования, недостаточны, конечно, ни земские, ни церковно-приходские, ни министерские школы; для такого воспитания детей необходим союз всех отцов и матерей, начиная в настоящее время с интеллигенции и концентрически распространяясь на всех. При таком лишь союзе родителей для воспитания рожденных ими, образование, или просвещение, будет достоянием

всеобщим, и только тогда будет распространяться свет истинный. Ныне же, поднимая вопрос о всеобщем-обязательном образовании, мы сами не знаем, какой свет несем в народ; земская, или вообще школа, которою распоряжаются люди светские, полагает, что она несет свет истинный, церковно-приходская присваивает привилегию света истинного себе; со стороны же посмотреть, даже — программы тех и других школ почти одинаковы и результаты одни и те же, так что и понять нельзя, из-за чего происходят препирательства между распорядителями этих школ?! Народился было у нас еще один тип школ, это — церкви-школы, но и в них совмещение церкви и школы — только по пространству и полное разделение преподавания в школе от церковной службы: на время школьных занятий иконостас даже закрывается глухой стеною и не может служить пособием при обучении.

Если я все это пишу вам, глубокоуважаемый Евгений Львович, то именно в силу того значения вашей литературной деятельности, как я это значение себе представляю: вы человек дела, вы живой человек и оцените все, что идет из глубины души, из самого источника жизни — сердца.

Примите же глубокую благодарность за то, что вы всегда не только терпеливо слушаете всех, к вам обращающихся, в том числе, конечно, и меня, но и помогаете, чтобы и другие услышали то, что находите заслуживающим внимания, хотя и не вполне согласное с вашим личным мнением.

Глубоко вас уважающий и душевно преданный

Н. Петерсон

Октябрь 1898 года.

Дон. 1898. 5 нояб., № 122.

ОР РГБ, ф. 657, карт. 2, № 2.

¹ Письмо написано по случаю 40-летия литературной деятельности Е. Л. Маркова, которое отмечалось 11 октября 1898 г.

² *Марков Е.* Брожение духа в народе // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 3 окт., № 271. См. об этом: *Рождественский Т.*, свящ. Открытое письмо // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 14. С. 589—606.

³ *Инокентий* (в миру Попов-Вениаминов Иван Евсеевич) (1797—1879), проповедник христианства на Аляске. С 1868 г. — митрополит Московский.

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ

МИТРОФАНОВСКАЯ ВЫСТАВКА ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ

Вопросы умственного просвещения, тем более нравственного и эстетического воспитания общества, не исчерпываются лишь заведениями, библиотеками, лекциями, курсами и театрами. Требуются наглядные примеры и образцы — особенно когда их мало дают окружающие среда и обстановка. Часто последние, как гладкий стол, вовсе лишены памятников минувшего: в них не видны или стираются следы былой исторической жизни, печать которой местами может быть заметна в каждой площади, повороте улицы, где тени прошлого как бы следят и управляют движениями, мыслями, поступками их современных потомков, так что впечатления массы населения не разнообразятся ничем в обычной обстановке квартиры задних дворов больших городов. Что до сельчан, то историческою лекциею им служат памятники наших скверов, указаниям которых, случается, волонтеры-объяснители дают, впрочем, иногда весьма вольное толкование. Как он ни есть, но Воронежу удалось приобрести наглядное образовательное средство — губернский музей, рост и развитие которого знаменуется уже новой в нем выставкою. Что интерес к нему растет, то указывает масса подростков, которой не удалось попасть в него за теснотою помещения или неимением билета в день открытия выставки, 23 ноября. Пусть же ширится помещение, множатся жертвователи-устроители, пусть держится на одном высоком уровне интерес к музею в населении, что позволило бы ему сравняться с харьковским.

Предыдущую свою выставку гравюр наш музей не может признать ни неудачной, ни бесследной. Керченские раскопки, обогатившие своими находками залы императорского Эрмитажа, обязаны, помнится, своим почином

не трудам заправского археолога в роде Шлимана, а дилетанту-любителю, бывшему офицеру наполеоновской армии. Случается, что имя прямого виновника известного события так и остается неизвестным, если не всем, то большинству. Чьей, например, целесообразно направленной инициативе обязан наш исторический цейхгауз, что полуразвалившееся убежище инвалидов, план которого висит на выставке, обратился в веселое, чистенькое, спрятанное в зелени здание, оберегающее целую флотилию любителей гребного спорта? На этот вопрос невольно наталкиваешься, сравнивая его прежний план с современной фотографией, висящею тут же на выставке. Так и с воронежским музеем: когда он переберется ближе к памятнику Преобразователя, как бы царю-восприемнику захудалого, не раз сожигаемого и разграбляемого крайнего поселения, в малом виде повторится история нашего города, которой, будем надеяться, не сказано еще окончательное слово.

Воронеж не только административный и — как то было красноречиво высказано в статье покойного редактора "Дона" Г. М. Веселовского — благодаря кадетскому корпусу несколько более оттененный против иных губернских городов образовательный центр — он (и это что-нибудь да значит) имеет, не говоря уже о своих известных литературных и поэтических именах, за собою крупное и славное историческое прошлое, ставшее затем народною святынею. Такая тройственность значения Воронежа и отражается в настоящей выставке музея, к сожалению, на этот раз не имеющей каталога. Попробуем же приурочить эту тройную цель выставки к трем не то, чтоб вместительным комнатам музея, причем первая легко может сойти только за верхнюю площадку лестницы. Уже поднимаясь по последней, вместе с предметами вооружения, старыми пищалями, неказистыми бердышами, изъеденными ржавчиной кольчугами, развешаны карты воронежского края XVII века, на которых Воронеж "кружком означен не всегда". Зато на них хорошо выходят, точно прямые рельсовые пути без обходов и заворотов, протянувшиеся с юга на север, черные полосы татарских шляхов. Наверху лестницы, или в первой комнате музея, две витрины: одна с литературою о св. Митрофане в до-воронежский период, вверху ее фотографии видов села, где он родился, карта владимирского края, по месту его рождения Шуйского уезда, с. Анфилохова; другая — посвящена па-

мятникам воронежского края. Над витриною и в витрине — виды Воронежа XVII века. На реке оживление: сарай, здания, суда, каменная ветряная мельница, точно в Голландии, машет своими крыльями. Выше — старинный портрет Петра, юноши в латах, на которого как бы смотрят портреты его родителей, царя Алексея Михайловича и второй его жены Наталии Кирилловны Нарышкиной. Их одежда, облик, все частности портретного письма — все невольно вызывает требующее объяснения параллельное сближение с необычно рыцарственною внешностью юноши, детская миловидность черт которого никак не предвещает мужественного, озаренного "умственным ясновидением" величия черт царя на гравюре второй комнаты с латинской надписью: *Petrus primus Russorum imperator*¹. Над нею гравюра царевича Алексея Петровича, трагическая судьба атавизма которого еще ждет нового Шиллера или Жуковского, которым Соловьев и Костомаров дадут более материала, чем давал его для "Бориса Годунова" Карамзин. На стене напротив — аллегорическая гравюра Петра во весь рост, в ногах его литавры и книги. Слава рядом указывает ему путь вперед; внизу подпись: *Petrus magnus Russorum imperator*². Выставленная в этой же комнате писанная масляными красками и давно не реставрированная картина взятия Азова, хотя общей компановкою, колоритом, распределением планов напоминает многим воронежцам известную большую картину [из] кадетского корпуса Петра на верфи, но ни ее значительно меньшие размеры, ни не совсем исправное ее состояние, ни техника ее письма не могут выдерживать сравнения с последнею³. Тем не менее, она одна, еще не видя портрета св. Митрофана большой комнаты, невольно обращает и приковывает внимание зрителя к событию, послужившему началом эры Воронежа и приязни великого государя к святителю, открытие мощей которого через полтора века стало второю эпохою для города, вызывая его имя "не только в устах каждого взрослого, но даже и в слабых лепетаниях детей".

Жизнь города до и после этих двух знаменательных ее фазисов — не представляет постепенного роста, развития и успехов. Упоминается ли о Воронеже в летописи Нестора и справедливо ли утверждение о нахождении нынешнего Алексеевского (Акатовского) монастыря на месте бывшего когда-то тут казарского городища, то виднее автору любопытного "Действительного путешествия в Воро-

неж"⁴, воскрешающего наружным своим видом, печатью, слогом и правописанием — картины и воспоминания былого детства и исчезнувших условий прежней жизни.

На ответственности же автора упоминаемого путешествия остается не менее любопытное уподобление монастырских круч и оврагов с пропастями С.-Готарда, которых, при прежних способах сообщений и средствах поездов, и позволительно было не видеть. По стенам той же комнаты — письма с надписями Св. Митрофана, Меньшикова, превосходно написанное уставом письмо к святителю, наконец, собственноручное письмо Петра. Тут же в витрине документы из переписки Петра с св. Митрофаном, книга приходо-расходной казны 1702 г., писанная прежнею заковыристою и мало разборчивою скорописью; рядом, для выдержки, та же тетрадь, написанная современным почерком и отметка в ней о пошлинах с брачующихся: "с первобрачным 17-ти, второбрачных 8-ми, третьобрачных 4-х, всего венечных 9 рублей 6 алтын и 4 деньги".

Известно отношение Петра "к его святому старцу", пожертвовавшему на кумпанства все свои деньги и продолжавшему и затем жертвовать свои епископские доходы, но не отличавшемуся лишнею покладистостью и не боявшемуся раздражать грозного и порою вспыльчивого царя отказом проехать перед мифологическими статуями его дворца. Не всегда благодушный, великий царь не насиловал свободы совести верного пособника его государственных начинаний, рачительного хозяина, умевшего, когда то нужно, встречать его. На выставке имеется след таких забот св. Митрофана в письме к острогожскому полковнику⁵: "Приходит праздник, престол Богородицы, а на Воронеже соборная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Пожалуй, Федор Иванович, к такому великому празднику и ради пришествия великого Государя, прикажи промыслить свеженькой осетринки, да белуженьки свежей или хотя новосоленой... а у нас на Воронеже взять и сомины негде".

Главные моменты деятельности св. Митрофана выставлены в общедоступных изображениях 67 и 93 годов. Одно — общества распространения полезных книг, другое — московское, раскрашенное и с заимствованным, ви-

димо, из первого сюжетом. Святитель то подносит царю кошель на кораблестроение, то, согласно его желанием, кормит в монастыре странных и убогих, то закладывает первое основание собору, иконостас которого росписан итальянскою живописью уже при святителе Тихоне. Оба эти представителя русского православия и народности, вне самобытности исторического деления, не были только аскетами-созерцателями, отрешенными от действительной жизни. Трезвенная, практическая и простодушная житейская мудрость звучит в этих словах, всюду сопровождающих лик св. Митрофания: "Употреби труд, храни мерность — богат будеши. Воздержно пей, мало яждь — здрав будеши. Твори благо, бегай злого — спасен будеши". Такова немногосложная, своеобразная и глубоко правильная в применении формула деятельности воронежского святителя. На нас смотрит его пронизательный голубой взгляд, и хмурится пытливая складка лба!.. В мягких, но твердых, кротких, но повелительных, только святостью примиряющих непримиримое, чертах копии портрета, мастерски и художественно исполненной известным Воронежу педагогом живописи Соловьевым, как бы отражается та "мерность", которая служила жизненным заветом святителю, — "мерность", помогавшая ему вместе с казначеем Тихоном собирать рубли и алтыны в серебряный ковчежец выставки и не для личных целей, не близким, а на надобности паствы, для содействия государственному делу, результатом которого явился флот в тысяче верстах от моря, а маленький, крайний, погоревший городок стал шириться, расти, интересовать собою иностранных путешественников, его рисовавших.

В одной же витрине с серебряным ковчежцем св. Митрофана — черное блюдо, пожертвованное на церковь дарителем, который предусматривал возможность покориться им, прибавляя "да будет же он проклят!" Сделалось ли серебряное блюдо темным от употребления и времени, от заклятия ли, или же в тот хотя не так давний, но железный век люди во всем, даже в дарениях, были прямолинейнее, жестче, беспритязательнее, так что могли дарить с заклятиями и чугунные вещи, — неизвестно.

Кроме образцов иконописи, уже бывших на прежней выставке гравюр, на окнах лежат еще семь медных досок,

служивших для печатания изображения св. Митрофана или видов Благовещенского монастыря. Остается упомянуть о витринах с житиями св. Митрофания, их выставлено 27 разных изданий, около них же лежит вырезанное для оттисков на пальмовом куске изображение св. угодника.

Писавшим о нем также посвящена особая витрина. Тут видны карточки М. Ф. де-Пуле⁶, графа Толстого⁷, ректора московской духовной академии Лаврентия⁸ (М. И. Некрасова, б[ывшего] законоучителя кадетского корпуса), одного из редакторов "Дона" с газетою в руках⁹ и других. Есть еще витрина с литературою открытия мощей. Поблагодарим же устроителей и надзирателей выставки, которые и к себе могут применить слова: *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*¹⁰.

-въ.

7 декабря 1897 года.

г. Воронеж

Дон. 1897. 14 декабря, № 139.

¹ Петр Первый, император России (лат.)

² Петр Великий, император России (лат.)

³ Автором второй картины, написанной в 1872 г., был Л. Г. Соловьев.

⁴ Раевич Иван Александрович (1808—1847), автор книги "Действительное путешествие в Воронеж" (Спб., 1838; 2-е изд.: Спб., 1839).

⁵ Письмо адресовано полковнику Ф. И. Куколю.

⁶ Де-Пуле Михаил Федорович (1822—1885), воронежский краевед.

⁷ Толстой Дмитрий Николаевич (1806—1884), мемуарист, воронежский губернатор в 1859—1861 гг.

⁸ Некрасов Михаил Иванович (в монашестве Лаврентий) (1836—1908), священник, в 1866—1894 гг. — законоучитель Кадетского корпуса в Воронеже.

⁹ Веселовский Григорий Михайлович (1837—1896), историк, редактор-издатель газеты "Дон". Автором портрета, изображающего Г. М. Веселовского с газетою в руках, является Л. Г. Соловьев.

¹⁰ Сделал, что смог, могущий пусть сделает больше (лат.).

О ПЯТОЙ ВЫСТАВКЕ МУЗЕЯ

Выставка, устроенная в память истекшего столетия существования губернской типографии, кроме образцов печати разных годов, в том числе даже выдающихся работ

заведения В. И. Исаева¹ (атлас чертежей юго-восточных дорог и их график), — одновременно с тем представила и ряд местных памятников более или менее близкого прошлого, рукописей, полотен, рисунков, карточек, изданий пятидесятых и шестидесятых годов, отчасти проигрывающих в интересе в соседстве им подобных же современных образцов. Если современное и питается прошлым, то уже потому самому в общем, а особенно в технике, неизбежно должно его перерастать.

Музейская область главным образом юбилейное, если не более отдаленное, прошлое, притом область мертвых, а не живых. Этот взгляд, впрочем, подлежащий некоторым ограничениям, можно было бы воздержаться высказывать, если б он не встречал оправдания в авторитетных указаниях, обращаемых по поводу "апофеоза натурализма современности". И вот сущность их вкратце.

Без прошлого нет поэзии. Чтоб действительность могла затронуть воображение поэта, она должна быть преобразована медленною работою времени. Ахиллы, Роланды, Родриги в течение своей жизни были людьми, подобными всем прочим, приблизительно тех же сил и способностей, как и другие их современники. По мере углубления вдаль их образов, они растут и обращаются в героев, а современная им эпоха принимает эпические размеры. У народов, у которых нет традиций, нет и поэзии. Устой современности — в прошлом. Она сама — только временная форма ее настоящего постоянного значения. Из солидарности поколений, из того, что мы храним как бы залог, вложенный в нас отцами и дедами, истекает и самая нравственность.

Итак, живых нельзя ни ровнять, ни сопоставлять с мертвыми, встающими или величавыми видениями, или едва мелькающими неясными и смутными призраками и тенями минувшего в вечно возобновляющихся струях реки забвения.

Что же дает из прошлого пятая выставка музея? На первом плане тетрадь "Дневник семинариста" Никитина², лучшую, может быть, вещь, написанную в Воронеже; рядом с нею тетрадь народных пословиц, собиравшихся Кольцовым³, открытая на заглавии... Печатные афиши давних годов. Много портретов масляными красками, но

глазу профана, улавливающему лишь резкие особенности, легко сравниваемые черты, отчетливо сознаваемые впечатления, — все эти выцветшие от времени холсты, может быть, и не лишенные технических достоинств, говорят мало. Всякому, посещавшему музей, знакомы типы и костюмы, рисованные С. П. Павловым⁴ в его путешествии по губернии вместе с Н. И. Второвым. Кроме того, выставлено несколько других его акварельных работ, в том числе и отпечатанная в губернской типографии 1847, им же, кажется, оригинально скомпанованная иллюстрация пословицы "Что посеешь, то и пожнешь". Оставшаяся без последствий, она заставляет предполагать, что она не получила той популярности, которую в те времена дешевым изданиям давали постоянные дворы и почтовые станции — эти как бы форумы и в своем виде пантеоны нашего недавнего прошлого. О С. П. Павлове, пожалуй, и профану можно сказать, что "стакан его невелик, но он пил из своего стакана". Невольно вспоминаешь сожителя его по холостой когда-то квартире — Н. С. Тарачкова⁵, отыскиваешь взглядом его гербарий. Воспользуются ли этим его трудом будущие поколения местных сельских хозяев? И суждено ли ему быть пособием к изучению местной природы именно там, где он собирался? Некоторые печатные труды Н. С., впрочем, выставлены в витринах, где главное место принадлежит Н. И. Второву, воронежцу по его восьмилетней службе советником губернского правления в 1849—1857 гг.

Сверх трудов по краеведению, дальнейшие служебные подготовительно-законодательные работы Второва выходят за ограниченные пределы лишь одной губернии. Главнейшему его продолжателю Г. М. Веселовскому выпала честь до конца остаться у своего поста служения местности, в которую его бросила судьба.

Витрина с карточками начальников губернии могла бы служить как историей края в лицах, если бы под карточками имелись подписи и были проставлены годы времени их управления краем.

Вот беглые впечатления, оставленные первым обзором, в котором не руководимый ни каталогом, ни чичероне, глаз ищет схватить главные существенные пункты, с ко-

торыми бы связывались и прочие, хотя бы это кажущееся главное и не было таким на самом деле.

И правда, новое посещение во многом изменяет прежнюю точку зрения, как это часто бывает. Другая ли укладка предметов, другое ли настроение, более ли сознательный отчет в первом впечатлении, но в трех комнатах музея уже не ищешь того, что заметил прежде, не думаешь встретить почему-то бытовую панораму жизни прошлого города.

Последняя, впрочем, не вовсе отсутствует, только там и сям выставленные ее экземпляры, рядом с образцами, встречавшимися уже на прежних выставках, попутно с современными, даже не здесь печатанными оттисками, оставляют в целом нежные и путаные следы. Типографские образцы и адрес 25-летию "Филологических записок"⁶, составивших себе почтенную, но не местную известность; карточки служащих корпуса и семинарии и свиток грамоты царя Алексея Михайловича 1658 года женскому Покровскому монастырю, в котором не навывший глаз отмечает одни только случайные буквы, не отдавая отчета в их смысле; ряд брошюр и изданий, уже встречавшихся на прежних выставках, и акты Второва или статистические описания уездов земства... Жаль, что нельзя убедиться, какие уезды еще остались неописанными, и удержалась ли или изменилась первоначально принятая программа описаний, как то иногда случалось. Тут же небольшая, аккуратная с отчетливою, впервые напечатанною административной карточкою губернии, Памятная книжка Второва 1857 г.⁷ Теперь, когда картографические работы стали проще, дешевле, но часто и сильно неаккуратнее, без них зачастую и стали вовсе обходиться, заполняя страницы подобных изданий массою сырого, непереваренного матерьяла, представляющего как бы ненужный багаж, который берется с собою в дорогу.

Вот, например, и с планом Воронежу не везет, как то можно судить по двум выставленным планам 1774 и 1856 годов, уже обоих довольно далеких от нашего времени. Первый, пожалуй, до известной степени и соответствует настоящей черте города, даже и кузни находятся на том месте, где пока они стоят — на Лесной. Любуешься чертою бульваров городского вала, след которого изобража-

ет нынешняя Лесная, или Кольцовская, улица, которой не видать этих бульваров никогда, несмотря на все происшедшие перемены после их проектирования в давнее от нас время. Собор оставил свое место на горе теперешнего Митрофановского монастыря; отдельные выезды в Землянск и Москву — слились в один; выезд в Острогожск и вовсе не видать.

На месте старого вала должна быть Дворянская улица. Что же теперь на месте бывшей губернской усадьбы? Чуть ли не кадетский корпус, но трудно определить это без нового плана города; сжатый же в границах, хотя и иллюминированный, план 56 года не удобен к беглому сравнению. Середина города — пересечение Дворянской и Большой Московской, и предлагаемое место устройства Соляного городка — и в 1774 году играла видную роль, как место "квартала под строение таможни, питейного дома, трактира, харчевен и прочих публичных строений". Некоторых этих мест, как таможня, теперь нет и в единственном числе. Зато трактиров число умножилось. Вот нельзя сказать того же о воронежских изданиях, хотя бы и нескольких уже типографий, более занятых периодическими местными изданиями, официальными отчетами и бланками, в благоприятных лишь случаях учебными книгами.

Вот какие в былые времена издавались книги в Воронеже: "Философское рассуждение о человеке и его превосходствах, содержащее в себе сравнение состояния и способностей человеческих с состоянием и способностями других животных, сочиненное на английском языке, переведенное на французский Г. И. В. Робинетом, которое на русский язык переложил Петр Соколовский 1800 г."⁸. Книга не была лишь случайным изданием: рядом с нею лежат и другие того или иного характера, не все же они попали на музейную выставку, а списка сочинений, печатавшихся в типографии, нет. Думается, что на книжке, сыгравшей даже некоторую роль в русской истории, следует подольше остановиться. Недавно праздновалась память родоначальника нашей критики, не разделявшего, между прочим, мнения о необходимости для детей особых сокращенных изданий, благодаря чему у нас нет и до сих пор еще полных переводов ни Купера, ни даже Вальтер

Скота, так любимых Белинским. Он утверждал, что книга, хорошо написанная для взрослых, хороша и для ребенка. Такою книгою во время оно была "История державного ордена Иоанна Иерусалимского аб. Верто". Что она способствовала экзальтации юноши, наследника престола, оторванного от умелого и внимательного "дядьки" Порошина, любовно следившего за его развитием, то это уже вина не книги, а исключительных, хотя и не так редко повторяющихся условий. Вот большой царственный портрет самодержца в красном костюме, стена о стену с поясным портретом пышной Фелицы, по обстоятельствам не любившей сына и готовившей престол внуку. Ее расчеты не так скоро оправдались. Почти одновременно, на севере, западе, центре и востоке Европы следует ряд безвременно и трагически кончивших государей.

— "А что это не Петр ли Великий?" — спрашивает меня девочка, пораженная размерами и величавостью портрета, взятого из архиерейского дома.

Конечно, "Северный граф"⁹ 1782 года мало имеет общего с Петром, кроме созвучных имен общего всему христианству праздника; да и статуе Петра не всегда счастливится даже от взрослых. Помнится, как самоучка гравер спрашивал меня, кого статуя изображает и куда перстом показывает? — И правильно ли толкование им от кого-то тут слышанное, благодаря чему при отсутствии решетки исчезла из надписи буква д?

Павел первый, вместе с Суворовым, открыл народной массе, первобытным, но прежде популярным просветительным, путем войны, Италию и Швейцарию. Более многочисленные наши полки через пятнадцать лет прошли из края в край Европу. Но впервые, а может быть и в последний раз им пришлось видеть Корфу, Мальту, Неаполь, Ломбардию, предгорья Альп, Пьемонт при Неви, швейцарские твердыни С. Готарда и Мутенталья! Конечно, бескорыстно величавую мечту реставрации разрушили гофкригсрат и Цюрих, как не разрушила в свое время Нарва более практически-серьезные цели. Но если иной раз нравственная сила не знает, к сожалению, условий действительности, то все-таки не даром же объясняют некоторые течение событий ходом идей, и такое рассужде-

ние бесспорно заключает если не всю, то добрую часть всей истины. Вот куда увлекла нас, впрочем, интересная старая книжка Верто, которая, где бы и когда бы ни была издана, всегда напомнит нам образ императора, мечтавшего, подобно гросмейстерам, о совмещении в одном лице светской и духовной власти и восстановлении угасавшего повсюду рыцарства. Чья выразительная рука писала портрет, не боясь размеров полотна, которые как бы невольно приглашают к свободным и неотделанным мазкам? Без притязания на знание техники, невольно ограничиваешься впечатлениями, вызываемыми работой и зависящими от ее содержания. Вот в чем сила аллегорической и исторической, мало у нас культивируемой, живописи. Недаром образ "Северного графа" с романтически загадочными контрастами его судьбы и характера — так увлекает повествователей и бытописателей, в рядах которых есть и такой редкий стилист, как А. И. Тургенев¹⁰.

Стоит лишь посмотреть на другой, тоже большой портрет нашего согражданина со Станиславом на шее. Его работал добросовестный художник, умевший передавать и прививать любовь к искусству во многих своих учениках, если и не вполне, на манер "Ясной Поляны", удовлетворявший официальным требованиям поддержания порядка в классе. Работа портрета отчетлива и, кажется, правильна, но ни этот портрет, ни другой, густо залакированный другой нашей известной согражданки м-м Шеле¹¹, ничего не говорит глазу и не много памяти. Вот еще девушка в белом старомодной костюме как будто задает вопрос. Было ли это складывание губ сердечком условным изображением; или и в самом деле они так складывались в то сантиментально чувствительное время?

Нужно еще упомянуть об охотничей акварели Лебедева¹², видимо, окрестностей Воронежа. Охотник с ружьем разговаривает с крестьянкою, другая хлопчет сзади него у котелка, собака весело посматривает, подняв хвост. Вдали крутой берег и на нем колокольня. Знакомая и родная нам картина!

По отношению к живописи и рисованию, общий вывод как из этой выставки, так и предыдущих, тот, что влияние ли времени на краски, направление ли техники с откры-

тием фотографии, частью заменяющей карандаш и знание перспективы, но местная живопись представляет у нас бесспорный и заметный прогресс. Что до рисования, то образцы его едва ли потянутся с работами Лебедева и Павлова. Впрочем, в этом роде нам только и попадались что ученические работы. Придется ли нам видеть осуществленными пожелания, недавно высказанные здесь инициатором нашей бесплатной школы рисования, и будем ли приветствовать развитие искусства, представляющего один из самых прочных мостов между теорией и практикою, которого жизненный и просветительный смысл так ускользает от самодовлеющего неведения, часто придающего значение лишь слепому нагромождению памяти?

-ВЪ.

14 июня 1898 года.

Дон. 1898. 21 июня, № 87.

¹ Исаев Василий Иванович (1847—1909), владелец типографии в Воронеже в 1876—1904 гг.

² Никитин Иван Саввич (1824—1861), поэт.

³ Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт.

⁴ Павлов Сергей Павлович (1828—1873), художник, в 1845—1873 гг. — преподаватель Воронежского кадетского корпуса.

⁵ Тарачков Николай Степанович (1822—1893), ученый-естествоиспытатель, в 1845—1864 гг. — преподаватель Воронежского кадетского корпуса.

⁶ "Филологические записки" — научно-педагогический журнал, издававшийся в Воронеже в 1860—1917 гг.

⁷ Первая "Памятная книжка для жителей Воронежской губернии", инициатором издания которой был Н. И. Второв, вышла в 1856 г.

⁸ Соколовский Петр Васильевич (1765—1829) — преподаватель Главного народного училища в Воронеже (1791 — 1809), смотритель уездного училища (1809—1829), переводчик.

⁹ "Северный граф" — великий князь Павел Петрович (1754—1801), будущий император Павел I.

¹⁰ Имеется в виду Тургенев Александр Иванович (1784—1845), публицист и мемуарист.

¹¹ Шеле (урожд. Тулинова) Анна Ивановна (1792—после 1872), воронежская помещица. Ее живописный портрет работы неизвестного художника хранится в Воронежском Художественном музее им. И. Н. Крамского.

¹² Лебедев Василий Алексеевич, учитель рисования в губернской классической гимназии.

ШЕСТАЯ ВЫСТАВКА МУЗЕЯ

Воронежский музей ведет счет и инвентари выставкам; пусть же сие продолжают и дальше, даря всякий раз городское население новым даровым и не бесцельным удовольствием.

Устроителями выставки всегда ставится какая-нибудь определенная цель, имеется в виду идея, которую хотят внушить посетителям, сообразно чему и располагаются выставляемые предметы, имеющиеся в тот или иной момент, соответственно требованиям времени.

Идея эта может быть более или менее удобопроводима и доступна пониманию массы; как бы велика ни была разница лет, званий, сословий и состояний посетителей, идея эта во всяком случае не остается бесследною для посетителей, а повторяемость выставок обеспечивает успешность и прочность желательного воздействия, которому придают такое значение все проводители и насадители просвещения. Еще недавно Петербург праздновал открытие музея имени Императора Александра III, и национальному значению этого музея, может быть, суждено соперничать с европейским значением императорского "Эрмитажа"¹.

Частые путешествия (недавним своим юбилеем как бы вступившего в число воронежских граждан) одного из передовых русских литераторов Е. Л. Маркова дали главный матерьял выставке, они же и послужили основой и ее идее.

Передадим последнюю своими словами, как нам пришлось о том услышать.

Известно, что выдающиеся народы в высшей точке их культурного развития являются полными выразителями той или другой стороны духовной природы человека и его гражданственности. Грекам дано было остаться образцом бессмертной красоты соразмерности, воплощенной между прочим и в открытой ими же гармонии чисел; древний Рим олицетворял собою идею права; романские и германские народы — все прочие, так сказать, светские идеи, послужившие основанием новейшей западной цивилизации. Только одному народу, рядом преэминентности поколений в течение тысячелетий, суждено было воплотить ре-

лигиозную идею человечества, которая передана Иерусалимом Риму, Византии и вслед за тем — нашей Москве, третьему славянскому Риму. Цикл развития религиозной идеи христианства как бы завершается этими четырьмя городами:

В небо там ушло второе небо
Дивный дом апостола Петра.

Как же идея эта передается впечатлениям посетителей? Как осуществится она в действительности?

Как бы прост, первоначален и груб ни был анализ, но он инстинктивно прежде всего отделит искусство от техники, творчество от механики, естественность от неоправданных притязаний.

Крайняя, большая, комната музея наполнена фотографиями, хромолитографиями и другими оттисками видов и типов Востока: Египта, Сирии, Палестины. В этой комнате несколько гравюр коллекции Паренаго — Корреджио, Дж. Романо, Дюрера и друг[их], уже бывших на выставке картин религиозного содержания. В первой комнате — фотография новооткрытого памятника Императору Александру II, внутренности мечетей Ая-Софии Сулейманиэ, старой Византийской стены и проч. Тут же и на стене лестницы — гвоздь настоящей выставки, гравюры Москвы 1797 года, царствования императора Павла, "когда московский пожар не поспособствовал еще ее украшению". Десять—одиннадцать листовых гравюр московских прошлых видов отодвигают на второй план, хотя и ценные, но бедные одиночеством и исключительностью сюжета: популяризованный фотографиями вид крепости св. Ангела с мостом через Тибр и церкви Круглой Богоматери (де-ла Ротонда), обращенной из римского Пантеона. Гравюра, изображающая вид церкви, оригинально снабжена масштабом, планом и разрезом и говорит о времени, когда красота и польза, искусство и техника, примиряемые вкусом, не приходили в разрез друг с другом, когда не только художники, как Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи и Рафаэль были вместе с тем и зодчими, но и, по-нашему, серебряники и золотых дел мастера, были художниками-ваятелями, подобно Бенвенуто Челлини.

Благодаря биографиям Павленкова², со всеми этими великими именами искусства легко знакомиться, и о них достаточно лишь вспомнить. Что до искусства, то о нем теперь говорят так много и со стольких новых точек зрения, что в них не так-то легко разобраться, если ставить целью не столько новизну, оригинальность, большую или меньшую правильность идей, сколько их простоту, краткость, ясность и отчетливость, устраняющие путаницу и смешение.

Что есть бесспорного в идее красоты, по отзыву лица вполне компетентного, и как философа и как поэта?*

"От теоретически истинного и нравственно доброго — красота отличается непременным требованием воплощения своего содержания в осязательных или конкретно-воображаемых реальностях. От материально полезного прекрасное, как такое, отличается тем, что его осязательные предметы и образы не подлежат чувственному хотению и пользованию".

Эта формула страдает, если можно так выразиться, большою отвлеченностью, в ней заключены, но не ясно выражены требования, уже давно высказанные Гогартом³, что искусство должно не только ослеплять, но и просвещать, говорить уму и памяти, а не одним случайным впечатлениям минуты: оно должно заставлять с собою переживать изображаемую им действительность, — словом, оно должно быть выразительным. И, на наш взгляд, этим условиям вполне удовлетворяют помянутые гравюры павловской Москвы; вряд ли они скоро забудутся, подобно всем прочим фотографиям, литографиям, иллюминированным политипажам, вместе с ними выставленным. Рассказывать их содержание нельзя — это значило бы описывать прошлую, ими воскрешаемую, Москву. Если своим уродством удержится в памяти и лубочная заграничная литография Воронежа с Петром Великим на берегу какой-то канавы, в которую спускают лодку, то это лишь потому, что она свяжется с представлением московской панорамы с Воробьевых гор, хотя бы и без фигуры завоевателя, обаяние все ниспровергающего перед собою гения которого здесь исчезло**.

Необычность расположения фигур, непривычность кос-

* Вл. Соловьев.

** Померкни, солнце Австерлица,
Пылай, великая Москва!

тюмов, оригинальность условий перспективных заданий — особенность прежнего, может быть, наивного технически письма, привлекательного для глаза расположением штрихов резца и теней, не дадут забыть ни эстампам, ни прошлой памяти привлекательной, чарующей, хлебо-сольной, веселой и правильной Москвы.

-Въ.

2-го января.

Дон. 1899. 5 января, № 2.

¹ "Русский музей императора Александра III" (ныне Русский музей) открыт 7 марта 1898 г.

² Павленков Флорентий Федорович (1839—1900), русский книгоиздатель, основатель серии "Жизнь замечательных людей", где вышло более 200 биографий.

³ Гогарт (Хогарт) Уильям (1697—1764), английский живописец и теоретик искусства.

ПРОВОДЫ Н. П. ПЕТЕРСОНА

Еще один хороший человек покидает Воронеж, чтобы перенести свою деятельность в далекую азиатскую окраину России, где честные и просвещенные труженики еще нужнее, чем у нас.

Николай Павлович Петерсон, городской судья г. Воронежа, переводится членом окружного суда в Туркмению, в Асхабад. С одной стороны утешительно, что Воронеж в состоянии наделять полезными деятелями другие местности, что сам он, стало быть, достаточно обилён нравственными и умственными силами; но, с другой стороны, нельзя не сожалеть, что из среды нашей уходит человек, заслуживший и своей личностью, и своей жизнью такое глубокое уважение всех, кто сколько-нибудь знал его.

Николай Павлович принадлежит к тому редкому типу людей христианской простоты и христианской правды, которые не знают, что такое злое чувство, которые не умеют, не могут делать неправого дела. Обремененный библейски-многочисленной семьей, вынужденный всю жизнь биться в самых тяжелых материальных условиях, без всяких средств, кроме скромного и не всегда верного личного заработка, этот достойный человек переносил не в меру

отмеренные ему судьбой труды, испытанья и лишения с истинно христианским и истинно философским спокойствием и терпением, светло и мужественно глядел на мир Божий, с братской любовью относился к людям и искал успокоения и отрады в возвышенных мечтах о счастливом будущем человечества, объединенного общим делом своего духовного и телесного возрождения.

В тесном общении с своим близким другом, замечательным мыслителем-идеалистом г. Ф.¹, живущим в простоте и духовной чистоте апостольских времен, Николай Павлович издавна разрабатывал и продолжает до сих пор совместно разрабатывать целую возвышенную систему мировоззрения, изумлявшую своей оригинальностью и глубиной даже таких глубоких мыслителей наших, как профессор Влад. Соловьев, покойный Достоевский, гр. Л. Н. Толстой. Эта работа души их, не приносящая никому из них никакой материальной выгоды, наполняет весь скудный досуг Николая Павловича, остающийся ему от его всегда многочисленных дел и обязанностей, заменяя ему клубы, карты, пирушки и всякие общественные развлечения и блестяще подтверждая, что созданный из праха человек может и должен жить гораздо более тем бессмертным духом, который вдунут в него Его Творцом, чем низменными влечениями чрева.

Для меня лично сношения с Н. П. были глубоко поучительны и глубоко утешительны. Видя трогательно-простую и высокосодержательную жизнь таких людей духа, их поистине героическое отношение к внешним условиям быта, составляющим для громадного большинства людей всю сущность жизни, — невольно исполняешься верою в человека, невольно сознаешь, что всемогущее царство Маммоны еще не вполне поглотило современное человечество, что есть еще на свете настоящие люди, носящие в своем сердце, как Ноев ковчег среди потопа, божественные заветы высших духовных интересов человечества...

Наше общество не привыкло обращать внимание на смиренных тружеников своих, без блеска и треска свято исполняющих среди нас свои не только служебные, но и высокочеловеческие обязанности. Нам необходимо, чтобы увлекательный талант какого-нибудь Кони² объяснил нам значенье не замеченных нами нравственных подвижни-

ков, подобных доктору Газе, — чтобы давно умершему воздать запоздалую дань уважения. Когда же такие скромные представители человеческой нравственности живут среди нас, не нося важных чинов и орденов, не возбуждая нашего почтения к себе надеждою получить через них какие-нибудь "великие щедроты и милости", — мы равнодушно проходим мимо них, как мимо ничтожностей, не заслуживающих нашего внимания. Очень тесный кружок почитателей Н. П. Петерсона проводил его на днях дружеским обедом и напутственными речами.

В этом скромном торжестве утешительнее всего было то, что каждый из немногочисленных участников его участвовал в нем по своему сердечному влечению, и все, что было сказано теплого и дружественного уходящему от нас честному деятелю, было несомненно сказано от чистоты души...

Евгений Марков
Воронежский телеграф. 1899. 5 мая, № 50.
Перепечатано: Пензенские губернские ведомости.
1899, 30 мая, № 112. С. 4.

¹ Речь идет о Николае Федоровиче Федорове.

² Кони Анатолий Федорович (1844—1927), русский юрист, литератор. Цикл его лекций о тюремном враче Федоре Петровиче Гаазе (1780—1853) издан отдельной книгой: "Ф. П. Гааз. Биографический очерк" (Спб., 1897).

К. П. Афонин

ПИСЬМО Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Дорогой Николай Павлович!

Посылаю Вам "изображение" незабвенного учителя и утешителя Ник[олая] Фед[оровича] Федорова.

История этого "изображения" такова:

В конце марта месяца я прочитал в "Рус[ских] Ведом[остях]" объявление о содержании 1 кн[ижки] за 1911 г. журнала "Библиотекарь". Между прочим в этом объявлении говорилось, что в книге имеется портрет Н[иколая] Ф[едоровича] и статья о нем¹. Известию этому я сильно обрадовался, так как не имел никакого изображения Н[иколая] Ф[едоровича] и не знал даже, что оно существует. Немедленно написал в редакцию письмо о высылке книги. Получив книгу, пошел к Сергею Никаноровичу

Прядкину² поделиться своею радостью. Он предложил мне снять у фотографа несколько копий для Вас, для Владимира Алекс[андровича] Кожевникова и для нас с ним. Мне ничего не оставалось, как задушевно поблагодарить С[ергея] Н[иканоровича].

"Портрет", к сожалению, мало похож на Н[иколая] Ф[едоровича] той поры, когда я знал его, в 1899 и 1900 гг. Тем не менее он для меня дорог.

Сергей Никанор[ович] вот уже более года плохо себя чувствует, сильно ослабел, а работы у него много, и он напрягает последние силы. А работать надо: четверо детей, из коих двое слишком много причиняют ему горя и страданий...

Он убедительно просит Вас выслать ему: 1) 2-й том трудов Н[иколая] Ф[едоровича], 2) Ваши статьи о Никол[ае] Фед[оровиче]. Исполнением просьбы премного его обяжете.

Здоровье мое — слава Богу: никто не верит, что 45-й год. Не унывал, не унываю и унывать не собираюсь.

Дела же мои денежные — в[есьма] плачевны. Заработок (35 р.) — нищенский.

Но и это пустяки. Плохо одно: становлюсь временами злым. Уверен, что без встречи, благодаря Вам, с Н[иколаем] Фед[оровичем], я давно превратился бы в полузверя. Для меня Н[иколай] Ф[едорович] такая величина, которую никакая другая не затмит. Это я записал в одиночке в апреле и мае 1906 г.³

Не откажите в сообщении нам с Серг[еем] Никанор[овичем] о происхождении изображения Н[иколая] Ф[едоровича] (написанного худ[ожником] Пастернаком), копию с которого Вам посылаем. Ведь Н[иколай] Ф[едорович] никак не соглашался оставить своего изображения, отказал даже Н. Н. Ге⁴ в просьбе написать с него портрет.

Привет Юлии Владимировне и деткам.

Мы все бравы и здоровы.

Ваш К. Афонин.

Адрес Сергея Никанор[овича]: г. Воронеж, Халютинская, собств[енный] дом.

Мой: Средне-Смоленская ул., д. № 15.

P.S. Был у Вашего племянника А. Гр. Петерсона⁵. Принял очень любезно. Собираюсь к нему пойти еще. Может, ему что-нибудь и удастся сделать для меня.

[27 апреля 1911 г.]

К. А.

На письме пометка рукой Н. П. Петерсона: "Отвечено 15.V. 1911 г."

ОР РГБ., ф. 657, карт. 5, № 32.

¹ Имеется в виду статья А. А. Гинкена "Идеальный библиотекарь — Николай Федорович Федоров: (Краткая характеристика покойного, как человека и библиотекаря, по литературным данным)" // Библиотекарь. 1911. № 1. С. 12—26. В статье воспроизведен портрет философа работы художника Леонида Осиповича Пастернака (1862—1945).

² Прядкин Сергей Никанорович (1854—1933), педагог, краевед, редактор "Филологических записок".

³ К. П. Афонин в 1905 г. служил конторщиком на железной дороге. За участие в забастовках 17 декабря 1905 г. был арестован, до 22 апреля 1906 г. находился в заключении в Орловской тюрьме.

⁴ Ге Николай Николаевич (1831—1894), художник.

⁵ Петерсон Александр Григорьевич, ротмистр, в 1911 г. — начальник Мармыжского отделения Московско-Киевского жандармского полицейского управления на железной дороге, которое размещалось в Воронеже.

Зоя Новак

ВОСПОМИНАНИЯ

<...> В Воронеже папу назначили и перевели из Мокшани на должность мирового судьи¹. Мы, приехав в Воронеж, наняли квартиру в очень красивом и интересном месте между Покровской горой и Острожным бугром. Направо от нашей квартиры находился Острожной бугор, а налево — Покровская гора. Воронеж — город Великого Петра. Это первая флотилия Российского государства. Мы часто ходили в Яхт-клуб², который расположен был на островке, и там сам юный Петр строил корабли, пароходы, лодки. Здесь же, на этом островке, были сооружены русские качели, карусель и гигантские шаги. По большим праздникам вечерами Яхт-клуб иллюминировали, устраивали катания на лодках, пароходах, катерах.

В Воронеже узнала много легенд о Великом Петре.

Над рекой был поставлен бронзовый громадный памятник Великому Петру, опирающегося на громадный якорь. В 1941 году немцы увезли этот замечательный памятник и уничтожили Яхт-клуб и другие прекрасные здания петровского времени, но я хорошо запомнила все достопримечательности петровской эпохи, т.к. очень люблю и всегда любила этого замечательного простого рабочего царя, который не гнушался никакой работой и не любил безделья, бездельников и болтунов. Когда мне пришлось в 1960-х годах быть в Воронеже, то Яхт-клуба уже не было и вместо грандиозного бронзового памятника стоял небольшой чугунный памятник³. Мне стало очень грустно.

Дом, который мы наняли в Воронеже под квартиру, был одноэтажный, на улицу выходило шесть окон, перед домом был палисадник. Точно такой же дом был и у хозяйина дома⁴. Отделяли дома друг от друга большие ворота. За домом хозяина был большой сад, а за воротами между домами был большой двор с надворными постройками. Во дворе был небольшой флигель, в котором жила молодая симпатичная вдовушка и мы, девочки, очень дружили с ней, она очень любила нас. При нашей квартире была камера для проведения судебных заседаний, что было очень удобно для папы. Обедали всей семьей вместе⁵, и папа по зимам поил нас всех перед обедом рыбьим жиром.

Теперь опишу, как мы расположились в нашей квартире. Большую комнату отвели для наших пятерых мальчиков: Алеша, Костя, Гриша, Миша и Ваня спали и занимались в этой комнате, у них стояло пять кроватей, три тумбочки для белья, этажерка с книгами, посередине комнаты стоял большой стол и стулья, а на стенах висели исторические и географические карты. В самой большой комнате была столовая, а третья часть комнаты в длину была занавешена, а за занавесью стояли три кровати для Наташи, Груши и Зои, Люба спала в маминной комнате. У Лизы с Верой была квадратная, уютная комната, которую мы очень любили и были счастливы, когда сестры позволяли нам прийти к ним. Был в квартире узкий, длинный коридор, из которого топились печи, и зимой, во время топки, мы часто помогали класть в печи солому, и нам было весело и интересно смотреть, как она залива-

лась огнем и воспламенялась. Около коридора была большая передняя, а за ней сени, а через сени кухня. Квартира удобная и теплая и в кухню теплый переход. Вот так мы устроились в Воронеже.

Вдовушку, которая жила во флигеле, мы очень любили и подружились с ней. Каждую субботу и перед большими праздниками ходили к ней помогать убирать квартиру. Наташа и Груша помогали мыть полы, а я всегда чистила медный самовар и медные подсвечники. Натирала красный кирпич и порошком этим чистила медный самовар и подсвечники, а после чистки обмывала и протирала. После работы наша вдовушка читала нам что-нибудь интересное для нас и угощала нас чаем с вареньем или яблочной пастилой. Так постепенно мы приучались к труду. Видя результаты своих трудов, радовались и ждали субботы, как праздника.

Паша и Митя вскоре должны были ехать отбывать воинскую повинность, а Саня через некоторое время устроился на работу⁶ и ушел на квартиру, захотел пожить самостоятельно, но к нам приходил часто. Все мы его очень любили. Он и Лиза были моими крестными. Вообще вся старшая четверка всегда поражала меня своей сплоченностью и дружбой, которая была у всех до конца жизни. А самого старшего Пашу я всегда считала, да так оно и было на самом деле, самым умным, недостижимым, и очень мне казался гордым человеком.

В Воронеже наш отец, видимо, был очень загружен работой, и ему заниматься с нами не было времени, и мы все, достигнув известного возраста, стали учиться в воронежской гимназии, и мальчики, и мы. Здесь в Воронеже слагались взаимоотношения между родителями и между детьми. Все мы очень уважали и слушались во всем своих родителей, но папу побаивались, он был строг, а мамочку все очень любили. Лизу и Веру, старших наших сестер, мы обожали. Они обе были такие скромные, трудолюбивые, всегда были чем-нибудь заняты. Они и шили, и вышивали, и вязали, и нам привили любовь к труду. Кроме этого, им приходилось заниматься самообразованием; несмотря на такую занятость, они находили время и для нас. Иногда читали нам слух, учили нас запоминать басни, стихи. К Новому году и к Рождественским праздни-

кам делали нам из разноцветных бумаг цепи на елку, а также разные бонбоньерки, вырезали картинки и делали замечательных балерин.

Так мы жили спокойно, дружно. Были у нас свои горести и радости, но росли мы веселыми, здоровыми. Особенно дружны мы были между собой с Грушей и Ваней. Люба льнула к Наташе, Костя, Гриша и Миша, как мальчишки, любили мальчишеские разные игры, а Ванечка был женственный и боязливый, поэтому мы с Грушей овладели им, особенно Груша: каких только она ему не придумывала ласкательных имен. Из Вани он превратился в Жака, потом в Женечку — и так [она] звала его.

Осенью наш Гриша тяжело заболел и мамочка вместе с ним долгое время была в больнице. Грише делали операцию: ему за ухом пробивали черепную оболочку, но к счастью, операция сделана была хорошо, за ухом остался шрам, но на слух и здоровье операция не повлияла, и наш Гришенька рос веселым, шаловливым любимцем тети Лизы и всей нашей семьи.

Не могу не описать той радости, которую мы все испытали: наш брат Володя приехал к нам в Воронеж знакомить нас со своей молодой женой Наташей, а мы, младшие, называли ее Наталией Ивановной. Начиная с нашего строгого отца и кончая маленькой Любой, все мы были в восторге от Володиной жены. Такая милая, веселая, простая и прелестная во всех отношениях. Она принесла в нашу семью смех, песню, радость. Пели все хором, дуэты с Костей и Алешей. Она очаровала всех нас и внешностью, и своим неудержимо веселым характером. Вера с Лизой были очень рады, что у их младшего брата такая очаровательная жена, и они очень любили ее и дружили с ней до конца жизни.

Так, спокойно, без особых событий, текла наша жизнь, но пришло неожиданное горе в нашу семью. Получили печальную весть: наш скромный добрый Митя покончил свою жизнь самоубийством, не выдержал, видно, военной муштры — затрелился. Это печальное событие восприняли очень тяжело. Так долго и громко выражали все свою печаль, что со мной сделался нервный припадок и я заболела нервной болезнью, которая тогда называлась "пляска святого Витта", у меня совершенно произвольно

стала дергаться левая рука и нога. Врачи прописали для меня микстуру и ванну, которую мне долгое время делали, и я излечилась.

Все мы стали учиться в воронежской гимназии, которая находилась на Дворянской улице⁷. Учились мои братья в той самой гимназии, в которой незадолго до них учился Плеханов⁸, первый русский марксист-теоретик, а не экспериментатор. Вскоре после отъезда Володи с женой задумал и наш солидный уравновешенный Саня жениться. Я хорошо запомнила его свадьбу: всем нам девочкам, Наташе, Груше, мне и Любе, сшили одинаковые розовые платья, надели на нас и розовые перчатки и мы, довольные, радостные, ездили на венчание в церковь, а потом был свадебный вечер. Саня женился на скромной девушке Юлии Ивановне⁹. Саня был очень добрым, простым человеком и хорошим семьянином, у него был сын Коля, который умер годовалым, и дочь Маруся, которая работает в настоящее время учительницей в Ростовской области и изредка она пишет мне, у нее оба сына — капитаны дальнего плавания, есть внуки.

Вскоре после Саниной женитьбы вышла замуж Лиза за своего сослуживца Кривошеина Дмитрия Фомича¹⁰, а Вера так замуж и не вышла, она часто ездила к Володе, у нашей милой Натальи Ивановны первыми родились двойняшки Лева с Ниной, а позднее Миша, а еще позднее Женя. Дружбу с семьей Володи Лиза и Вера вели до конца жизни.

Воронеж мы полюбили: на Острожном бугре мы проводили игры в теплое время года. Играли в горелки, пятнашки, в веревочку, купались под бугром, катались на лодке, а мальчики играли в лапту, в кегли. Состязались в силе и ловкости то с гимназистами, то с кадетами и реалистами¹¹. Миша был самым храбрым и мужественным борцом и пловцом, он воспитывал в себе бесстрашие и подсмеивался над Ваней, что он с виду такой рослый, мужественный, а всего боялся, но наш милый Ванечка, несмотря на рост, был очень женственный, скромный и не любил мальчишеских бурных игр. В зимнее время мы все катались на санках и на коньках.

Вот сколько удовольствий мы имели, живя на окраине города. До этих окраин и гитлеровские пули не долетали,

и когда я в 1960-х годах¹² приезжала к сыну¹³ в Воронеж, то приходили со своим внуком Мишенькой¹⁴ и сидели в палисаднике около дома, где я жила еще девочкой, а внук Игорь снял дом, где мы жили, и дом напротив. Все дома сохранились, и на Острожном бугре большой кирпичный дом цел¹⁵, но дом, в котором я жила с родителями, теперь начал ремонтироваться и переделывается и вместо шести окон пробивают восемь окон, а хозяйский дом стоял такой же.

Теперь хочу рассказать о наружном виде моих братьев и сестер. Самыми белыми у нас были Костя и Люба; шаптенами — Гриша, Наташа и вся наша старшая шестерка, а черными Миша, Груша, Алеша, Ваня и я — Зоя, самая черная и некрасивая. Миша и Груша были как цыганята, большеглазые, красивые, черноволосые, многие заглядывались на них. Гриша и Ваня тоже красивые, но цыганята-близнецы лучше. Когда показываю фотокарточки, то всем больше нравятся Миша и Груша.

Учились мы в гимназии все удовлетворительно и переходили из класса в класс без задержек, росли и развивались. Алеша гимназию не закончил и поступил на службу в канцелярию, не помню, долго ли он проработал, но знаю, что он стал самостоятельным, хотя и жил с нами вместе, был уже молодым человеком, увлекался танцами, слыл хорошим танцором и очень любил мазурку. На танцы ходил в "Дворянское собрание". После одной из получек жалования, которое выдавалось 20-го числа, наш Алеша исчез в неизвестном направлении. Папа заявил в печать куда следует об исчезновении сына, но безрезультатно¹⁶.

Тем временем папу переводят из Воронежа в Асхабад. А [у] нас в семье опять убыль. Митя застрелился, Алеша исчез в неизвестном направлении. Паша получил звание офицера и живет на Украине самостоятельно, Володя женился, обзавелся семьей и работает в Рязани нотариусом. Вера устроилась на работу секретарем в Окружной суд¹⁷. Семья у нас убавилась, и из Воронежа в Асхабад мы едем в таком составе: Костя, Гриша, Миша, Ваня, Наташа, Груша, я — Зоя и Люба, конечно и мама с папой. Ехали мы до Баку по железной дороге, а из Баку до Красноводска по Каспийскому морю на пароходе. <...>

ОР РГБ, ф. 657, карт. 11, № 19, л. 6—22.

Воспоминания написаны весной 1970 г. в форме письма ко второй жене профессора Михаила Николаевича Петерсона, Анфисе Федоровне. В преамбуле, которая опущена при публикации, речь идет о родителях, братьях и сестре Н. П. Петерсона. В письме, отправленном 21 мая 1971 г., З. Н. Новак добавляет: "Федоров несколько раз приезжал к нам в Воронеж. Он был среднего роста, седой, с живыми черными и очень добрыми глазами. Он часто гладил меня по голове, смотрел мои тетради, хвалил меня и поощрял меня на более успешную работу, говоря, что дальше еще интереснее будут сведения и надо стараться. Приезжая к нам, Федоров с отцом читали эту философию, пили крепкий чай с бубликами и засиживались за чтением и спорами до очень позднего времени. Гриша говорил, что он был у него в больнице, когда он болел. Вот и все, что я могла написать о Федорове, а об отце я написала в своих воспоминаниях" (ОР РГБ, ф. 657, карт. 71, № 54, л. 6).

¹ Н. П. Петерсон занимал в Воронеже должность городского судьи 3-го участка.

² Яхт-клуб с 1876 г. располагался в здании петровского цейхгауза на острове.

³ Памятник Петру I открыт в Воронеже 30 августа 1860 г. (авторы — скульптор А. Е. Шварц и архитектор А. А. Кюи). Увезен немцами на переплавку в 1942 г. (правобережная часть Воронежа была оккупирована с июля 1942 г. по январь 1943 г.), в январе 1956 г. на прежнем пьедестале был установлен бронзовый монумент, повторявший в основных контурах старую фигуру (скульптор Н. П. Гаврилов).

⁴ Дом и флигель построены не позднее 1871 г., когда к ним была сделана пристройка (ГАВО, ф. 19, оп. 1, д. 186). Владение Скрябиных числилось в 13 квартале Дворянской части, под № 227. В 1883 г. произошло очередное расширение деревянного дома: к нему пристроены две кухни и кладовая (ф. 19, оп. 1, д. 1236, л. 37—41). Усадьба Скрябиных снесена в конце 1970-х—начале 1980-х гг. при строительстве Дворца пионеров и школьников.

⁵ Н. П. Петерсон был женат дважды. Его первая жена Фаина Ивановна, урожд. Лихачева, с которой он вступил в брак в 1867 г., умерла в 1875 или 1876 г. В 1877 г. он женился на Юлии Владимировне, урожд. Огаревой (1858—1930). Дети от первого брака: Павел (1868—1921), Александр (1869—между 1914 и 1917), Елизавета (1870—1919), в замужестве Кривошеина, Вера (1872—1937), Дмитрий (1873—вт. пол. 1890-х), Владимир (1875—1922). Дети от второго брака: Алексей (1879 — между 1918 и 1921), Константин (1881—1904 или 1905), Григорий (1883—1962), Наталья (1884—после 1941), Михаил (1885—1962), Агриппина (1885—после 1912), Иван (1887—между 1918 и 1921), Зоя (1889—1973), в замуже-

стве Новак, Надежда (умерла в Мокшанах в возрасте трех лет), Любовь (1893—1991), в замужестве Рутковская.

⁶ Александр Николаевич Петерсон с 1885 г. служил канцелярским чиновником в Керенске, с апреля 1894 г. в канцелярии Уфимского губернатора. В октябре 1894 г. вышел в отставку и переехал в Воронеж, с декабря 1895 г. — канцелярский чиновник губернского правления, с октября 1897 г. — младший помощник правителя канцелярии Воронежского губернатора. С августа 1899 г. А. Н. Петерсон — пристав 1 стана Богучарского уезда. Погиб в первую мировую войну (ГАВО, ф. 2, оп. 9, д. 1136).

⁷ Сыновья Н. П. Петерсона учились в мужской классической гимназии на Б. Дворянской (пр. Революции, 19), дочери — в Мариинской женской гимназии на Б. Дворянской (пр. Революции, 30). Среди архивных дел учебного ведомства обнаружено только свидетельство Зои Петерсон об обучении в подготовительном классе Мариинской гимназии с августа 1898 г. по май 1899 г. (ГАВО, ф. 71, оп. 2, д. 2511).

⁸ З. Н. Новак ошибается: Г. В. Плеханов (1856—1918) в 1868—1873 гг. учился в Воронежском кадетском корпусе, который в 1865—1886 гг. именовался военной гимназией.

⁹ Александр Николаевич Петерсон в конце января 1898 г. женился на дворянке Юлии Ивановне, урожд. Поповой. Дети: Николай (11.XI. 1898—?), Екатерина (13.XI. 1903—?), Мария (ГАВО. ф. 2, оп. 9, д. 1136; ф. 6, оп. 1, д. 217).

¹⁰ Кривошеин Дмитрий Фомич (1871—1933), учитель телеграфной школы, в советское время — бухгалтер в управлении Юго-Восточной железной дороги.

¹¹ Кадеты — воспитанники Кадетского корпуса, реалисты — учащиеся реального училища.

¹² З. Н. Новак приезжала в Воронеж дважды в период с 1964 по 1968 г.

¹³ Дмитрий Драгудинович Новак (р. 1919), доктор ветеринарных наук, профессор, с 1954 по 1974 г. работал в Воронежском Зооветеринарном институте, затем в Сельскохозяйственном институте. В настоящее время живет в Новосибирске.

¹⁴ Михаил Дмитриевич Новак (р. 1957), доктор биологических наук, живет в Костроме.

¹⁵ Напротив дома Скрябиных находился двухэтажный краснокирпичный дом (в свое время в нем жила писательница В. И. Дмитриева), который был снесен во второй половине 1970-х гг.

¹⁶ Место службы Алексея Николаевича Петерсона не выяснено, в "Адрес-календарях" среди воронежских чиновников он не упоминается. Его дальнейшая судьба отражена в сообщении Особого отдела Департамента полиции Воронежскому губернскому жандармскому управлению от 30 января 1911 г.: ...сын действительного статского советника

А. Н. Петерсон, состоявший секретным сотрудником при Петербургском охранном отделении, Вологодском и Одесском жандармских управлениях по партии эсеров, оказался не заслуживающим никакого доверия. Следует отказаться от его услуг, если он их вдруг предложит. Далее шли приметы А. Н. Петерсона: на вид 30—32 года, ниже среднего роста, худощавый, шатен, глаза серые, темно-русые усы и небольшая бородка (ГАВО, ф. 1, оп. 2, д. 449, л. 225).

¹⁷ В. Н. Петерсон служила секретарем Окружного суда, в советское время работала в губернском, затем областном суде. В начале 1930-х гг. ушла на пенсию и уехала из Воронежа.

Н. Ф. ФЕДОРОВ В ВОРОНЕЖЕ

Хроника пребывания, окружение,
творческая деятельность

1894

9 февраля. Высочайший приказ о переводе городского судьи г. Мокшан Пензенской губернии, надворного советника Николая Павловича Петерсона городским судьей 3-го участка г. Воронежа (ОР РГБ, ф. 657, карт. 5, № 27, л. 2)*.

13 февраля. Назначение занесено в формулярный список Н. П. Петерсона.

Конец февраля — начало марта. Соответствующие сообщения в газетах (в разделе "Перемены чиновников по службе"): "Воронежские губернские ведомости", 23 февр.; "Дон", 1 марта; "Воронежский телеграф", 2 марта. Предположительно в это время Н. П. Петерсон приехал в Воронеж. В своих воспоминаниях он не сообщает точной даты, ограничиваясь "началом 1894 г." (карт. 5, № 8, л. 94).

1—2 апреля. В Воронеже побывал Л. Н. Толстой. Сведений о его встрече с Н. П. Петерсоном, с которым он был знаком с 1862 г. по Яснополянской школе, не имеется.

Н. П. Петерсон со своим обширным семейством поселился вблизи Покровской церкви, на Острожном бугре, в доме священника Михаила Ивановича Скрябина (1810—1893); дом после смерти хозяина перешел к его сыновьям, Андрею Михайловичу (1856—после 1918), священнику Троицкого кафедрального собора, и Ивану Михайловичу (1853—после 1918), настоятелю церкви Рождества Христова на Придаче. Тут же располагалась и камера для судебных заседаний. Бытовые подробности жизни Петерсонов в Воронеже освещены в воспоминаниях их младшей дочери Зои Николаевны (1889—1973), в замужестве Новак (см. с. 190—196).

* В дальнейшем ссылки на материалы данного фонда даются без указания на его местонахождение и архивный номер.

Апрель. Дежурный чиновник при читальном зале Румянцевского музея (Москва) Н. Ф. Федоров подготовил прошение об отставке, предполагая переселиться в Воронеж, чтобы жить рядом с Н. П. Петерсоном. Однако прошения он не подписал и директору музея его не представил (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 135; см. также: *Борисов В. С. Уход Н. Ф. Федорова из Румянцевской библиотеки // Начала. 1993. № 1. С. 144*).

30 мая. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "Вероятно, мне нельзя будет выехать к Вам ранее 15 июня..." (карт. 6, № 68, л. 14).

14 июня. Получено отпускное свидетельство на срок с 15 июня по 15 августа (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 62).

17 июня. Свидетельство предъявлено для регистрации приставу Дворянской полицейской части г. Воронежа С. А. Лазареву (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 143).

18 июня. Н. Ф. Федоров — В. И. Срезневскому: сообщает свой адрес "Воронеж, квартира Городского судьи 3-го участка" (РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 2998, л. 2). Срезневский Всеволод Измайлович (1867—1936) — историк литературы, археограф, библиограф.

17 июля. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову (в Москву): "Николай Федорович заболел в Воронеже; здесь не редкость лихорадки; захватил лихорадку и Николай Федорович, купаясь, несмотря на недомогание, которое чувствовал..." (карт. 4, № 6, л. 49).

25 июля. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николай Федорович еще болен, приписывает это воронежскому климату и хочет уезжать, не дождавшись даже половины августа. Я думаю, что болезнь его от злоупотребления купанием". (карт. 4, № 6, л. 52).

27 июля. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николаю Федоровичу лучше и он собирается идти купаться, несмотря на мои представления всей опасности такой невоздержанности" (карт. 10, № 24, л. 3).

13 августа. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николай Федорович возвращается в Москву <...> там будет ждать Вашего приезда" (карт. 10, № 24, л. 5). В. С. Борисов считает, что Н. Ф. Федоров вернулся в Москву, видимо, чуть ранее 15 августа (*Указ. соч. С. 150*).

9 сентября. В Воронеже открылся губернский музей (см. *Поликарпов Н. Воронежский губернский музей // Дон. 1894. 13 дек., № 133. Автор отмечает, что пока музей "возбуждает мало сочувствия в местной интеллигенции"*).

Инициатором создания музея был законоучитель и священник Михайловского кадетского корпуса Стефан Егорович Зверев (1860—1920), известный также своими трудами по древней истории края.

1895

28 февраля. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "Предполагаю уйти в отставку на 6-й неделе Великого поста и первые две недели по приезде в Воронеж (т.е. страстную и Пасху) пробыть у Вас, а затем месяца на два поселиться на окраине Воронежа, если, конечно, не найдутся занятия, о которых Вы говорите в своем письме, — что очень маловероятно. Полагаю, что для Вас не будет обременительным один раз в неделю навещать меня, так же, как и мне, раз в неделю посещать Вас и Ваше семейство" (карт. 6, № 68, л. 19—20).

4 марта. Н. П. Петерсон рассматривал административное дело редактора газеты "Дон" В. Г. Веселовского по поводу публикации объявления без подписи полицмейстера (Дон. 1895. 7 марта).

7 апреля. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "Я тогда только поеду в Воронеж, когда буду иметь средства не только прожить там два месяца, но и выехать из него" (карт. 6, № 68, л. 21).

17 июня. Н. Ф. Федоров (рукой Н. П. Петерсона) — В. М. Владиславлеву: сообщает о получении его письма "накануне закрытия Музея", 13 июня. В конце письма Н. Ф. Федоров собственноручно его датирует и указывает, что оно написано в Воронеже (РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 3132). Владиславлев Владимир Михайлович (1868 — после 1927), экономист и публицист, автор книги "К аграрному вопросу в Лифляндии" (Спб., 1894), знакомый Н. Ф. Федорова по Румянцевскому музею.

Июнь—август. В. С. Борисов предполагает, что Н. Ф. Федоров летом 1895 г. мог быть в Воронеже (Указ. соч. С. 150). С учетом хранящегося в личном деле Н. Ф. Федорова отпускного свидетельства (на срок с 15 июня по 15 августа 1895 г.), письма В. М. Владиславлеву и отсутствия именно в данные месяцы переписки с

Н. П. Петерсоном об этом следует говорить утвердительно.

1 октября. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: сообщает, что подал прошение об отставке, ждет получения аттестата, рассчитывает приехать не ранее середины октября; "пробыть же у Вас я думаю столько времени, сколько нужно для приведения в некоторый порядок бумаг, употребляя на это все вечера и праздники" (карт. 6, № 68, л. 22).

2 октября. Н. Ф. Федоров подписал и передал в канцелярию музея прошение об отставке, в котором выразил желание получать пенсию в Воронеже: следовательно, он намеревался переехать сюда на постоянное жительство (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 64; *Борисов В. С.* Указ. соч. С. 144). Прошение не было принято, Н. Ф. Федорова уговорили остаться в музее.

30 октября. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: с отъездом снова замедление, уйдет со службы не ранее середины ноября (карт. 6, № 68, л. 24).

15 ноября. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: отъезд вновь откладывается; просит поинтересоваться у С. Е. Зверева, известно ли тому (и вообще кому-либо в Воронеже) письмо митрополита Филарета о Сергии и Митрофане, напечатанное в 1877 г. в первой части писем Филарета к Антонию; просит также узнать у С. Е. Зверева, принимал ли Воронеж какое-либо участие в юбилее преподобного Сергия (карт. 6, № 68, л. 25).

27 декабря. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: никаких сведений о предполагаемой поездке в Воронеж нет.

1896

30 января. Н. П. Петерсон произведен в чин коллежского советника.

15 марта. Получено отпускное свидетельство на право свободного проезда в Воронежскую губернию и обратно в Москву на срок с 16 по 26 марта (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 66; *Борисов В. С.* Указ. соч. С. 150). Эти дни Н. Ф. Федоров провел в Воронеже.

18 марта. Умер редактор-издатель газеты "Дон", видный исследователь воронежской старины Григорий Ми-

хайлович Веселовский (1837—1896) ("Дон", 19 марта). Н. П. Петерсон был с ним хорошо знаком.

21 марта. Похороны Г. М. Веселовского на Чугуновском кладбище ("Дон", 22 марта). Можно предположить, что Н. Ф. Федоров вместе с Н. П. Петерсоном участвовали в похоронах.

18 апреля. В газете "Дон" (№ 42) — статья "К предстоящей коронации" (за подписью "N").

Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: [начало письма не сохранилось] "...статью в Редакцию, так как редактору сказано было, что ни на какие изменения без предварительного переговора не согласны; а он, обещав прислать статью в гранках для корректуры, вместо этого прислал статью уже после выхода газеты, да и то тогда, когда к нему послали спросить, когда он пришлет статью для исправления в гранках. Редактор обещал в следующем номере напечатать объявление, что статья напечатана в измененном виде без согласия лица, доставившего статью, по ошибке редакции. Интересно, исполнит ли это обещание, или скажет, что цензура не пропустила?!

Николай Федорович низко Вам кланяется, он собирается писать Вам сам, а теперь просил лишь сообщить Вам, что получил два письма от Директора, — в 1-м от 7 апреля продолжительность молчания на прошении об отставке Веневитинов остроумно объясняет изумлением от очень давно известного ему намерения Николая Федоровича оставить Музей по старости, а сегодня (18 апреля) получено другое от него письмо, в ответ на посланное ему еще от 10-го апреля согласие прослужить несколько времени (как он сам предлагал в 1-м письме) единственно для доказательства, что выход в отставку вовсе не зависит от вступления его, Веневитинова, в управление Музеем, в этом последнем Веневитинов указывает с неменьшим остроумием на нетерпение, с которым ждут возвращения Никол[ая] Федор[овича] в Музей, этим нетерпением должно быть и объясняется, что ему надо было пять дней, чтобы начертать не в телеграмме, а в письме — "Приезжайте! Мы все Вас с нетерпением ожидаем". Но раньше, чем получено было это письмо, а именно 17 апреля, Никол[ай] Федор[ович], не догадываясь, что нетерпение может выразиться в таком замедлении, отправил Ве-

невитинову другое письмо, в котором молчание его принимает за отрицательный ответ на его согласие прослужить в Музее еще несколько времени и просит поспешить высылкою аттестата, не имение которого в городе, где требуется немедленное уведомление о всех прибывших, может грозить неприятностями со стороны полицейской власти" (карт. 10, № 29, л. 74 и об.).

Редактором-издателем газеты "Дон" после смерти Г. М. Веселовского стал его сын Всеволод Григорьевич Веселовский. Михаил Алексеевич Веневитинов сменил Василия Андреевича Дашкова (1819—1896) в должности директора Московского и Румянцевского публичного музеев 14 февраля 1896 г. (Архив РГБ, оп. 126, д. 11). Из письма следует, что Н. Ф. Федоров не уехал из Воронежа 26 марта, когда закончился его отпуск, а остался здесь, по меньшей мере, до начала 20-х чисел апреля.

Между 18 и 21 апреля. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Очень было бы хорошо, если бы возможно было достигнуть напечатания в этом же письме посылаемой статьи в "Новом Времени" или же в другой какой газете, так как небольшие изменения в том, что напечатано, и выпуск довольно значительной части, дают статье совсем иной характер, характер чего-то холуйского, и все это было сделано Редактором вопреки прямо выраженного требования, чтобы он не печатал статьи (если цензура не будет согласна пропустить ее целиком), — не посоветовавшись с нами.

Относительно высылки денег Николаю Федоровичу, сделать этого, по всей вероятности, будет нельзя; — здесь он никуда поступать не желает, в особенности после случившегося со статьею и после неискренних писем Веневитинова; он боится даже мести Веневитинова мне чрез Председ[ателя] Окружного Суда, с которым он приятель; Ник[олай] Федор[ович] говорит о путешествии пешком в Киев, а там — неизвестно что; впрочем, он так стал слаб, что почти не выходит, а прежде так любил ходить и мы так много с ним ходили. Он такой особенный человек, так иначе понимает и чувствует, чем другие, что, боясь потерять его, я не все ему говорю; он это, впрочем, замечает и, кажется, не в претензии на это. Как бы я мог сказать ему о том, что заставило меня прибегнуть к Вам, к Ва-

шей помощи; — у него, я знаю, есть рублей сорок, ведь он тотчас же бы отдал эти все деньги и не взял бы из присланных Вами" (карт. 10, № 29, л. 63 и об.). Речь вновь идет о статье "К предстоящей коронации", напечатанной в газете "Дон" (1896, 18 апр., № 42) с сокращениями.

21 апреля. В газете "Дон" (№ 43) в сообщении "От редакции" говорится о публикации статьи "К предстоящей коронации" со значительным пропуском, изменяющим ее смысл, сделанным без согласия автора.

26 апреля. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: на службе в Румянцевском музее пока остался; упоминает о своем недавнем возвращении из Воронежа (карт. 6, № 68, л. 70).

14 мая. В губернском музее открылась выставка, посвященная коронации Николая II (работала до 30 мая) (см. *Дядьков А. М.* Воронежский губернский музей в 1894—1897 годах // Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 г. Воронеж, 1897. Отд. III. С. 56—72).

19 мая. В газете "Дон" (№ 54) — анонимная статья "Коронационная выставка".

28 мая. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "Выставка, устроенная в две недели, есть чудо, которое делает великую честь своему устройтелю. Вы мне прислали вырезку из газеты "Дон", а другие две воронежские газеты сказали ли что-либо о выставке или же промолчали? Мне случайно пришлось прочитать в "Московском листке" корреспонденцию из Воронежа от 16 мая, в которой даже не упомянуто о "Выставке". А между тем посетителей на "выставке" было так много, несмотря на то, что в разного рода развлечениях в эти дни недостатка не было, как видно из этой же самой корреспонденции, где говорится о дневных спектаклях.

Желательно было бы знать мнения разных лиц о выставке. Очень благодарен Вам за присылку описания выставки" (карт. 6, № 68, л. 36). Анонимная заметка "Выставка в музее в коронационные дни" появилась в "Воронежском телеграфе" 24 мая 1896 г.

30 мая. Н. П. Петерсон — Н. Ф. Федорову: "Посылаю последний лист статьи "Падающие Звезды, грозовая сила и пр.". Так запоздал с этим, потому что неожиданно поте-

рял 23 и 24 мая, просидев оба эти дня в Съезде, так как земские начальники разъехались. <...> О Воронежской Коронационной Выставке было еще в "Вор[онежских] Губ[ернских] Ведомостях", которые ограничились, впрочем, почти перепечаткой из "Дона", хотя и без ссылки на источник. Зверев говорил, что он послал статью о Выставке в "Московские Ведомости", но статья эта почему-то не появляется.

Юлия Владимировна и все мое семейство низко Вам кланяются, и считают время, которое остается до Вашего приезда" (карт. 9, № 92, л. 17 и об.). Речь идет о статье: Коронационная выставка// Воронежские губернские ведомости. 1896. 25 мая, № 37. Публикация С. Е. Зверева в "Московских ведомостях" в мае—июле 1896 г. не обнаружена.

6 июня. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: убеждает забрать из редакции "Воронежских губернских ведомостей" статью Н. П. Петерсона об американском опыте использования войск при спасении людей от голода (карт. 6, № 68, л. 33).

14 июня. Получено отпускное свидетельство на срок с 15 июня по 15 августа (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 67). В. С. Борисов ошибочно датирует приезд Н. Ф. Федорова в Воронеж 10 июня (Указ. соч. С. 150).

10 июля. Отпускное свидетельство зарегистрировано в Воронеже по адресу: "Дом Скрябина № 4 на Острожном бугре" (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 142).

1 августа. Торжественная закладка нового здания Окружного суда на Большой Дворянской. Присутствовали все чины судебного ведомства ("Воронежский телеграф", 4 авг., № 88).

7 августа. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову. Завершая письмо из Воронежа, в котором речь идет о статье адресата "Поющий Кремль", следующим образом обыгрывает свой адрес: "Бывший острожной бугор, а *ныне* говорящий картинами и поющий Воронежский Кремль" (Н. Ф. Федоров о Кремле Московском (статьи, заметки, письма) / Публ., предисл. и примеч. А. Г. Гачевой // Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений. М., 1996. Вып. 2. С. 229.

17 сентября. Н. П. Петерсон направляет "Письмо в ре-

дакцию" газеты "Дон" с предложением перепечатать из московских "Русских ведомостей" (№ 244) заметку, на которую уже появились отзывы; в ней говорится о необходимости "основания библиотек на нравственных началах".

22 сентября. В газете "Дон" (№ 106) — статья Н. Ф. Федорова "Долг авторов по отношению к публичным библиотекам" (за подписью "N").

6 октября. В газете "Дон" (№ 112) — статья Н. Ф. Федорова "Авторское право и авторская обязанность, или долг: (К вопросу о литературной конвенции)" (за подписью "N").

10 октября. В газете "Дон" (№ 114) — статья "Плата за цитаты, или великая будущность литературной собственности, литературного товара и авторского права" (за подписью: "Ив-новъ"). С. Г. Семенова считает, что статья принадлежит перу Н. Ф. Федорова (см.: *Семенова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни.* М., 1990. С. 117).

22 октября. В газете "Дон" (№ 119) — статья Н. Ф. Федорова "Что значит карточка, приложенная к книге?" (за подписью "N").

29 октября. В газете "Дон" (№ 122) — статья Н. Ф. Федорова "Библиография: Знание популярное, энциклопедическое, мнимое и знание действительное; переход от мнимого знания к знанию действительному" (за подписью "N").

6 ноября. В губернском музее открылась выставка, посвященная 100-летию со дня смерти Екатерины II (действовала до 30 ноября) (см.: *Дядьков А. М. Указ. соч.*). В газете "Воронежский телеграф" (№ 127) — статья С. Е. Зверева "Памятники Екатерининского времени в Воронежском губернском музее".

21 ноября. В газете "Дон" (№ 132) — совместная статья Н. П. Петерсона и Н. Ф. Федорова "Екатерининская выставка в Воронежском губернском музее с 6-го по 10-е ноября 1896 года" (за подписью "Н. П."). Газетная вырезка с этой статьей хранится в фонде Н. П. Петерсона (карт. 2, № 2), следов исправлений не имеет.

21 февраля. Н. П. Петерсон — Н. Ф. Федорову: "Прошу Вас также, если возможно, прислать мне статьи в Московских ведомостях и Русском Слове № 254 о статье в № 244 Русских ведомостей "Долг авторов по отношению к публичным библиотекам". Я имел об этом статью только в № 243 Русского Слова, но что за статья была в № 254-м Русского Слова, а также в Московских ведомостях, не знаю. Если возможно, восполните этот мой недостаток <...> Родственники Толстого здесь в Воронеже очень встревожены; говорят, будто готовится ему какая-то беда, а может быть даже уже и strяслась она над ним". В этом же письме Н. П. Петерсон посылает "один лист статьи об обыденных церквах" (карт. 4, № 12, л. 31). Родственники Л. Н. Толстого — его племянница Елена Сергеевна (1863—1940) и ее муж Иван Васильевич Денисенко (1851—1916), действительный статский советник, председатель Воронежского окружного суда в 1888—1904 гг.

13 марта. В газете "Дон" (№ 29) — анонимная заметка "Воронежский губернский музей" (о предстоящем открытии выставки гравюр на религиозную тему).

30 марта. В губернском музее открылась выставка гравюр из собрания М. П. Паренаго, П. Г. Беляева, М. Ф. Мартынова и др. Действовала до 1 мая. (см.: Выставка гравюр религиозного содержания: Указатель. Воронеж, 1897. 16 с.).

5—15 апреля. Н. Ф. Федоров находился в отпуске (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 87) и, по всей вероятности, провел его в Воронеже.

24 апреля. В газете "Дон" (№ 44) — статья "Выставка в музее" (за подписью "-въ", предположительно псевдоним Л. Г. Соловьева).

27 апреля. В Благовещенском соборе Митрофановского монастыря С. Е. Зверев произнес "Слово в день рождения Е. И. В. Благоверного князя Государя наследника Цесаревича и Великого князя Георгия Александровича, в неделю св. жен мироносиц" ("Воронежские епархиальные ведомости", № 9 (1 мая). С. 357—363).

6 мая. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "Думаю не позже, как в половине мая ехать в Воронеж" (карт. 4, № 9, л. 30).

28 мая. Получено отпускное свидетельство (по болезни)

на срок с 1 июня по 15 августа (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 88).

5 июня. В газете "Дон" (№ 61) — статья Н. П. Петерсона "Встречный иск" (разъяснение по поводу судебных правил) (за подписью "Н. П.").

14 июня. М. Лебедева (Рязань) — Н. Ф. Федорову: "Итак, Вы в Воронеже..."; ранее Н. Ф. Федоров обещал ей во второй половине июля приехать в Рязань (карт. 4, № 12, л. 22—23). На сей раз Н. Ф. Федоров жил в пригородной Троицкой слободе на квартире у некоей Веры Матвеевны.

20 июня. Завершена работа над статьей "Долг авторский и право музея-библиотеки".

1 июля. В газете "Дон" (№ 72) — статья Н. Ф. Федорова "Долг авторский и право музея-библиотеки" (за подписью "N").

10 июля. В Воронеж прибыл Иосиф, епископ Острогский, викарий Воронежской епархии, настоятель Алексеевского Акатова монастыря ("Воронежские епархиальные ведомости", № 14 (15 июля). С. 378). Иосиф (Соколов Никодим Андреевич) (1835—1902) был викарием Воронежской епархии в 1897—1900 гг.

11 июля. Н. П. Петерсон направляет в редакцию газеты "Дон" адресованное ему письмо Ф. М. Достоевского (от 24 марта 1878 г.) с большими комментариями Н. Ф. Федорова.

20 июля. В газете "Дон" (№ 80) — "Письмо Ф. М. Достоевского". В фонде Н. П. Петерсона имеются два экземпляра отдельного оттиска с правкой вступительной заметки рукой Н. Ф. Федорова (карт. 9, № 37).

1 августа. Н. П. Петерсон произведен в чин статского советника.

11 августа. Отъезд из Воронежа (см. письмо Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову от 21 августа 1897 г., карт. 10, № 24, л. 22).

19 августа. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Касательно Вашего пожертвования и мне хотелось бы, чтобы деньги, вырученные от продажи Вашего нового сочинения, поступили на усиление средств библиотеки при Воронежском музее. К сожалению, библиотека и Музей в Воронеже не составляют одного учреждения, и, конечно,

следует пожертвовать второму, который сделал выставки необходимою принадлежностью музея, т.е. не библиотеке, а музею, пожелав им теснейшего соединения" (карт. 6, № 68, л. 127). Речь идет о первой части труда В. А. Кожевникова "Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии" (М., 1897).

21 августа. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Пишу Вам только несколько слов, чтобы сообщить, что музей в Воронеже называется "Воронежским губернским музеем" и что лица, управляющие и заведующие этим музеем, приносят Вам глубокую благодарность за намерения пожертвовать выручку от Вашей книги на усиление средств библиотеки при музее. Николаю Федоровичу, я думаю, тоже приятно будет Ваше пожертвование, потому что он весьма благосклонно относится к воронежскому музею, хотя ни разу в него не заглядывал.

...Приехал Николай Федорович в Воронеж совсем больной; но здесь вскоре поправился и начал купаться, купался каждый день по три раза, и только изредка вместо трех — два раза" (карт. 10, № 24, л. 22).

29 августа. Н. П. Петерсону предоставлен отпуск на 10 дней.

19 ноября. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "Вы хотите войти в сношение с новым епископом, напрашиваясь на новую неприятность для того только, чтобы он напечатал письмо Достоевского с приложением к нему, но простая перепечатка без новых разъяснений совершенно бесполезна" (карт. 6, № 68, л. 78). Имеется в виду викарный епископ Иосиф (Соколов). Попытка Н. П. Петерсона перепечатать в местных епархиальных ведомостях "Письмо Ф. М. Достоевского" не увенчалась успехом, хотя оно было уже набрано.

21 ноября. В Благовещенском соборе Митрофановского монастыря С. Е. Зверев произнес "Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы" ("Воронежские епархиальные ведомости", № 24. С. 735—741).

23 ноября. В губернском музее открылась выставка, посвященная св. Митрофану (см.: Зверев С. Митрофановская выставка // Дон. 20 нояб., № 129; Воронежские епархиальные ведомости. № 23. С. 723—724; Поликарпов Н. Митрофановская выставка в губернском музее // Воронежский телеграф. 28 нояб., № 138).

30 ноября. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Не

нахожу слов благодарить Вас за Вашу доброту и снисходительность ко мне и не знаю, что сказать Вам в оправдание моего молчания на Ваше письмо, в котором Вы были так любезны, прислали Ваше стихотворение "Да придет Царствие Твое"; это стихотворение я получил и от Николая Федоровича в особом оттиске с номером "Русского Слова", в котором напечатана статья о "Баженовском Кремле". О другом Вашем стихотворении — "Жить или не жить" Николай Федорович ничего мне не сообщал; он, вероятно, наказывает меня этим и за мое молчание на Ваше письмо, и за другие мои провинности; но Вы, я надеюсь, будете снисходительнее и пришлете мне список Вашего нового стихотворения, если оно еще не напечатано, а если напечатано, то пришлете печатный экземпляр, чем премного меня обяжете, сделаете мне великое одолжение, потому что читать в стихах изложение великой мысли имеет что-то особенное; то, что начинает слагаться в стихи, выражаться в музыке, скоро, надо надеяться, найдет и иное выражение.

Одиннадцать экземпляров Вашей книги получил, десять экземпляров тотчас же отвез в Музей; свящ[енник] Зверев, стоящий во главе Музея, взял Ваш адрес и будет писать Вам; один экземпляр он тут же передал одному профессору здешней духовной семинарии, по его словам, человеку весьма серьезному, который непременно прочтет Вашу книгу и, по всей вероятности, напишет о ней отзыв; а один экземпляр мы с Зверевым отнесли к Евгению Маркову, известный публицист и беллетрист, который тоже обещал прочитать книгу. Николай Федорович не высоко ставит этого Маркова, хотя и признает его человеком даровитым, во всяком случае, я не думаю, чтобы вышло что-либо нехорошее от обращения его внимания на Вашу книгу; раз она напечатана, то чем с больших сторон обратят на нее внимания, тем лучше...

Я много уже прочитал Вашей книги по неполному экземпляру, оставленному у меня Николаем Федоровичем, и, конечно, прочту ее всю, а последних несколько страниц уже прочел и порадовался Вашей ссылке на письмо Достоевского <...> Посылаю Вам две статейки, напечатанные еще в прошлом году; через некоторое время пришлю еще две, напечатанные тоже в прошлом году <...> Простите, что пишу с такими помарками; переписывать не могу, — так много приходится писать по должности, что всякое переписывание своего писания становится тяжело.

Для меня наслаждение заключается лишь в переписывании написанного Николаем Федоровичем, или же с его слов; но это наслаждение мне возможно только утром перед разбором и не больше двух часов в день" (карт. 10, № 24, л. 26 и об.; № 29, л. 66—67 об.). Под "профессором здешней семинарии" очевидно, имеется в виду преподаватель дидактики, психологии, философии и логики в Воронежской духовной семинарии, статский советник Иван Петрович Назарьев (?—1918). Рецензия под названием "Новая книга" опубликована в "Воронежском телеграфе" (1898. 1 мая, № 48; подписана псевдонимом "А").

14 декабря. В газете "Дон" (№ 139) — статья "Митрофановская выставка Воронежского губернского музея" (за подписью "-въ").

24 декабря. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Хотел сообщить Вам мнение Маркова о Вашей книге, и для этого ходил к нему вчера, но, к сожалению, не застал его дома. На праздниках увижу его, конечно, увижу и священника Зверева и что услышу от них о Вашей книге, тотчас напишу" (карт. 10, № 24, л. 27—28). Речь идет о проживавшем в Воронеже писателе, публицисте, краеведе Евгении Львовиче Маркове (1835—1903), проявлявшем живой интерес к философской проблематике. Н. П. Петерсон был знаком с ним с 1862 г.

1898

3 января. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "В настоящее время нет надобности в переписке статьи о выставке, а также статьи и о храмах обыденных..." (карт. 6, № 68, л. 52).

6 января. В газете "Дон" (№ 3) — заметка о награждении Н. П. Петерсона орденом св. Анны 3 степени.

1 февраля. Празднование 30-летнего юбилея газеты "Дон", на котором с приветствием выступил Н. П. Петерсон ("Дон", 5 февр., № 15).

24 февраля. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: "В начале марта думаю подать в отставку, а Вас прошу поискать на окраине Воронежа комнату подешевле <...> По получении аттестата тотчас Вас уведомя и тогда можно дать задаток" (карт. 6, № 68, л. 54).

22 марта. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону: упомина-

ет о том, что может выехать из Москвы 29 марта (карт. 6, № 68, л. 55).

28 марта. Получено отпускное свидетельство на срок с 28 марта по 18 апреля (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 90).

30 марта. Приезд Н. Ф. Федорова в Воронеж (карт. 6, № 68, л. 243).

2—8 апреля. Н. Ф. Федоров завершает работу над статьей "Каменные бабы, как указание смысла значения музеев".

10 апреля. Сослуживцы — Н. Ф. Федорову: приглашают последнего возвратиться в Москву (карт. 4, № 12, л. 40).

12 апреля. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Зверев говорил, что он мог бы разместить в Воронеже до ста экземпляров Вашей книги; об этом, я, кажется, Вам писал. В следующее воскресенье надеемся поместить статью о мироносицах в новозаветном смысле; а также готовится особая статья по вопросу, Вами возбужденному, о надписи, разъясняющей смысл баб и разъясняющей причины, почему не было такого разъяснения в Румянцевском музее <...> Просим поскорее ответить, согласны ли на напечатание стихотворения "Призыв" и на перепечатку стихотворения — "Да придет Царствие Твое", как пояснения "дивной зари", о которой говорится в первом стихе "Призыва" (карт. 6, № 68, л. 105).

Н. Ф. Федоров из Воронежа — В. А. Кожевникову: "В посылаемых вырезках для тех же лиц, как и гектографированная статья, заключаются две статьи, 1-я относится ко дню пасхи, а 2-я ко дню антипасхи; первая была Вам выслана гектографированною, но в печати она несколько изменена и добавлена; а 2-я статья совершенно новая" (карт. 10, № 32, л. 21).

В газете "Дон" (№ 38) — статья "Каменные бабы, как указание смысла значения музеев" (за подписью "К.").

16 апреля. Н. Ф. Федоров отправляет директору Румянцевского музея М. А. Веневитинову прошение об отставке: "Живя здесь, в слободе Троицкой, почти в деревне, я начинаю чувствовать себя несколько бодрее, чем чувствовал себя, живя в Москве" (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 93; *Борисов В. С.* Указ. соч. С. 147). Веневитинов Михаил Алексеевич (1844—1901), историк и археограф, действительный статский советник. В 1888—1895 гг. —

Воронежский губернский предводитель дворянства, в 1896—1901 гг. — директор Румянцевского музея. Владелец имения в с. Новоживотинное Воронежского уезда.

20 апреля. Сослуживцы пишут Н. Ф. Федорову письмо с просьбой скорее возвратиться в Москву; о том, что он подал в отставку, они еще не знают (карт. 4, № 12, л. 40).

23 апреля. В газете "Дон" (№ 43) — статья Н. Ф. Федорова "Пожертвование В. А. Кожевникова воронежскому музею" (без подписи).

25 апреля. Сослуживцы вновь обращаются к Н. Ф. Федорову с просьбой не уходить в отставку. Примечание Н. П. Петерсона к этому письму, сделанное после смерти философа: "Необходимо заметить, что, получив это письмо в Воронеже, ежедневно видясь со мною, иногда по нескольку раз в день, Н. Ф-ч это письмо мне не показал, я узнал о нем только теперь" (карт. 4, № 12, л. 38).

5 мая. В газете "Дон" (№ 48) — статья Н. Ф. Федорова "Каменная баба воронежского музея" (без подписи). Вырезка из газеты имеется в фонде Н. П. Петерсона, в публикации исправлены опечатки (карт. 2, № 2).

14 мая. В газете "Дон" (№ 52) — статья Н. Ф. Федорова "Юбилейная выставка" (без подписи). Вырезка из газеты хранится в фонде Н. П. Петерсона, в ней исправлены опечатки (карт. 2, № 2).

В губернском музее открылась выставка, посвященная столетию печатного дела в Воронеже (см.: К столетию печатного дела в Воронеже. 14 мая 1798 — 14 мая 1898 г. // Дон. 3 мая, № 47; Выставка в Воронежском губернском музее (1798—1898 гг.) // Воронежский телеграф. 20 мая, № 56; Пятая выставка в губернском музее // Дон. 21 мая, № 55; С. З. [Зверев С. Е.] Из Воронежа (Выставка в Воронежском губернском музее) // Церковный вестник. 4 июня, № 23. Ст. 807—808).

14 мая. В газете "Дон" (№ 52) — начало воспоминаний Л. Г. Соловьева "Живопись и рисование в воронежском крае" (они продолжены в № 58—60, 63, 68, 69, 71). Художник Лев Григорьевич Соловьев (1837—1919) заведовал бесплатной рисовальной школой, преподавал в Воронежской духовной семинарии, занимался иконописью.

10 июня. Н. Ф. Федоров ожидает приезда В. А. Кожевникова в Воронеж (карт. 6, № 68, л. 109).

14 июня. В газете "Дон" (№ 64) — статья Н. Ф. Федо-

рова "Воронежский музей в 1998 году (1798—1998 гг.)" (без подписи).

18 июня. Церемония освящения нового здания Окружного суда: речь сказал преосвященный Анастасий ("Воронежские епархиальные ведомости". № 13 (1 июля). С. 525—528). На церемонии присутствовали все чиновники судебного ведомства (см.: Дон. 21 июня, № 67).

21 июня. В газете "Дон" (№ 67) — статья "О пятой выставке музея" (за подписью "въ").

24 июня. М. А. Веневитинов — Н. П. Петерсону: "Ваше письмо с приложением статей из газеты "Дон" застало меня в Москве среди хлопот отъезда. Чрез Воронеж, не останавливаясь, проехал я в деревню... Вот почему до сих пор не успел ответить Вам искренней признательностью за Ваши интересные сообщения. Статьи Николая Федоровича так любопытны, что я решаюсь просить Вашего позволения оставить у себя полученные от Вас газетные вырезки и убедительно просить Вас не отказать мне в доставлении дальнейших произведений Николая Федоровича, если они будут появляться в "Дону", которого я не получаю, а в музейном экземпляре их трудно отличить за отсутствием авторской подписи.

Известие, появившееся в газетах о даровании наконец денег на ремонт [Румянцевского. — А. А., О. Л.] музея, по всей вероятности, должно порадовать Николая Федоровича. Очень бы хотелось с ним повидаться в один из предстоящих мне в Воронеж приездов. Позвольте мне надеяться при этом на Ваше любезное содействие" (карт. 6, № 29, л. 1). Письмо написано в имени Новоживотинное под Воронежем, где М. А. Веневитинов находился с 15 июня по 7 августа (Архив РГБ, оп. 126, д. 11, л. 52).

8 июля. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову (писано под диктовку Н. П. Петерсоном): статья с критикой в адрес Л. Н. Толстого переслана родственнику последнего, И. В. Денисенко, который, вероятно, сообщит о ней Л. Н. Толстому лично 22 августа, в день его 70-летия, или перешлет раньше (карт. 6, № 68, л. 95).

Оригинал этого же письма: "Спешу послать Вам че-

тыре статейки в газете "Дон", которых Вы еще не читали. Прошу извинить, что не выслал их раньше — недосуг. [Далее — о статье, которую передают И. В. Денисенко. — А. А., О. Л.]. Статью, в сокращенном виде, думаем гектографировать и один оттиск пришлем к Вам. Ю. П. Бартенев обещался в июле приехать в Воронеж. Вы так близко к Воронежу, неужели не заедете?" (карт. 10, д. 32, л. 23). Бартенев Юрий Петрович (1866—1908) — сын редактора-издателя "Русского архива" П. И. Бартенева, историк, цензор. В. А. Кожевников проводил лето у себя на родине, в г. Козлове Тамбовской губернии.

10 июля. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: приглашает в Воронеж со всем тем, что привезено им с Востока (карт. 10, № 32, л. 27).

12 июля. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову (писано под диктовку Н. П. Петерсоном): просит приехать в Воронеж, чтобы обсудить содержание статей (карт. 6, № 68, л. 97).

Оригинал этого же письма: Н. П. Петерсон с Н. Ф. Федоровым собирались поехать в Козлов, но не могут этого сделать по ряду обстоятельств и приглашают В. А. Кожевникова в Воронеж. Приписка Н. П. Петерсона: "И я питаю надежду на личное с Вами знакомство, которое ожидаю с большим удовольствием" (карт. 10, № 32, л. 34—35).

13 июля. Н. П. Петерсон и Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: ждут его приезда в Воронеж; "Для Николая Федоровича все дни, конечно, равны, но для меня желательно было бы, чтобы Ваш приезд совпал с таким днем, когда я от служебных обязанностей свободен; дни эти 22, 26, 27, 28 июля, а 19 июля меня и совсем в городе не будет" (карт. 10, № 32, л. 36).

23 июля. В газете "Дон" (№ 78) — статья Н. Ф. Федорова "Музей Л. Г. Соловьева в Воронеже" (без подписи). Вырезка из газеты имеется в фонде Н. П. Петерсона с правкой опечаток (карт. 2, № 2).

4 августа. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: благодарят его за приезд в Воронеж; "Ваше стихотворение, если будет напечатано, может стать основой, базисом дела" (карт. 6, № 68, л. 100; карт. 10, № 32, л. 37).

6 августа. В газете "Дон" (№ 84) — стихотворение В. А. Кожевникова "Призыв" с посвящением Н. Ф. Федорову и с анонимным послесловием, принадлежащим перу Н. Ф. Федорова. Статья имеется в фонде Н. П. Петерсона (карт. 2, № 2).

12 августа. Отъезд Н. Ф. Федорова в Москву.

21 августа. Н. Ф. Федоров подал директору Румянцевского музея М. А. Веневитинову официальное прошение об отставке (*Борисов В. С. Указ. соч. С. 145*). Резолюция директора: уволить с 15 сентября (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 95). Однако вопреки мнению Л. Коваль, 14 сентября вовсе не является последним днем работы Н. Ф. Федорова в Румянцевском музее (см.: *Коваль Л. Страница истории: Николай Федорович Федоров и Московский публичный и Румянцевский музеи // Философия бессмертия и воскрешения. М., 1996. Ч. 1. С. 239*). Как следует из музейного отчета, философ провел на своем рабочем месте еще полтора месяца: "15-го сентября уволен от службы с переводом в разряд вольнотруidящихся, а с 1-го ноября вовсе оставил службу в музеях дежурный при читальном зале коллежский ассесор Н. Ф. Федоров" (см.: *Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1898 год. М., 1899. С. 63*).

25 августа. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Благодарю Вас и всех Ваших за радушный прием... Еще раз благодарю Вас за несколько часов, проведенных от Козлова" (карт. 6, № 68, л. 101). По пути из Воронежа Н. Ф. Федоров какое-то время провел в Козлове у В. А. Кожевникова. По всей видимости, поездом в Москву они ехали вместе.

11 октября. Чествование Е. Л. Маркова по случаю 40-летия его литературной деятельности. На юбилейном обеде присутствовали И. Т. Алисов, Г. С. Вашкевич, М. А. Веневитинов, И. В. Денисенко и др. ("Дон", 13 окт., № 112; 18 окт., № 114).

14 октября. В петербургской газете "Новое время" (№ 8129) — статья Н. Ф. Федорова "Разоружение" (без подписи).

22 октября. С. Е. Зверев — В. А. Кожевникову: сообщает, что 300 рублей на нужды губернского музея от продажи книги В. А. Кожевникова получены, благодарит и

извещает о намерении предложить губернскому Статистическому комитету избрать его в свои члены (карт. 10, № 22, л. 1).

26 октября. Н. П. Петерсон — Н. Ф. Федорову (накануне последний известил, что намерен с 1 ноября уйти в отставку и приехать в Воронеж): "Я отправился на поиски Вам квартиры и пока остановился на той же квартире у Веры Матвеевны, на которой Вы стояли в 1897 году; с самоварами она желает теперь получать с Вас по 5 р. 50 к. в месяц; я еще не решил окончательно с Верою Матвеевною, поищу еще поближе и подешевле, но если не найду, то придется поместиться у Веры Матвеевны". Сообщает, что передал статью Н. Ф. Федорова в "Воронежские епархиальные ведомости", однако от ректора семинарии ответа еще нет; ректор относится к нему, т.е. Н. П. Петерсону, хорошо, недавно нанес ему визит, но разговор не получился, поскольку в это же время приехал "известный Вам Алисов" (карт. 4, № 12, л. 27—28). Ректором Воронежской духовной семинарии в 1887—1900 гг. (и одновременно редактором "Воронежских епархиальных ведомостей") был Алексей Михайлович Спасский (1849—1920). Иван Троядьевич Алисов (1851—после 1918), отставной гвардейский полковник, в 1894—1907 гг. — воронежский уездный предводитель дворянства. Играл видную роль в общественной жизни Воронежа.

5 ноября. В газете "Дон" (№ 122) — "Открытое письмо Е. Л. Маркову" Н. П. Петерсона. Номер со статьей есть в фонде Н. П. Петерсона (карт. 2, № 2).

6 ноября. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николай Федорович не едет и не пишет ничего, а я с 1 ноября приготовил ему квартиру и со столом.

Квартира его недалеко от нас и можно было бы стол Николаю Федоровичу устроить у нас; наш обыкновенный стол ничем не отличается от того стола, который будет иметь Николай Федорович, но он никогда даром им не пользовался и платил нам гораздо дороже, чем будет платить теперь; даже когда приходил к нам из Троицкого, так сказать, уже в гости, то всегда приносил что-нибудь детям, и это приношение стоило несравненно дороже обеда, который он съедал.

В благодарность Маркову за содействие в напеча-

нии статьи [Н. Ф. Федорова. — А. А., О. Л.] в "Новом времени" я написал ему письмо по случаю юбилея; в этом письме я несколько полемизирую с ним по поводу статьи его "Брожение духа в народе" ("Спб. ведомости", 3 октября), поэтому не решился напечатать письмо без его разрешения <...> Вырезку посылаю, если Вы и Николай Федорович найдете его стоящим, то нельзя ли будет перепечатать в "Русском Слове"; это бы Маркову доставило большое удовольствие. Л. Г. Соловьев пришел в восторг от статьи в "Новом времени" и ходит по нашим редакциям, прося перепечатать статью и сделать особые оттиски <...> Л. Г. Соловьев мне рассказывал, что ректор семинарии, редактор "Епархиальных ведомостей" спрашивал его, знаком ли он со мною, и, получив утвердительный ответ, говорил, что я передал ему статью для напечатания, замечательную по глубине и оригинальности мысли <...> Вашу статью еще не переписал за большим недосугом — она будет с удовольствием помещена в одной из наших газет. Сейчас получил письмо от Николая Федоровича, он выезжает 11-го ноября. Буду ждать его на вокзале 12 ноября в половине четвертого дня, а письмо это уже pošлю Вам" (карт. 10, № 24, л. 24—26, 30).

12 ноября. В газете "Дон" (№ 125) — анонимный отклик на статью Н. Ф. Федорова в петербургском "Новом времени" и частичный ее пересказ. Номер сохранился в фонде Н. П. Петерсона, заметка обведена карандашом (карт. 2, № 2).

Приезд Н. Ф. Федорова в Воронеж (карт. 6, № 68, л. 243).

14 ноября. Завершена работа над письмом в редакцию "Дона" по поводу отклика в "Саратовском дневнике" на статью Н. Ф. Федорова "Разоружение" в "Новом времени" (карт. 2, № 2).

17 ноября. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Примет ли "Русский архив" для напечатания автобиографию Л. Г. Соловьева, с которой Вы несколько знакомы; если не примет, то мы напечатаем ее в газете "Дон", редактор которой очень просит эту автобиографию и обещает много отдельных оттисков. Возражение "Саратовскому Дневнику" написано и отдано в редакцию "Дона"; на будущей неделе будет напечатано"

(карт. 6, № 68, л. 113). Вышеупомянутое "возражение" опубликовано не было, оно сохранилось в верстке.

21 ноября. Профессор Московского университета гр. Комаровский, специалист по международному праву, прочитал в зале городской думы лекцию о разоружении в пользу местной публичной библиотеки (см.: По поводу предстоящей лекции профессора гр. Комаровского // Воронежский телеграф. 20 нояб., № 134). Скорее всего, речь идет о профессоре Николае Егоровиче Комаровском (1845—1909).

Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Вчера мы были на лекции знаменитого проф. Комаровского, который был приглашен читать в пользу Воронежской публичной библиотеки и читал о разоружении. <...> Критически отнесся Комаровский к статье в "Новом времени", это совпадает и с мнением Вашкевича, который стоит во главе попечительного о библиотеке Комитета. Вашкевичу статья "Разоружение" была, пред тем, прочитана, и он нашел войско недостойным того великого дела, о котором говорится в статье. По этому случаю Вашкевичу готовится письмо, копию которого пришлем и Вам". Письмо продолжает Н. П. Петерсон: "Мы ждем от Вас, что Вы напечатаете, наконец, стихотворение, посвященное Соловьеву еще в прошлом году. Возвращена ли редакцией "Московских ведомостей" заметка о памятнике Александру II и получена ли Вами заметка из Воронежа о памятнике Александру III? Хотели послать Вам напечатанными статьи о "Саратовском Дневнике" (по поводу "Разоружения"), Вашу статью, но до сих пор не добьемся напечатания. И ректор до сих пор молчит со статьей о картине "Первосвященническая молитва", передана ему и заметка, приглашающая духовенство к содействию делу, начатому циркуляром 12 августа, и он выразил большое удовольствие, выслушав заметку, просил оставить ее у него, но какое сделает из нее употребление, неизвестно" (карт. 6, № 68, л. 114). В действительности лекция проф. Комаровского состоялась 21 ноября, следовательно, настоящее письмо надо датировать 22 ноября. Григорий Станиславович Вашкевич (1837—1923) в 1887—1902 гг. управлял губернской Казенной палатой, отличался либеральными

убеждениями, активно участвовал в общественно-культурной жизни Воронежа.

22 ноября. Завершена работа над письмом Г. С. Вашкевичу по поводу статьи Н. Ф. Федорова "Разоружение".

23 ноября. В Благовещенском соборе Митрофановского монастыря С. Е. Зверев произнес "Слово в день представления св. Митрофана, первого епископа Воронежского" ("Воронежские епархиальные ведомости", № 23 (1 дек.). С. 935—941).

23 ноября. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: говорят о желательности В. А. Кожевникову прочитать лекцию в Воронеже в пользу губернского музея, посвятив ее конференции по умиротворению; "Приехав дня за два, Вы могли бы воспользоваться материалами Николая Федоровича". Приложена копия письма, посланного Г. С. Вашкевичу; таковая сохранилась и в фонде Н. П. Петерсона (карт. 9, № 63).

25 ноября. В газете "Воронежский телеграф" (№ 136) — заметка "Лекция проф. графа Комаровского" (за подписью "П. Н-въ" [Николаев П. А.]).

26 ноября. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: упоминают о том, что печатать заметку об Александре III не предполагали; "Предлагая автобиографию Соловьева редакции "Русского архива", мы хотели сделать ей услугу, теперь же мы решили поместить эту автобиографию в газете "Дон", редактор которой очень просит ее и обещает сотню особых оттисков, а Марков хочет написать к ней особое предисловие. Примечание Н. П. Петерсона: "Лев Григорьевич Соловьев, живописец и иконописец в Воронеже, и до сих пор здравствующий, самоучка, картины которого на выставках получали премии; вместе с тем он и педагог, учитель рисования, необыкновенно успешный" (карт. 6, № 68, л. 119). Воспоминания Л. Г. Соловьева с предисловием Е. Л. Маркова были напечатаны в 1902 г., в сентябрьском номере журнала "Новое дело".

Оригинал этого же письма: "Зверев говорил, что Ваша книга в семинарии разослана, а в светские учебные заведения рекомендована. На днях Вы получите от него приглашение читать в Воронеже в пользу музея; а также он будет просить Вас прислать Вашу коллекцию видов из

Святой земли на выставку" (карт. 10, № 32, л. 53—54). О выставке "Рождество Иисуса Христа и умиротворение" см. ниже.

В газете "Дон" (№ 130) — отчет о лекции проф. Комаровского "Лекция о разоружении" (за подписью "Я. Откровенный").

Ноябрь. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Об умиротворении есть почти во всех статьях, напечатанных в нынешнем году в Воронеже задолго до 12 августа... Особенно об этом говорилось в статье "Воронежский музей в 1998 году" (карт. 6, № 68, л. 117). Имеется в виду обращение русского правительства к европейским державам с предложением о разоружении от 12 августа 1898 г.

Продолжение того же письма Н. П. Петерсоном: "При сем прилагается статейка "31-я годовщина Воронежского окружного суда", в которой тоже говорится об умиротворении и об участии в нем суда"; далее по секрету Н. П. Петерсон сообщает В. А. Кожевникову, что платит за квартиру Н. Ф. Федорова больше, чем говорит ему, это идет в счет погашения долга самого Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову (карт. 10, № 32, л. 51).

30 ноября. Паспорт Н. Ф. Федорова зарегистрирован по месту проживания "в доме Федорова № 23 по Касаткиной улице 1 участка Дворянской части" (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 108).

2—3 декабря. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Сказав о московских неудачах, скажем и о воронежских: на известное Вам письмо Вашкевичу нет ответа; на письмо Маркову о том же предмете нет ответа; от ректора ни о статье о внутреннем умиротворении (или об иконе-картине), ни о заметке о молитвенном участии церкви в деле, начатом циркуляром 12 августа, которая так, по-видимому, понравилась ректору, — тоже нет ответа. Проповедь на 6 декабря хотя и взял священник Зверев [ранее упоминалось, что проповедь ко дню тезоименитства Николая II готовит Н. Ф. Федоров. — А. А., О. Л.], но хочет ее разбавить, "чтобы не быть трубою чужих слов", как он выразился... Ко второму слову на день Рождества Христова, которое предполагалось произнести

в Кадетском корпусе на текст "На земле мир", Зверев отнесся холодно...

Написано еще письмо в редакцию "Епарх[иальных] ведомостей" с жалобой, можно сказать, на лекцию Комаровского и двух излагателей этой лекции в двух светских, выходящих в Воронеже газетах, отдающих дело умиротворения исключительно в руки бездушных юристов. Письмо по назначению еще не послано, но, вероятно, и оно не пройдет.

Статья, посланная в редакцию "Дона", совершенно искажена цензурой и осталась у нас в гранках. О выставке в следующем письме (карт. 6, № 68, л. 120—121).

3 декабря. В газете "Дон" (№ 133) — статья "С французской выставки" (за подписью "-въ").

8 декабря. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Воронежский музей хотел бы тоже откликнуться на призыв к умиротворению [В. А. Кожевников ранее обещал С. Е. Звереву выслать коллекцию видов замечательных мест Палестины, откуда недавно вернулся. — А. А., О. Л.], но сейчас мы просим Вас подобрать для выставки гравюры картин, которые относились бы к делу мира" (карт. 6, № 68, л. 125).

10 декабря. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: сожалеет о том, что мало времени уделяет обработке мыслей и идей Н. Ф. Федорова, "но уйти со службы — отдать нужде по крайней мере 15 человек, которых кормлю" (карт. 6, № 68, л. 132).

11 декабря. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Сейчас заходил ко мне Николай Федорович..." (карт. 6, № 68, л. 134).

17 декабря. В газете "Дон" (№ 139) — статья Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона "XXXI-я годовщина Окружного суда" (за подписью "К."). Вторая половина этой публикации дана Н. П. Петерсоном в примечании к статье "Задача конференции мира" во втором томе "Философии общего дела" (М., 1913. С. 329, в целом данная статья занимает стр. 323—343).

19 декабря. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Кстати, и наша проповедь была произнесена 6 декабря, но не в Воронеже, а в пригородной слободе "Придаче", произнесена учеником VI класса се-

минарии с некоторыми изменениями, незначительными, впрочем. Будет ли напечатана, еще не знаем. Есть и еще две проповеди — на Рождество Христово, специально приспособленная к кадетскому корпусу, и на Новый год" (карт. 6, № 68, л. 141). Придача — пригородная слобода на левом берегу р. Воронеж, ныне в черте г. Воронежа. Настоятелем церкви Рождества Христова на Придаче был Иван Михайлович Скрыбин.

20 декабря. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: приглашают его приехать в Воронеж (карт. 6, № 68, л. 143).

В газете "Воронежский телеграф" (№ 147) — перепечатка (в сокращении) статьи "XXXI-я годовщина Окружного суда", с пометкой "В извлечении из "Дона".

24 декабря. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Посылаем Вам объявление о предстоящей выставке в Воронеже, из которого Вы увидите, что альбом к кремлевскому памятнику Александра II мы просили не для себя, а для выставки. Жаль только, что в этом объявлении не упомянут и Ю. П. Бартнев, но это не по нашей вине, а по торопливости Зверева, с которым приходится видеться и редко, и все только наскоро <...> Целая комната будет отведена памятнику Александру II и трем Римам. Николай Федорович просит Вас поблагодарить И. М. Ивакина за присылку видов для Л. Г. Соловьева". Позднейшая приписка Н. П. Петерсона, при подготовке писем к печати: "Не поместить ли здесь статью о выставке, а также и об иконе, которую писал Л. Г. Соловьев?" (карт. 6, № 68, л. 144). Имеется в виду заметка С. Е. Зверева "VI периодическая выставка в музее" ("Воронежский телеграф", 1898. 23 дек., № 148). В числе участников выставки упомянуты В. А. Кожевников, Е. Л. Марков и М. П. Паренаго. Иван Михайлович Ивакин (1855—1910), филолог, библиотекарь Румянцевского музея и преподаватель русского языка в одной из московских гимназий. Частый собеседник и пропагандист идей Н. Ф. Федорова.

26 декабря. В губернском музее открылась выставка "Рождество Иисуса Христа и умиротворение". Действовала до 7 января 1899 г. Poleмику о выставке см.: Н. Выставка в Воронежском музее // Воронежский телеграф.

1899. 6 янв., № 3; Один из организаторов выставки. Посетители выставки в музее // Там же. 10 янв., № 5; Н. Кто из нас прав? // Там же. 15 янв., № 7.

27 декабря. Я. Ф. Браве (из Москвы) — Н. Ф. Федорову: надеется, что его статья с автографом Н. Ф. Федорову прибыла в Воронеж своевременно; собирается в Орел и оттуда намерен заехать в Воронеж повидать Н. Ф. Федорова (карт. 4, № 12, л. 9). Браве Яков Федорович (1861—1899) — сотрудник библиотеки Румянцевского музея.

31 декабря. Я. Ф. Браве — Н. Ф. Федорову: "Посылаю Вам два экземпляра "Центр.-Просвет. учреждения"; если найдете возможным, м[ожет] б[ыть], передадите один из них в библиотеку нарождающегося этико-юридического общества. <...> Если бы Воронеж находился не так далеко, то многие из занимавшихся ранее в музее — в каталожной, ездили бы по нескольку раз в месяц в Воронеж" (карт. 4, № 12, л. 11). Речь идет о книге Я. Ф. Браве "Одно из наших центральных просветительных учреждений: (Очерки Румянцевского музея)" (М., 1898).

1899

5 января. В газете "Дон" (№ 2) — статья "Шестая выставка музея" (за подписью "-въ").

22 января. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николай Федорович в половине февраля думает поехать в Москву, чтобы поселиться не в самой Москве, а около нее, в Подольске или Сергиевом Посаде" (карт. 6, № 68, л. 148).

23 января. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николай Федорович намерен ехать в Москву и поселиться или в Подольске, или в Сергиевом Посаде. Что заставляет Николая Федоровича переменить свое место жительства, я не умею догадаться, сам же он говорит, что ему надо быть поближе к Москве, чтобы воспользоваться новым назначением Шаховского и для напечатания статьи о "Задачах конференции".

Но как он будет жить на свои семнадцать с полтиною, решительно не знаю, делать к этому некоторые добавления было возможно здесь, а там это будет невозможно" (карт. 10, № 24, л. 31).

10 февраля. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Думали поместить Вашу статью в одном из воронежских изданий, но все они оказались для нас закрытыми; сам губернатор не находит ничего возмутительного в таких вычеркиваниях цензора, как из фразы "царь философов Кант" слова "царь" и т.п., сам губернатор находит, что всякое упоминание о циркуляре 12-го августа нуждается в разрешении Министерства Двора". Далее Н. П. Петерсон добавляет от себя: "Николай Федорович теперь не совсем здоров" (карт. 10, № 24, л. 34). Воронежским губернатором с июля 1898 г. по ноябрь 1902 г. был действительный статский советник Павел Александрович Слепцов (1862, по другим данным 1864—1906).

15 февраля. Отъезд Н. Ф. Федорова из Воронежа (карт. 6, № 68, л. 243).

17 февраля. В. А. Кожевников избран почетным членом Воронежского губернского статистического комитета ("Воронежские губернские ведомости". 17 марта, № 21).

2 марта. Н. В. Веретенникова (из Воронежа) — Н. П. Петерсону: "Когда вернется из Москвы Федоров и вернется ли сюда? 2) Не писал ли он Вам что-нибудь о последних днях Я. Ф. Браве? Он попал на его похороны и написал в "Курьер" некролог? 3) Могу ли просить Вас известить меня о дне его возвращения, если оно будет? Я больна, но надеюсь поправиться и ужасно хочу видеть Н. Ф. Федорова. Живу — Острожный бугор, д. № 1. кварт[ира] Мазуренко. Н. В., т.е. Надежда Васильевна Веретенникова. Из Москвы ни слова в ответ на мои вопросы. М[ожет] б[ыть], думают, что я уехала. Но я уже вернулась 28 февраля" (карт. 4, № 12, л. 13). Н. В. Веретенникова (1844—после 1899) — дочь купца, была близка к семейству известного в Воронеже врача и общественного деятеля К. В. Федяевского. Мазуренко Семен Петрович — подпоручик Коротоякского резервного батальона, в мае 1899 г. уволен в отставку. Состоял под гласным надзором полиции (ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 354).

3 марта. Н. Ф. Федоров (из Сергиева Посада) — Н. П. Петерсону: просит узнать о местожительстве Н. В. Веретенниковой ("в квартире Мазуренко или у Вашкевича") и объясняет, почему не смог выполнить ее желания: "Я выехал из Воронежа в самый день смерти

Якова Федоровича Браве 15 февраля, а 24 февраля, в тот же день, когда она прислала Вам письмо и некролог, я вместе с Вл[адимиром] Алекс[андровичем] Кожевниковым составили заметку в память Я[кова] Ф[едоровича] и отправили к Г. А. Джаншиеву. <...> Письмо Ваше с письмами Энгельгардта и Н[адежды] В[асильевны] было получено мною 2 марта" (карт. 6, № 68, л. 40—41). Джаншиев Григорий Аветович (1851—1900) — русский публицист и историк, один из издателей-редакторов газеты "Русские ведомости". Энгельгардт Николай Александрович (1867—1942) — писатель, публицист, историк литературы.

18 марта. В Петербурге подписано цензурное разрешение на выпуск брошюры "К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года". По сообщению С. Е. Зверева, ее авторами являются Н. П. Петерсон и Н. Ф. Федоров (См.: *Зверев С.* Книги, брошюры и листы воронежской печати // Тр. Воронежской учен. архивной комис. Воронеж, 1904. Вып. II. С. 92).

19 марта. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Очень может быть, что скоро приеду в Москву и к нему в Посад <...> После оставления музея он гораздо больше сделал, чем оставаясь в музее. Точно также, как много им было написано весной 1898 года в Воронеже. Статью "Добровольный труженик Румянцевского музея" прочитал и чрез Вашкевича указал той особе, которая писала Николаю Федоровичу" (карт. 10, № 24, л. 36). Имеется в виду некролог Я. Ф. Браве, помещенный в "Русских ведомостях" (1899, 11 марта, № 69, под названием "Добровольный деятель московского Румянцевского музея").

20 марта. Н. П. Петерсон назначен членом Окружного суда в г. Асхабад (карт. 5, № 27, л. 2).

23 марта. С. Е. Зверев в Благовещенском соборе Митрофановского монастыря произнес "Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы" ("Воронежские епархиальные ведомости", № 8. С. 328—335).

24 марта. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Сейчас получил письмо от Петерсона, ему 3 марта стало известно о предстоящем переводе в Асхабад" (карт. 6, № 68, л. 156).

Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Николаю Федоровичу я писал 21 марта. Надежде Васильевне Вере-

тенниковой (т.е. Н. В.) я передал о том, куда направлен ее некролог, через Вашкевича" (карт. 10, № 24, л. 40).

30 марта. В газете "Дон" (№ 36) — информация под рубрикой "Перемещения чиновников" о назначении Н. П. Петерсона членом Окружного суда в г. Асхабад.

2 апреля. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: сообщает о получении письма от Н. П. Петерсона, который 3 апреля оставляет должность (карт. 6, № 68, л. 163).

Около 5 апреля. Приезд Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову в Сергиев Посад.

5 и 9 апреля. Н. П. Петерсон посещает Л. Н. Толстого в его московском доме (см.: *Н. П. Петерсон. Мои сношения с великим писателем земли русской графом Л. Н. Толстым и мое к нему отношение // Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга "Философия общего дела". Верный, 1912. С. 83—93*).

11 апреля. Приезд Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в Воронеж.

Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову (несколькими днями ранее они с ним встречались): "Принести Вам благодарность немедленно по приезде в Воронеж — было потребностью сердца, души" (карт. 6, № 68, л. 164).

15 апреля. Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: Л. Г. Соловьев обещал фотографический снимок к статье об иконе Первосвященнической молитвы (карт. 6, № 68, л. 166).

25 апреля. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Я думаю 30 апреля выехать из Воронежа, но куда направлюсь, сего не решил" (карт. 6, № 68, л. 171).

29 апреля. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Я сегодня только возвратился из моей поездки в Пензенскую губернию.

Мы думаем отправляться в Асхабад числа 5-го всем семейством разом, а Николай Федорович думает прожить в Воронеже месяца три—четыре, завтра пойдем смотреть ему квартиру.

Вчера получилось разрешение цензуры на выпуск брошюры и сто экземпляров приготовлены для отправки к Вам, но отправка будет задержана впредь до напечатания дополняющего брошюру объявления" (карт. 10, № 24,

л. 38). Речь идет об изданной в Воронеже в 1899 г. брошюре Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона "К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года".

30 апреля. С. Е. Зверев — В. А. Кожевникову: благодарит за новое пожертвование губернскому музею, сообщает о смерти редактора-издателя местного журнала "Филологические записки" А. А. Хованского (1815—1899) и о сборе по подписке средств на стипендию его имени, интересуется, не откликнется ли на это В. А. Кожевников или его знакомые-филологи (карт. 10, № 22, л. 2).

5 мая. В газете "Воронежский телеграф" (№ 50) — заметка Е. Л. Маркова "Проводы Н. П. Петерсона". Рукописная копия этой заметки, нотариально заверенная, хранится в фонде Н. П. Петерсона (карт. 6, № 80, л. 1—2).

12 мая. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Мой адрес: Воронеж, Троицкая, дом Скрынченко, № 45; по этому адресу, как я сейчас узнал, письма доходят через две недели и даже больше. Впрочем, по словам хозяина дома, письма гораздо скорее будут доходить по следующему адресу: Воронеж, Губернское правление, Григорию Дмитриевичу Скрынченко с передачей Н. Ф. Еще два слова: воронежская выставка, почти накануне XIX-векового юбилея христианства, устроенная, можно сказать, из ничего, могла бы дать начало двум большим выставкам" (карт. 6, № 68, л. 172).

29 июля. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: "Премного благодарен Вам за посещение Воронежа" (карт. 6, № 68, л. 175).

4 августа. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: сообщает, что выезжает из Воронежа до Петровска 15 августа; в пути его будет сопровождать Косьма Петрович Афонин: Н. П. Петерсон должен выехать для встречи в Красноводск; "будете ли Вы к этому времени в Воронеже?" (карт. 6, № 68, л. 178). Козьма Петрович Афонин (1867—1918?) — воронежский знакомый Н. Ф. Федорова, служащий железнодорожного ведомства. Предположительно о нем идет речь в газетной заметке "Загадочная смерть" — о похоронах на Митрофановском кладбище приказчика торговой фирмы Харина К. Афонина, застреленного 26 января 1918 г. во время крестного хода ("Воронежский телеграф", 1918. 31 янв., № 24).

24 августа. Н. Ф. Федоров зарегистрировал паспорт в Асхабаде по месту проживания.

15 сентября. Н. Ф. Федоров (из Ашхабада) — В. А. Кожевникову: упоминает о письме, присланном Е. Л. Марковым из Воронежа Н. П. Петерсону (карт. 6, № 68, л. 182).

1900

26 марта. Н. Ф. Федоров — В. А. Кожевникову: пишет о желании поселиться на лето в Воронеже, где В. А. Кожевников мог бы его навещать из Козлова. "Самое наибольшее же мое желание — поселиться в каком-нибудь городке и жить исключительно своею пенсиею" (карт. 6, № 68, л. 217).

1901

2 января. Н. Ф. Федоров — Н. П. Петерсону (в Ашхабад): "По приезде в Воронеж отправился я в Троицкое и узнал от бывшей своей хозяйки, что к четырем рублям, платимым мною за комнату, Вы прибавляли еще два рубля. Впрочем, она тотчас сбавила рубль, но я не помню уже, как выбрался из ее дома и поспешил уехать из Воронежа. В Троицком я жил от 30 марта до 12 апреля [надо: до 12 августа. — А. А., О. Л.] 1898 года, уплачено за 5 месяцев; следовательно, я должен Вам 10 руб. В следующем году опять, вероятно, Вы приплачивали Вере Ивановне [ошибка: квартирную хозяйку звали Верой Матвеевной. — А. А., О. Л.] за стол также по два рубля. На этой квартире я жил с 12 или 13 ноября по 15 февраля, следовательно, за три месяца с небольшим Вами уплачено 6 руб. <...>

По случаю скорого отъезда из Воронежа я не мог быть у Лизаветы и Веры Николаевны; не мог проститься с Косьмой, о чем очень сожалею" (карт. 6, № 68, л. 243). Елизавета Николаевна Кривошеина и Вера Николаевна Петерсон — дочери Н. П. Петерсона, оставшиеся жить в Воронеже после отъезда родителей. Косьма — Козьма Петрович Афонин, который в своем письме к Н. П. Петерсону говорит о своих встречах с Н. Ф. Федоровым в 1900 г.

1 ноября. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: отвечает на его вопрос, кто такой П. Ц., публикующий в Ас-

хабаде и разделяющий взгляды Н. Ф. Федорова — Петр Яковлевич Циркунов, из крестьян Острогожского уезда Воронежской губернии, состоит смотрителем артезианского колодца, пишет статьи, где ставится вопрос: "что есть истина?" (карт. 10, № 24, л. 42).

1904

13 января. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: речь идет о подготовке первого тома "Философии общего дела" Н. Ф. Федорова. "Это, впрочем, не значит, чтобы я отказался от дела, которому служил и при жизни Н[икола]я Ф[едорови]ча, служил, поступая иногда вопреки его воле и желания, но с единственной целью, чтобы сделать его известным, заставить его объявить себя; так без его согласия я писал Достоевскому, в ответ на что получил письмо его, чудесным образом попавшее теперь в Румянцевский музей; без его ведома отправил в "Новое Время" и статью "Разоружение"; таким же образом явилось почти все печатавшееся в "Дону" и проч. <...> Он осуждал митрополита Филарета за то, что он не поехал на открытие мощей Тихона Задонского, и назвал его даже за это протестантом, — а протестант в устах Н[икола]я Ф[едорови]ча было очень плохое слово; я помню, как ему понравилось, когда служитель в одной из купален г. Воронежа выразился про тех, которые устраивают увеселения с музыкой под большие праздники, когда у Митрофания совершается всенощная: "это — хуже протестантов"; после этого Ник[олай] Ф[едоро]вич часто употреблял — "это — хуже протестантов" (Философия бессмертия и воскрешения. М., 1996. Вып. 2. С. 246—247). В числе поступлений в Румянцевский музей в 1903 г. значится "письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону о Н. Ф. Федорове от 24 марта 1878 г. (См.: Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1903 год. М., 1904. С. 41). Открытие мощей св. Тихона Задонского в г. Задонске Воронежской губернии состоялось 13 августа 1861 г. У Митрофания — речь идет о Благовещенском соборе Митрофановского монастыря, где находились мощи св. Митрофана.

1904—1905 гг.

Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "по поводу того, что Вы воспользовались широко воронежскими статьями

и считаете нужным почему-то оговариваться, должен сказать, что помещая эти статьи, как в Воронеже, так и в Асхабаде <...> я всегда говорил, что эти статьи не мои" (карт. 10, № 29, л. 72 и об.).

1906

29 января. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: "Не могу не сообщить вам, что 1-го января я произведен в Действительные Статские Советники, и не могу не сознаться, что это доставило мне некоторое удовольствие, хотя и знаю, что это чувство, испытанное мною, возбудило бы опять неудовольствие против меня Николая Федоровича, как это было в то время, когда по случаю моего отъезда из Воронежа мне выражали сочувствие и устраивали торжественные проводы, от которых я не счел возможным уклониться и которые доставили мне удовольствие" (Философия бессмертия и воскрешения. М., 1996. Вып. 2. С. 251).

1908

Из книги В. А. Кожевникова "Николай Федорович Федоров: Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам" (М., 1908. Ч. 1. С. 19). "Довелось ему поселиться на некоторое время в Воронеже, и вот мы видим его тотчас же в близком общении с исследователями местной старины: он поощряет устройство местного губернского музея, обращает внимание на него публики статьями, перепискою, выставкою, быть может, скудную по ограниченности средств, но поучительную по замыслу и т.д."

1916

17 января. Н. П. Петерсон — В. А. Кожевникову: сообщает, что целый ряд статей в газетах "Дон", "Асхабад", "Туркестанские ведомости", под которыми стояла его, Петерсона, подпись, был написан им "под диктовку Николая Федоровича", а подписан так "по обстоятельствам разного рода и по желанию самого Николая Федоровича" (карт. 10, № 29, л. 33 об.).

Из недатированного черновика статьи Н. П. Петерсона

"Николай Федорович Федоров и его "Философия общего дела": "По мысли Николая Федоровича, особо важные события должны быть отмечаемы более торжественными выставками. И вот по его мысли воронежский музей стал устраивать выставки, — были устроены выставки Коронационная, Екатерининская и в 1898 году в дни Рождества Христова — Рождественская. Воронежский музей и до сих пор продолжает устраивать выставки, привлекающие много народа и не остающиеся, конечно, бесплодными. И в то же время никому, кроме первого устроителя первой воронежской выставки, неизвестно, кто был первый, давший мысль об устройении таких выставок, и эту неизвестность никак нельзя поставить в вину тем, которые были вдохновлены Николаем Федоровичем, он сам требовал, чтобы его не упоминали, всякое упоминание, благодарность, выраженная ему публично, действовала на него крайне болезненно" (карт. 5, № 8, л. 101).

* * *

От Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона неоднократно поступали пожертвования в пользу музея, характер которых, к сожалению, не раскрыт (см., в частности: Воронежский губернский музей в 1899 году. Воронеж, 1900. С. 11. В разделе "Список лиц и учреждений, от которых в Воронежский Губернский Музей поступили пожертвования в 1899 году" указаны: Петерсон Николай Павлович, член Окружного суда в Асхабаде; Федоров Николай Федорович, чиновник Московского Румянцевского музея). В отделе редких книг Научной библиотеки Воронежского университета сохранился экземпляр книги "Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона", т. II (М., 1913) с дарственной надписью: "В Воронежский губернский музей от В. А. Кожевникова".

А. Н. Акиншин,
О. Г. Ласунский

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А. 211

А. С. 21,25

Акиншин А. Н. 7, 9—16, 198—232

Аксаков И. С. 44

Александр I, император 67, 144, 157

Александр II, император 113, 122, 144, 146—148, 157, 162

Александр III, император 113, 114, 146, 147, 162

Алексей Михайлович, царь 162, 171, 177

Алексей Петрович, царевич 171

Алисов И. Т. 11, 16, 164, 165, 216, 217

Алленова В. А. 15

Анастасий (Добрадин), архиепископ 214

Анна Иоанновна, императрица, 19

Антоний (Медведев), архимандрит 108, 201

Аракчеев А. А. 67, 71

Афонин К.П. 11, 14, 187—189, 228, 229

Б. 108

Бантыш-Каменский Д. Н. 44

Бартенев П. И. 215

Бартенев Ю. П. 71, 215, 223

Бегичев Д. Н. 108

Белинский В. Г. 13, 41, 179

Белл А. 128, 131

Белокуров С. А. 21

Беляев П. Г. 47, 104, 108, 207, 223

Бердяев Н. А. 5

Бестужев-Рюмин А. П. 47

Бодуэн 116, 117

Болховитинов Е. А. 94, 97

Борисов В. С. 199, 200, 201, 205, 212, 216

Борисов И. А. 32, 49

Браве Я. Ф. 224, 225, 226

Булгаков С. Н. 5

Бунаков Н. Ф. 11

Бухонов К. И. 47, 104, 108

Вахтеров В. П. 62, 71

Вашкевич Г. С. 7, 11, 12, 15, 117—120, 216, 219—221, 225, 227

Введенский А. И. 113, 114

Вельтман А. Ф. 44

Веневитинов М. А. 202, 203, 212—214, 216

Вера Ивановна, см. Вера Матвеевна

Вера Матвеевна, домовладелица 208, 217, 229
Веретенникова Н. В. 225, 226
Вернадский В. И. 5
Верто, аббат 179, 180
Веселовский В. Г. 5, 11, 16, 60, 71, 119, 163, 200, 203
Веселовский Г. М. 11, 16, 170, 174, 176, 202, 203
Владимир I, князь, 19, 20, 147
Владиславлев В. М. 200
Вольтер 47
Второв Н. И. 96, 97, 176, 177, 181
-въ, см. Соловьев Л. Г.

Гаазе Ф. П. 187
Гаврилов Н. П. 195
Гаман И. 82, 83, 86
Гачева А. Г. 15, 16, 121, 133, 136, 205
Ге Н. Н. 188, 189
Гегель Г. 91, 93, 130
Гемстергюн Ф. 82, 86
Георгиевский С. М. 89, 93
Георгий Александрович, вел. князь 207
Гинкен А. А. 12, 16, 189
Глаголев С.С. 80, 81, 84—86
Гогарт (Хогарт) У. 185
Гоголь Н. В. 77
Гольцев В. А. 114
Горький М. 5
Грез Ж.-Б. 47

Дарий, царь 74
Дашков В. А. 203
Денисенко Е. С. 207
Денисенко И. В. 11, 122, 203, 207, 214, 216
Де-Пуле М. Ф. 174
Джаншиев Г. А. 226
Дмитриева В. И. 11, 196
Добролюбов Н. А. 13, 41
Добромиров В. Д. 15
Достоевский Ф. М. 12, 60—72, 74, 137, 186, 208, 209, 210, 230
Драгомиров М. И. 63, 64, 65, 71
Дюма А. 113, 114
Дюрер А. 183
Дядьков А. М. 72, 98, 204, 206

Евгений, митрополит, см. Болховитинов Е. А.
Екатерина II, императрица, 19, 46, 47, 48, 60, 161, 206
Елизавета Петровна, императрица, 19, 162

Жуковский В. А. 171
Жуковский П. В. 157

Заболоцкий Н. А. 5
Зверев С. Е. 7, 11, 13, 15, 134, 162, 200, 201, 205—207, 209—211, 213,
216, 220—223, 226, 228
Золя Э. 28, 30, 31, 32, 57, 89, 90, 108, 113, 114

И. Б. см. Борисов И. А.

Ивакин И. М. 223

Иванов И. И. 13, 35

Ивановский А. А. 72, 80

Ив-нов, см. Иванов И. И.

Игорь, князь 147

Иннокентий (Попов-Вениаминов), митрополит 165, 168

Иосиф (Соколов), епископ 208, 209

Исаев В. И. 175, 181

Кант И. 128, 13, 131, 225

Каразин В. Н. 29, 32, 44, 45, 48, 49, 58, 62, 63, 67, 68, 71, 97, 116

Карамзин Н. М. 171

Квасков Я. Г. 24, 26, 52

Ключев Н. А. 5

Коваль Л. 216

Кожевников В. А. 9, 10, 11, 12, 13, 16, 72, 74—81, 83—86, 90, 112—
114, 134, 188, 199, 202—206, 208—232

Кожевникова А. Д. 16

Кольцов А. В. 175, 181

Комаровский Н. Е. 120, 219, 221, 222

Кони А. Ф. 186, 187

Конт О. 128—131

Корреджо А. 183

Костомаров Н. И. 171

Кочергина В. А. 15

Кривошеин Д. Ф. 193, 196

Кривошеина А. Д. 15

Кривошеина Е. Н. 15, 190, 191, 192, 193, 195, 229

Кудрявцев П. Н. 44

Куколь Ф. И. 172, 174

Купер Ф. 178

Кюи А. А.

Лависс Э. 107, 109

Лаврентий, архимандрит 174

Лазарев С. А. 199

Ласунский О. Г. 7, 9—16, 198—232

Лебедев В. А. 180, 181

Лебедева М. 208

Лебон Г. 107, 109

Леонардо да Винчи 183

Лжедмитрий I 80

Лилева И. 32

Литвинов В. В. 109

Лихачева Ф. И. см. Петерсон Ф. И.

Лодж О. 116, 117
Лодыгин Н. Д. 25, 26, 53
Локк Д. 86
Лунева М. И. 112
Ляпин М. И. 93
Ляпин Н. И. 93

Мазуренко С. П. 225
Марков Е. Л. 11, 14, 15, 109, 112, 163—168, 182, 185—187, 210, 211,
216—218, 220, 221, 223, 228, 229
Мартынов М. Ф. 207
Маяковский В. В. 5
Менделеев Д. И. 68, 71
Меншиков А. Д. 172
Меттерних К. 67, 71
Мефодий, св. 158
Микельанджело 183
Митрофан, епископ, св., 48, 49, 100—102, 108, 170, 172—174, 201, 209,
220, 230
Михаил Федорович, царь, 19, 21, 161, 162
Муравьев А. Н. 147, 157
Муравьев М. Н. 141

Н. П. см. Петерсон Н. П.
Н. П. П. см. Петерсон Н. П.
Назарьев И. П. 211
Наталья Кирилловна, царица 171
Н-въ П., см. Николаев П. А.
Некрасов М. И., см. Лаврентий
Нестор, летописец 171
Никитин И. С. 175, 181
Николаев П. А. 220
Николай I, император 78, 162
Николай II, император 131—133, 137, 141, 144, 204, 221
Новак Д. Д. 15, 194, 196
Новак З. Н. 14, 189—198
Новак И. Д. 15
Новак М. Д. 194, 196

Огарева Ю. В. см. Петерсон Ю. В.
Ориген, философ 62, 71
Откровенный Я. 221

П. Ц. см. Циркунов П. Я.
Павел I, император 46, 179, 181, 183
Павленков Ф. Ф. 184, 185
Павлов С. П. 176, 181
Паренаго М. П. 47, 104, 108, 183, 207, 223
Пастернак Б. Л. 5
Пастернак Л. О. 188, 189
Петерсон Агриппина Николаевна 190—195

- Петерсон Александр Григорьевич 189
 Петерсон Александр Николаевич 191, 193, 195, 196
 Петерсон Алексей Николаевич 190, 192, 194—197
 Петерсон Анфиса Федоровна 195
 Петерсон Вера Николаевна 190—195, 197, 229
 Петерсон Владимир Николаевич 192—195
 Петерсон Григорий Николаевич 190, 192, 194, 195
 Петерсон Дмитрий Николаевич 191, 192, 194, 195
 Петерсон Евгений Владимирович 193
 Петерсон Екатерина Александровна 196
 Петерсон Елизавета Николаевна, см. Кривошеина Е. Н.
 Петерсон Зоя Николаевна, см. Новак З. Н.
 Петерсон Иван Николаевич 190, 192—195
 Петерсон Константин Николаевич 190, 192, 194, 195
 Петерсон Лев Владимирович 193
 Петерсон Любовь Николаевна, см. Рутковская Л. Н.
 Петерсон Мария Александровна 193, 196
 Петерсон Михаил Владимирович 193
 Петерсон Михаил Николаевич 15, 190, 192—195
 Петерсон Надежда Николаевна 196
 Петерсон Наталья Ивановна 192, 193
 Петерсон Наталья Николаевна 190—195
 Петерсон Николай Александрович 193, 196
 Петерсон Николай Павлович 7, 9—16, 23, 44—49, 69, 70, 120, 126,
 136, 137, 157, 161—168, 185—232
 Петерсон Нина Владимировна 193
 Петерсон Павел Николаевич 191, 194, 195
 Петерсон Фаина Ивановна 195
 Петерсон Юлия Владимировна 188—197, 205
 Петерсон Юлия Ивановна 193, 196
 Петр, митрополит 147, 157
 Петр I, император 48, 49, 100, 108, 161, 171, 172, 179, 184, 189, 190,
 195
 Петр III, император 46
 Платон, философ 81
 Платонов А. П. 5
 Плеханов Г. В. 193, 196
 Поликарпов Н. И. 98, 199, 209
 Попов Л. К. 107, 109
 Попов П. А. 16
 Попова Ю. И. см. Петерсон Ю. И.
 Порошин С. А. 179
 Пришвин М. М. 5
 Прядкин С. Н. 11, 188, 189
 Пушкин А. С. 142

 Раевич И. А. 174
 Рафаэль С. 183
 Ренан Ж. 70, 72, 80
 Рише Ш. 61, 71
 Робине Ж. 178

Родзевич Ю. А. 15
Рождественский Т. С. 168
Романо Д. 183
Румянцев Н. П. 94, 98
Рутковская Л. Н. 15, 190, 192, 193, 194, 196

С. С. см. Слуцкий С. С.
Савков И. А. 133
Салюсбери, см. Солсбери Р
Семенова С. Г. 5—9, 15, 206
Сергий Радонежский, св. 101, 102, 108, 158, 201
Сидорский П. О. 122, 123, 126
Синельников Н. П. 98
Скотт В. 179
Скрынченко Г. Д. 228
Скрябин А. М. 198
Скрябин И. М. 198, 223
Скрябин М. И. 198
Скрябины 195, 196, 205
Слепцов П. А. 225
Слуцкий С. С. 101, 108
Соколовский П. В. 178, 181
Соловьев В. С. 5, 69, 70, 72, 184, 186
Соловьев Л. Г. 7, 11, 12, 14, 15, 103, 104, 109—112, 120, 121, 157,
169—185, 207, 213, 215, 218, 220, 223, 227
Соловьев С. М. 171
Соловьева А. А. 112
Солсбери Р. 132, 134
Спасский А. М. 11, 15, 16, 217, 221
Срезневский В. И. 199
Стед В. 139, 141, 144
Строев П. М. 40, 44
Суворов А. В. 179
Султанов Н. В. 157
Суттнер Б. 139, 141

Тарачков Н. С. 176, 181
Тихон Задонский, епископ, св. 46, 48, 49, 230
Тихон, казначей 173
Толстой Д. Н. 174
Толстой Л. Н. 34, 77, 113, 114, 139, 150, 186, 198, 207, 214, 227
Тулинова А. И. см. Шеле А. И.
Тургенев А. И. 180, 181

Успенский М. И. 46, 47, 49
Уткин Н. И. 47

Федоров П. Ф. 162, 163
Федоров, домовладелец 221
Федяевский К. В. 225
Фет А. А. 136

Филарет (Дроздов), митрополит 84, 86, 93, 102, 108, 135, 138, 141, 166, 201, 230

Филиппов А. 25

Филипповский П. С. 122, 123, 126

Филонов П. Н. 5

Флоренский П. А. 5

Харин, торговец 228

Хованский А. А. 228

Циркунов П. Я. 230

Циолковский К. Э. 5

Чекрыгин В. Н. 5

Челлини Б. 183

Чернышевский Н. Г. 13

Чижевский А. Л. 5

Чистяков С. 65, 71, 136

Ч-т-в С. см. Чистяков С.

Шаховской 224

Шварц А. Е. 195

Шеле А. И. 180, 181

Шиллер Ф. 171

Шильдер Н. К. 144, 157

Шлиман Г. 80, 170

Штраус Д. 80

Эдисон Т. 89, 93

Эльпе, см. Попов Л. К.

Энгельгардт Н. А. 226

МЕБЕЛЬ
ТЕЙКИНА

ДНСКА

СТИЛЬ

МЯСКИ

МЕБЕЛЬНЫЙ

О-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ

САВЕЛЬЕВ САВЕЛЬЕВ

ПРИЕМЪ

ГОТОВЫЕ

ЗАК

